Библейская Наука.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

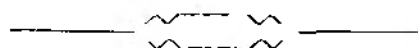

ИСТОРИЧЕСКІЯ КНИГИ
Ветхаго Завѣта.

Академическія чтенія Доктора Богословія, Профессора и Ректора Московской и Кіевской Духовныхъ Академій, автора „Толковаго Евангелія“ и „Толковаго Апостола“,

Епископа Михаила.

Издано подъ редакціей Н. И. Троицкаго.

ТУЛА.
Типографія И. Д. Фортунатова, Кіевская ул., д. Платоновыхъ.
1899.

Электронный вариант книги
выполнен в Перервинской
духовной семинарии

www.pds.orthodoxy.ru

Москва
2005

Историческія Книги

Ветхаго Завѣта.

Академическія чтенія Доктора Богословія, Профессора и Ректора Московской и Кіевской Духовныхъ Академій,

Епископа Михаила.

III.

Издано подъ редакціей Н. И. Троицкаго.

ТУЛА.

Типографія И. Д. Фортунатова, Кіевская ул., д. Платоновыхъ.

1899.

... Работы надъ наукой болѣе,—работы терпѣливой, настойчивой, неустанной!—Съ наукой мы будемъ сильнѣе.

Епископъ Михаилъ.

Историческія книги В. З.

I. Книга Іисуса Навина.

Епископа Михаила.

Въ ряду священныхъ библейскихъ книгъ, въ которыхъ изображаются судьбы Еврейскаго народа по смерти Великаго Законодателя его, первое мѣсто занимаетъ книга Іисуса Навина.—Она содержитъ исторію Теократіи Еврейскаго народа подъ водительствомъ Іисуса сына Навина, котораго, какъ ближайшаго служителя Моисея, исполненнаго духомъ разума, Іегова поставилъ преемникомъ Моисею для продолженія и окончанія великаго начатаго но, не оконченнаго Моисеемъ, дѣла—введенія и водворенія Израильтянъ въ обѣтованной отцамъ ихъ землѣ. Потому повѣствованіе въ ней начинается послѣдовавшимъ немедленно послѣ смерти Моисея повелѣніемъ Іеговы І. Навину—принять вмѣсто Моисея водительство народа, къ чему онъ призванъ былъ еще прежде, и оканчивается сказаніемъ о смерти Іисуса и современнаго ему первосвященника Елеазара. Призваніе Навина было не только то, чтобы завоевать землю Ханаанскую, изгнать и истребить прежнихъ ея обитателей и ввести въ нее Евреевъ, но и то, чтобы эту завоеванную землю раздѣлить Евреямъ по колѣнамъ, водворить ихъ въ ней, опредѣливъ каждому колѣну постоянное мѣсто жительства и опредѣленныя границы; сообразно тому вся книга дѣлится на двѣ части: въ первой (1—11) описывается завоеваніе и занятіе земли Ханаанской; во второй (18—24) раздѣленіе ея между Израильтянами.

Кто писатель этой книги, и когда она написана? Этотъ вопросъ, съ тѣхъ поръ какъ происхожденіе и характеръ историческихъ Ветхозавѣтныхъ Библейскихъ книгъ подвергнуты

были критикѣ, возбудилъ полемику между историками и экзегетами. Мы не будемъ слѣдить за ходомъ этой полемики въ постепенномъ ея развитіи и видоизмѣненіяхъ, а изложимъ лишь безпристрастно результаты, какихъ достигла она въ настоящее время; изложимъ доказательства полемизирующихъ и взаимное сужденіе ихъ объ этихъ доказательствахъ, чтобы видѣть, на чьей сторонѣ болѣе правды, кого вѣроятнѣе считать писателемъ этой книги и когда время ея написанія.

Въ рѣшеніи этого вопроса о писателѣ и времени написанія книги историки и экзегеты настоящаго времени, какъ и прошедшаго, дѣлятся главнымъ образомъ на двѣ стороны: одна —сторона апологетовъ почитаетъ всю эту книгу, въ томъ видѣ, какъ дошла она до насъ—исключая послѣднихъ 8 ст., въ которыхъ описывается смерть Навина и Елеазара,—произведеніемъ самого Навина; другая—совершенно отрицаетъ это, опровергая доказательства противной стороны и утверждая, что въ настоящемъ составѣ она не можетъ принадлежать Навину, а составляетъ произведеніе позднѣйшаго писателя, который изъ частныхъ записокъ о тѣхъ временахъ составилъ ее. Это послѣднее мнѣніе, особенно въ отношеніи къ опредѣленію времени жизни писателя, имѣетъ много видоизмѣненій; одни относятъ время его жизни ко времени послѣднихъ судей и называютъ прямо Самуила писателемъ ея, другіе ко временамъ Давида, или Соломона, иные ко временамъ предъ плѣномъ или даже послѣ плѣна. Мы разсмотримъ сначала это мнѣніе вообще, какъ отрицаніе происхожденія этой книги отъ І. Навина и сопоставимъ его съ мнѣніемъ апологетовъ; потомъ уже прослѣдимъ и нѣкоторыя видоизмѣненія его.

Происхожденіе этой книги отъ Навина апологеты утверждаютъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Самое названіе этой книги книгою Іисуса Навина, говорятъ апологеты, указываетъ на нее, какъ на произведеніе этого преемника Моисеева, точно такъ же, какъ названіе Пятокнижія книгами Моисеевыми свидѣтельствуетъ о происхожденіи ихъ отъ Моисея, точно такъ же, какъ и въ другихъ случаяхъ книги называются именемъ писателей. Но защитники противной стороны совершенно справедливо говорятъ противъ этого доказательства, что не всегда названіе книги именемъ извѣстнаго лица свидѣтельствуетъ о происхожденіи ея именно отъ этого лица, что названія таковыя давались иногда кни-

гамъ потому, что въ нихъ описываются обстоятельства жизни того лица, чье имя носитъ книга въ заглавіи. Названія книгъ Руфи, Судей, Товіи, Іудиѳи и Есѳири, напримѣръ, вовсе не доказываютъ того, чтобы эти книги и произошли именно отъ этихъ лицъ; такъ какъ доказано, что они писаны другими лицами; названіе такое имъ усвоено лишь потому, что онѣ имѣютъ главнымъ предметомъ своимъ описаніе обстоятельствъ жизни этихъ лицъ и только. Значитъ, это основаніе не твердо, и доказательство не имѣетъ силы убѣдительности; оно имѣетъ лишь условное значеніе,—доказательства при другихъ, а—не аподиктическое.

2) Второе основаніе апологетовъ—слова—26 ст. 24 гл.: и вписа Іисусъ, говоритъ писатель книги, послѣ описанія рѣчей Іисуса къ народу въ Сихемѣ,—и вписа Іисусъ вся словеса сія въ книгу закона Божія. Такъ какъ вся книга Іисуса Навина, говорятъ апологеты, есть одно стройное цѣлое,—то въ самомъ указаніи на то, что Іисусъ послѣднія рѣчи свои вписалъ въ книгу закона, уже непосредственно заключается мысль, что и все предшествующее также внесено имъ въ законъ, т. е. вся книга написана имъ. Но противная сторона говоритъ противъ этого, что такое заключеніе поспѣшно и опровергается полтекстомъ приведеннаго стиха. Ибо далѣе Іисусъ говоритъ, что камень, который онъ поставилъ предъ теревинѳомъ, иже есть предъ Господемъ, и который долженъ быть свидѣтельствомъ противъ народа, этотъ камень слышалъ вся глаголанная отъ Господа, елика глагола къ людемъ днесь, т. е. въ Сихемѣ (27), это замѣчаніе днесь указываетъ, что и словеса, вписанныя Навиномъ въ книгу закона были только слышанныя народомъ днесь, т. е. въ Сихемѣ, т. е. только послѣднія рѣчи Навина, во свидѣтельство чего и поставленъ этотъ камень; на всю книгу, значитъ, здѣсь нѣтъ указанія. Напротивъ, продолжаютъ отрицающіе, въ этомъ замѣчаніи, что Навинъ послѣднія рѣчи вписалъ въ книгу закона содержится указаніе ясное, что остальное содержаніе книги не внесено въ законъ: потому что это замѣчаніе дѣлается только о послѣднихъ рѣчахъ, въ которыхъ Іисусъ, подобно Моисею, напоминаетъ предъ смертію народу законъ Іеговы. Апологеты возражаютъ на это, что подобное замѣчаніе о Моисеѣ, что онъ вписалъ вся словеса закона сего въ книгу, сказанныя послѣ изложенія послѣднихъ рѣчей Моисея къ народу (Втор. 31, 8), указываютъ не только на эти рѣчи, но и на

все предшествующее, по крайней мѣрѣ на всю книгу Второзаконія. Но отрицающіе говорятъ, что это неправильное толкованіе словъ Моисея, что подъ сказанными словесами здѣсь разумѣются именно послѣднія рѣчи Моисея, которыя онъ вписалъ въ книгу, т. е. присоединилъ къ прежде написанному закону или книгѣ закона, о которой часто упоминается въ Пятокнижіи, что и справедливо. Итакъ, и это доказательство происхожденія книги Іисуса Навина отъ самого Навина, не убѣдительное, не аподиктическое доказательство; оно можетъ имѣть силу опять при другихъ только сильнѣйшихъ, прямыхъ, и то силу очень не сильную.

3) Новое доказательство происхожденія книги Іисуса Навина отъ самого Навина апологеты находятъ въ 30 ст. 24 гл. Въ этомъ ст. Іисусъ Навинъ называется почетнымъ въ исторіи Теократіи именемъ раба Божія или отрока Іеговы и называется такъ только въ этомъ одномъ мѣстѣ изъ всей книги; это имя даетъ ему очевидно другой позднѣйшій писатель, прибавившій на концѣ книги повѣствованіе о смерти Навина и Елеазара, какъ самъ Навинъ присоединилъ къ концу книги Второзаконія повѣствованіе о послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти Моисея. Изъ этого они выводятъ не только то заключеніе, что писатель этого отдѣленія различенъ отъ писателя всей остальной книги, но и то, что писатель всей, кромѣ этого отдѣленія, книги, въ которой ни разу Навинъ не называется именемъ раба Іеговы, самъ Навинъ, потому, что всякій другой, кромѣ него, называлъ бы его этимъ именемъ не только въ концѣ при сказаніи о кончинѣ его, но и въ другихъ мѣстахъ, тогда какъ самому Навину нельзя, неприлично было усвоить себѣ это почетное названіе, и вотъ во всей книгѣ оно не встрѣчается, вѣрный знакъ, что эта книга его произведеніе. Но неужели, спрашиваютъ противники апологетовъ, неужели не могъ другой писатель этой книги, кромѣ Іисуса, найти и приличнымъ и удобнымъ этимъ почетнымъ именемъ назвать Іисуса только при описаніи его смерти, по совершеніи имъ великаго дѣла, не называя такъ прежде; великимъ именемъ и прилично назвать великаго человѣка, по описаніи величія всѣхъ его дѣлъ и писатель книги Навина называя такимъ именемъ Іисуса только при описаніи его смерти, какъ бы полагаетъ возвышенно – простую надпись на гробницѣ великаго человѣка. Я нахожу, говоритъ одинъ защитникъ этого мнѣнія, въ томъ, что писатель книги Навина только при описаніи смерти, а не прежде, называетъ Іисуса

почетнымъ именемъ раба Іеговы, не болѣе, какъ свойственную священнымъ писателямъ осторожность и какъ бы цѣломудріе въ похвалахъ избраннымъ орудіямъ Божіимъ, вслѣдствіе которыхъ они чрезвычайно скупы въ похвальныхъ эпитетахъ даже великимъ лицамъ, и они лишь тогда ихъ восхваляють, когда покажутъ величіе ихъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, это доказательство не можетъ быть названо прямымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ происхожденія книги отъ Іисуса Навина; оно опять нуждается въ другихъ, чтобы имѣть какую-либо силу.

4) Далѣе апологеты въ доказательство своего мнѣнія ссылаются на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ писатель книги Навина представляетъ себя очевидцемъ того, что онъ описываетъ (5, 1.—или съ подлинника, „намъ"—6) слѣдовательно, книга Навина написана не послѣ Навина,—какъ стараются доказать противники,—а при жизни его, а кто же изъ очевидцевъ описываемыхъ событій могъ описать ихъ лучше и точнѣе и вѣрнѣе Навина?—Но противная сторона говоритъ, что эти мѣста вовсе не доказываютъ положенія апологетовъ: а) выраженіе „намъ" можетъ означать здѣсь не очевидца, а вообще народъ,—и въ этомъ смыслѣ всякій позднѣйшій писатель, говоря о давно-минувшихъ событіяхъ, могъ сказать—Богъ осушилъ Іорданъ-рѣку, чтобы намъ перейти,—или, что необрѣзаннымъ воинамъ Богъ опредѣлилъ—не видѣть земли, которую клялся отцамъ—дать намъ ее въ наслѣдіе; онъ говоритъ не отъ своего лица, а отъ лица народа; и мы, говоря о давно-прошедшихъ временахъ, употребляемъ выраженіе—мы тогда сдѣлали то-то, мы побѣдили и пр.—б) позднѣйшій писатель могъ найти это выраженіе въ тѣхъ источникахъ, которыми онъ пользовался при составленіи своей книги и—такъ безъ перемѣны внести его въ свою книгу, тѣмъ болѣе, что оно нисколько не нарушало смысла, получивъ въ устахъ позднѣйшаго Писателя смыслъ собирательный,—мы какъ народъ, хотя можетъ быть, писавшій этотъ источникъ означалъ себя этимъ выраженіемъ, какъ очевидца;—наконецъ, в) если и въ самомъ дѣлѣ очевидецъ писалъ эти мѣста, то и не слѣдуетъ еще изъ этого ни то, что всю книгу написалъ очевидецъ, ни то, что этотъ очевидецъ Писатель—не кто иной, какъ Іисусъ сынъ Навинъ.—Значитъ и это доказательство не доказательно.

5) Потомъ апологеты въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылаются на частности и подробности, которыми такъ богата

эта книга особенно въ географическомъ отношеніи,—которыхъ не могъ въ точности передать позднѣйшій Писатель, и —никто не могъ знать лучше самого Навина. Притомъ же нужно было узаконить первоначальное раздѣленіе земли по колѣнамъ, нужно было записать всѣ подробности, чтобы послѣ не возникло спора между, колѣнами,—книга Навина и содержитъ эти узаконенія и—кому же приличнѣе написать эти узаконенія, какъ не вождю?—Но противъ этого доказательства говорятъ, что эти частности и подробности вовсе не препятствуютъ признавать писателемъ книги кого-либо другаго, жившаго послѣ Навина; онѣ внесены въ книгу изъ источниковъ, которыми пользовался писатель,—изъ записокъ современныхъ описываемымъ событіямъ. Что во времена Іисуса Навина составлялись записи событій и распоряженій, особенно географическія записи,—это видно изъ самой книги Іисуса Навина. По повелѣнію Навина по три мужа изъ каждаго колѣна обходили землю Ханаанскую, описывали ее и свои описанія заключили въ одной книгѣ, которую и принесли къ Іисусу въ Силомъ (18, 4. 5. 6. 8. 9). Отсюда, изъ этихъ записокъ очевидцевъ, документовъ оффиціальныхъ, если можно такъ выразиться, позднѣйшій писатель и могъ заимствовать всѣ частности и подробности, находящіяся въ книгѣ Іисуса Навина. Можно думать, что велись и другія частныя записи, которыя и послужили источниками для составленія книги.—Эти же записи,—оффиціальныя—служили узаконеніемъ для Израильтянъ въ отношеніи къ раздѣленію между ними земли и въ предотвращеніе всякихъ споровъ; въ книгѣ прямо сказано, что по нимъ Іисусъ раздѣлилъ землю между колѣнами Израилевыми (ст. 10). Значитъ и это доказательство происхожденія книги отъ Іисуса Навина не твердо.

Точно такимъ же образомъ противная апологетамъ сторона отвергаетъ основательность и другихъ ихъ доказательствъ,—менѣе сильныхъ,—выводя общее заключеніе, что всѣ эти доказательства не доказываютъ положительно и неопровержимо мнѣнія, будто писатель разбираемой книги Іисусъ Навинъ, и что такихъ твердыхъ прямыхъ и положительныхъ доказательствъ въ книгѣ вовсе нѣтъ.—Но, чтобы совершенно лишить силы вышеприведенныя доказательства апологетовъ, не достаточно лишь ослабить ихъ такими проблемматическими противоположеніями. Конечно, прямыми и положительными доказательствами ихъ считать нельзя и—правда, что таковыхъ въ самой книгѣ вовсе нѣтъ какъ въ большей части книгъ

Ветхозавѣтныхъ; но они имѣютъ по крайней мѣрѣ относительное значеніе и—ослабленіе, даже отверженіе ихъ вовсе не доказываетъ еще противнаго мнѣнія, будто писатель книги—не Навинъ.—Для утвержденія этого мнѣнія и отверженія противнаго мнѣнія апологетовъ, нужны положительныя доказательства, нужно въ самой книгѣ найти признаки, по которымъ она не можетъ принадлежать Навину, а должна принадлежать другому писателю, и отрицающіе находятъ такіе признаки.—Отселѣ начинается обратная полемика.

Что книга Навина въ настоящемъ составѣ не можетъ принадлежать самому Навину,—на это приводятъ слѣдующія доказательства, заимствованныя изъ самой книги:

Многія мѣста этой книги, говорятъ, указываютъ на событія, случившіяся послѣ и гораздо послѣ смерти Навина; и если, по единству духа и характера, вся книга есть произведеніе одного лица, составившаго ее по современнымъ описываемымъ событіямъ, а частію и позднѣйшимъ записямъ, то это лицо жило гораздо послѣ Навина.

1) Повѣствуя о томъ, что при побѣдѣ надъ пятью Хананаанскими царями остановились солнце и луна, писатель, какъ бы въ подтвержденіе истинности своего повѣствованія, ссылается на книгу Праведнаго, въ которой говорится объ этомъ происшествіи (10, 12—13).—Очевидно, говорятъ, что это событіе описано послѣ Навина другимъ лицемъ; ибо Навину, главному дѣйствующему лицу въ этомъ происшествіи, нельзя и не нужно было въ подтвержденіе своего сказанія ссылаться на другую какую-то книгу;—при томъ послѣдующія слова: и не бысть таковый день ниже прежде, ниже послѣди, считать ли ихъ извлеченіемъ изъ этой книги Праведнаго или собственными словами писателя книги Навина, показываютъ, что они писаны послѣ этого описаннаго обстоятельства и не могли быть современны описываемому происшествію;—и самая пѣснь эта, изъ которой заимствованы слова, очевидно, не могла быть сложена ранѣе описаннаго происшествія, чтобы Навинъ могъ ссылаться на нее; она должна быть составлена послѣ, а слѣдовательно, Навинъ не могъ указать на нее; такія пѣсни большею частію слагались около временъ Давида; тогда же, вѣроятно, сложена и эта пѣснь; значитъ писатель книги Навина жилъ около временъ Давида, по крайней мѣрѣ.

2) Описанное въ книгѣ Навина занятіе Хеврона Халевомъ и Давира Гоѳоніиломъ (15, 13—19), а равно завоеваніе Лаиса

Данитянами (19, 17), случилось, по свидѣтельству книги Судей (1, 10—15. 18, 7. 29), уже послѣ смерти Навина; слѣдовательно, онъ не могъ самъ внести этихъ замѣтокъ въ свою книгу; слѣдовательно, писатель ея—не онъ, а позднѣйшій.

3) Далѣе—въ книгѣ Навина упоминается о горахъ Іуды и Израиля (11, 16. 21), каковое раздѣленіе могло родиться только по раздѣленіи царства Еврейскаго на Іудейское и Израильское послѣ смерти Соломона. Значитъ, самъ Навинъ не могъ записать въ книгѣ такихъ наименованій горъ; эти наименованія указываютъ, что книга писана уже послѣ смерти Соломона и раздѣленія царства Еврейскаго на два.

4) Далѣе—на позднѣйшаго писателя книги, говорятъ, указываетъ 25-й ст. 6-й гл., въ которомъ вмѣстѣ съ проклятіемъ, которое Іисусъ произнесъ на того, кто осмѣлился бы воздвигнуть Іерихонъ, содержится и указаніе на исполненіе этого проклятія на Ахилѣ изъ Веѳиля или по другому чтенію Аханѣ (ср. 3 Цар. 16, 34).—Очевидное, говорятъ, дѣло, что писатель этого мѣста въ книгѣ Навина жилъ послѣ Ахаава, при которомъ возстановленъ былъ Іерихонъ. Точно также на позднѣйшаго писателя указываетъ 10 ст. 16 й гл. гдѣ говорится, что Хананеи жили у Ефремлянъ въ Газерѣ, дондеже взыде Фараонъ, царь Египетскій и взя градъ и запали его огнемъ, и Хананеевъ и Ферезеевъ и живущихъ въ Газерѣ избодоша и даде его Фараонъ въ вѣно дщери своей.—При Навинѣ никакого нашествія Фараона па Палестину не было; слѣдовательно, Навинъ не могъ записать этого въ книгу; слѣдовательно, писатель ея позднѣйшій.

5) Далѣе,—употребленное во многихъ мѣстахъ книги выраженіе, что извѣстное состояніе продолжается даже до дне сего, показываетъ, что писатель жилъ долго спустя послѣ описываемыхъ имъ происшествій; иначе современному писателю не нужно было употреблять этого выраженія: потому что оно показываетъ промежутокъ времени между событіями и описаніемъ ихъ. Значитъ, всѣ мѣста, гдѣ употреблено это выраженіе не могли быть написаны самимъ Іисусомъ,—а указываютъ на позднѣйшаго писателя.

6) Потомъ въ повтореніи сказаній объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, сказаній не рѣдко разногласныхъ и противорѣчивыхъ, видятъ позднѣйшаго писателя, который заимствовалъ сказанія изъ частныхъ замѣтокъ—фрагментовъ, иногда не согласныхъ между собою, и не повѣряя ихъ, внесъ въ свою книгу такъ, какъ они есть. Такихъ повтореній и разноглас-

ныхъ находятъ хотя и не много, но находятъ и—заключаютъ, что самъ Навинъ не допустилъ бы ихъ въ своей книгѣ; значитъ, книга писана другимъ лицемъ и притомъ такъ долго послѣ Навина жившимъ, что преданіе даже отказывалось помогать ему въ примиреніи разногласій, встрѣченныхъ имъ въ первоначальныхъ источникахъ, которыми онъ пользовался при составленіи своей книги, и—онъ долженъ былъ внести ихъ въ свою книгу не примиренными.

Вотъ важнѣйшіе признаки, которые указываютъ въ книгѣ Навина въ доказательство того, что онъ не могъ быть писателемъ ея, что писатель ея жилъ гораздо послѣ него, хотя и разногласятъ въ опредѣленіи времени его жизни. Находятъ и другіе признаки позднѣйшаго происхожденія книги; но, по неважности, ихъ можно оставить.

Устрашаемые этими возраженіями противъ происхожденія книги, въ ея настоящемъ составѣ, отъ самого Навина, нѣкоторые изъ апологетовъ уступили частію своимъ противникамъ и основались на той мысли, что эта книга есть произведеніе Іисуса Навина,—только со временемъ къ ней сдѣланы нѣкоторыя добавленія и поясненія, отъ чего нисколько, говорятъ они, не страдаетъ ни подлинность происхожденія ея отъ Навина, ни цѣлость и неповрежденность,—потому что сдѣланы лишь вѣрныя поясненія. Но допускать такія прибавленія значитъ отрицать неприкосновенность священныхъ книгъ Библейскихъ, значитъ допускать, что ихъ могли исправлять, измѣнять ихъ содержаніе,—это святотатство. Притомъ, этого и нельзя было сдѣлать, когда экземпляры Библейскихъ книгъ были въ употребленіи, и Евреи, берегшіе свои книги, какъ святыню, едва ли соглашались измѣнять ихъ содержаніе дополненіями и прибавленіями; скорѣе въ особой книгѣ они сообщили бы опущенное въ другихъ книгахъ,—какъ это мы и видимъ на книгахъ Паралипоменонъ. Вообще эта мысль о вставкахъ—интерполяціяхъ не терпима при разсмотрѣніи и критическомъ изслѣдованіи Библейскихъ книгъ; она, какъ мы видѣли при разсмотрѣніи Пятокнижія, можетъ вести и ведетъ къ печальнымъ ложнымъ результатамъ.—Вотъ почему—мысль о позднѣйшихъ дополненіяхъ къ книгѣ Навина нашла себѣ мало послѣдователей и, сама по себѣ шаткая и неопредѣленная, скоро превратилась или въ полную апологію или въ полное отрицаніе, потерявъ свое серединное значеніе. Еще охотнѣе простились съ этой ложной мыслью, когда увидѣли, что она не имѣетъ границъ, что допустивъ ее разъ, трудно

остановиться и—съ точностію опредѣлить, что въ книгѣ Навина принадлежитъ ему и что позднѣйшимъ редакторамъ ея, что въ пользу ея нужно пожертвовать многимъ, многимъ и—что книгу нужно считать изуродованною интерполяціями,—что невозможно; а особенно, когда увидѣли или всмотрѣлись, что возраженія противниковъ вовсе не такъ сильны, какъ кажутся съ перваго взгляда, что большею частію изъ посылокъ ихъ вовсе не слѣдуетъ выведенное заключеніе, что они основываются на предположеніяхъ недоказанныхъ, на ложныхъ перетолкованіяхъ и недоразумѣніяхъ.—Вотъ отвѣты апологетовъ на вышеприведенныя возраженія противъ происхожденія книги отъ самого Навина:—

1) Нѣтъ основаній думать, чтобы писатель книги Навина, при сказаніи *о стояніи солнца и луны, ссылался на книгу* Праведнаго въ подтвержденіе истинности своего сказанія, какъ обыкновенно позднѣйшіе писатели исторій ссылаются на сказанія предшественниковъ; писатель просто указываетъ какъ бы мимоходомъ, что объ этомъ происшествіи упоминается и въ другой книгѣ—Праведнаго; или скорѣе можно думать, что онъ хочетъ своимъ авторитетомъ засвидѣтельствовать сказаніе *другой книги, которая* извѣстна *была народу* въ его время, и, вѣроятно, была въ большомъ употребленіи, какъ книга поэтическая,—собраніе пѣсней, сложенныхъ народомъ въ честь великихъ людей. Что эта пѣснь въ книгѣ Праведнаго, изъ которой заимствованы слова въ разсматриваемомъ мѣстѣ книги Навина, явилась послѣ смерти Навина и долго спустя—около времени Давида и, слѣдовательно, Навинъ не могъ знать ее,—это и не доказано, и не вѣроятно. Есть примѣры въ самыхъ священныхъ книгахъ, что пѣсни слагались въ честь и прославленіе какого-либо лица или событія непосредственно послѣ этого событія и даже при жизни великаго лица. Примѣры: пѣснь Маріамны и Моисея по переходѣ чрезъ Чермное море, пѣснь Девворы и пр. Притомъ народъ не медлитъ сложеніемъ подобныхъ пѣсней; это подтверждаетъ исторія всѣхъ народовъ По всей вѣроятности или по крайней мѣрѣ по большей вѣроятности, уже и во времена Іисуса было собраніе народныхъ пѣсней въ честь великихъ событій и людей, извѣстное подъ именемъ sepher hajacchar, которое постоянно восполнялось и сохранялось, и о которой, кромѣ книги Навина, упоминается въ книгахъ Царствъ; по крайней мѣрѣ, противнаго доказать рѣшительно нельзя, а въ такомъ случаѣ изъ этого указанія на книгу Праведнаго рѣшительно ничего

нельзя заключить противъ происхожденія книги отъ самого Навина.—Стоитъ только отринуть совершенно ложную, хотя и принятую нѣкогда, мысль, будто священные писатели вообще и вмѣстѣ съ ними І. Навинъ записывали въ книги событія по мѣрѣ того, какъ они совершались,—въ такомъ случаѣ Навинъ, разумѣется, не могъ ссылаться на эту пѣснь, такъ какъ ея не могло еще быть въ то время, когда совершалось событіе указываемое въ ней,—она должна была явиться послѣ. Но что священные писатели вписывали событія непосредственно по ихъ совершеніи,—на это нѣтъ никакихъ доказательствъ. Въ послѣдніе же годы своей жизни Навину она могла быть извѣстна,—ибо было время для сложенія ея и— онъ могъ сослаться на нее, авторизовать ее въ своей книгѣ; противнаго доказать нельзя. Этимъ объясняются и послѣдующія слова: *не бысть таковый день ниже прежде, ниже послѣди,*—со времени этого событія до смерти Навина или до времени сложенія пѣсни.—Значитъ, это указаніе на книгу Праведнаго и извлеченіе изъ нея нѣскольскихъ строкъ могло быть сдѣлано самимъ Навиномъ; значитъ, нѣтъ въ этомъ препятствія признать книгу Навина его книгою; оно было бы препятствіемъ, если бы положительно доказано было, что книги Праведнаго не было въ его время; а это и не доказано и, говоримъ, невѣроятно. Моисей въ книгѣ Числъ также ссылается на сказанія книги подъ названіемъ—„Брань Іеговы" (Числ. 21, 14), что̀ вовсе не доказываетъ, будто мѣсто, въ которомъ упоминается объ этой книгѣ, или вся книга Числъ, не принадлежитъ Моисею.

2) Что занятіе Хеврона Халевомъ и Давира Гоѳоніиломъ, описанное въ 15 гл. кн. Навина, случилось, по свидѣтельству книги Судей, послѣ смерти Навина,—это несправедливо и опровергается составомъ самой книги Судей. Первая глава и начало второй главы этой книги описываютъ событія, случившіяся не по смерти Навина, а при жизни еще его, и—составляютъ частію воспоминанія о завоеваніи земли Хананейской, частію изображеніе отношеній Евреевъ къ Хананеямъ предъ смертію І. Навина. Это видно изъ того, что въ 6-мъ, 7, 8 и 9 ст. 2-й главы описывается смерть І. Навина такъ же, какъ въ послѣдней главѣ книги Іисуса Навина (28—31), и—потомъ уже начинается исторія Судей. Значитъ, все сказанное въ первой и началѣ второй главы книги Судей, а потому и завоеваніе Хеврона и Давира случилось при жизни Навина и составляетъ повтореніе или извлеченіе изъ его книги. Начало этой книги

нужно перевесть такъ: по смерти Іисуса Навина случилось слѣдующее: еще прежде сыны Израилевы вопрошали Господа и пр.—затѣмъ описываются подвиги прежніе Іуды и Симеона, еще при жизни Навина, смерть Адонивезека, царя Іерусалимскаго, подробно описанная въ 10-й главѣ Навина, занятіе Хеврона и Давира, упоминаемое въ 15 гл. книги Навина, и состояніе колѣнъ Еврейскаго народа предъ кончиною Навина, съ показаніемъ, что Евреи не исполнили опредѣленія Божія, не истребили Хананеевъ, и за это будутъ подлежать отвѣтственности.—Такимъ образомъ, возраженіе, будто Навинъ въ своей книгѣ не могъ помѣстить сказанія о занятіи Хеврона Халевомъ и Давира Гоѳоніиломъ, основывается на ложной мысли—будто эти событія послѣдовали послѣ смерти Навина, само собою падаетъ, какъ скоро доказана несправедливость этой мысли, и доказана на основаніи самой книги Судей.—Что касается до занятія Лаиса Данитянами, которое, по сказанію книги Судей (18, 7. 29), случилось около временъ Сампсона, и, слѣдовательно, не могло быть описано Іисусомъ Навиномъ, тогда какъ въ книгѣ его оно описано (19, 47): то странно смѣшивать эти два сказанія и почитать ихъ сказаніями объ одномъ и томъ же событіи; это два событія совершенно различныя: одно случилось при Навинѣ, другое послѣ, во времена Сампсона.—Это видно изъ сличенія сказаній обѣихъ книгъ. Въ книгѣ Судей (18, 1) говорится, что Данитяне пошли искать себѣ наслѣдія и воевать Лаисъ потому, что *до дней оныхъ* (до времени Сампсона) *не паде ему наслѣдіе среде племенъ сыновъ Израилевыхъ*, т. е., не было у него особеннаго участка земли, каковые имѣли всѣ прочія племена. Между тѣмъ, по книгѣ Іисуса Навина колѣно Даново имѣло свой участокъ съ опредѣленными границами, подобно другимъ колѣнамъ (19, 40—46), участокъ, данный ему Іисусомъ Навиномъ и Елеазаромъ (51), и Даниты воевали Лаисъ потому, что каждое колѣно обязано было изгонять изъ своего участка и истреблять Хананеевъ. Между тѣмъ, въ самой же книгѣ Навина замѣчено, что *не истребиша сынове Дановы Амморея, озлобляющаго ихъ на горѣ, и не даяху имъ Амморееи исходити на юдоль и утѣсниша отъ нихъ предѣлъ части ихъ* (48), т. е, Аммореи были сильнѣе колѣна Данова и тѣснили его. По всей вѣроятности, эти усилія Аммореевъ стѣснить Данитовъ увѣнчались успѣхомъ, такъ что эти послѣдніе около временъ Сампсона почти вытѣснены были изъ своего участка, и вотъ объясненіе словъ книги Судей,—что

Данитамъ до дней Сампсона *не паде наслѣдіе средъ племенъ сыновъ Израилевыхъ*, т. е., они, тѣснимые Аммореями, лишились своего участка земли. Это стѣсненіе заставило предпринять ихъ новый походъ противъ Аммореевъ и—тогда они снова заняли отнятый у нихъ Лаисъ и снова назвали его Даномъ. Потому и обстоятельства этихъ завоеваній Лаиса Данитянами, по сказаніямъ книгъ Навина и Судей, различны; при первомъ завоеваніи, по книгѣ Навина, они умертвили жителей и поселились на мѣсто ихъ въ городѣ, переименовавъ его Ласеданомъ (47); при второмъ же, по сказанію книги Судей, они не только истребили жителей, но и самый городъ сожгли, и построивъ на мѣстѣ его новый городъ, поселились въ немъ, наименовавъ его Даномъ (27—28).—Такимъ образомъ, смѣшивать сказаній книгъ Навина и Судей о завоеваніи Данитянами Лаиса нельзя; первое случилось во времена Навина и, слѣдовательно, нѣтъ препятствія признавать, что это описаніе сдѣлано самимъ Навиномъ.—Итакъ, оба мнимые анахронизмы,—занятіе Хеврона Халевомъ и Давира Гоѳоніиломъ и—завоеваніе Лаиса Данитянами, вовсе не анахронизмы въ отношеніи къ жизни Навина; событія эти могли быть описаны имъ, какъ случившіяся въ его время и, слѣдовательно, описаніе ихъ не указываетъ на позднѣйшаго писателя книги Навина и не составляетъ препятствій считать книгу эту произведеніемъ Навина, преемника Моисеева.

3) Возраженію, что Іисусъ Навинъ самъ не могъ различать горъ Іудейскихъ отъ горъ Израильскихъ, что писатель тѣхъ мѣстъ книги Навина, гдѣ упоминается объ этихъ горахъ, жилъ по раздѣленіи царства Еврейскаго на два, по смерти Соломона, - этому возраженію сами отрицающіе происхожденіе книги отъ Навина не придаютъ важности большой съ тѣхъ поръ, какъ Кэнигъ и Геферникъ основательно доказали, что названіе Іуды и Израиля, въ приложеніи перваго къ колѣну Іудину, а послѣдняго ко всѣмъ прочимъ колѣнамъ, восходитъ не только ко временамъ Навина, но даже—самого Моисея. Колѣно Іудино, которому, по предсказанію Патріарха Израиля, обѣщано было первенство между всѣми колѣнами Израилевыми и - царство, всегда стояло въ сознаніи народа выше, чѣмъ другія колѣна и какъ бы противопоставлялось имъ всѣмъ въ совокупности. Это различіе было замѣтно и во времена Навина: - тогда какъ Іуда вступилъ въ обладаніе своимъ участкомъ въ южной сторонѣ Палестины, всѣ остальныя колѣна были еще въ Галгалахъ; и когда дѣлились участки про-

чимъ колѣнамъ, то они опредѣлялись по отношенію къ участку колѣна Іудина (Нав. 18, 11. 19, 1.). И не естественно ли было самому Іисусу,—тѣ горы, которыя принадлежали участку сыновъ Іудиныхъ, которые поселились первые изъ всѣхъ колѣнъ, назвать горами Іудиными, а тѣ, которыя находились во владѣніи всѣхъ прочихъ колѣнъ Израилевыхъ, вдругъ получившихъ жребіи, назвать горами Израилевыми; или, такъ какъ между всѣми прочими колѣнами первенствовало колѣно Ефремово; то—горами Ефремовыми, какъ и называетъ ихъ писатель книги Навина (19, 50; 24, 33)?—Такимъ образомъ, и это возраженіе основано на ложной догадкѣ и— упоминаніе о горахъ Іудиныхъ и Израилевыхъ или Ефремовыхъ въ книгѣ Навина, не препятствуетъ считать эту книгу произведеніемъ самого Навина.

4) Возраженіе, заимствованное изъ 25 ст. 6-й гл., въ которомъ вмѣстѣ съ проклятіемъ Навина на того, кто осмѣлится возстановитъ Іерихонъ, содержится и указаніе на исполненіе этого проклятія на Ахіилѣ или Азанѣ, жившемъ при Ахаавѣ, каковаго указанія не могъ сдѣлать самъ Навинъ,—это возраженіе противъ происхожденія книги отъ Навина несостоятельно потому, что второй половины стиха, въ которой содержится указаніе на исполненіе этого проклятія, въ еврейскомъ подлинникѣ и въ переводахъ, сдѣланныхъ съ подлинника— нѣтъ. Это замѣчаніе, вѣроятно, сдѣлано LXX Толковниками.— Пораженные чуднымъ исполненіемъ проклятія Іисусова надъ Ахіиломъ, они, вѣроятно, сдѣлали замѣчаніе объ этомъ въ своемъ переводѣ, заимствованное изъ 3 книги Царствъ, гдѣ (16, 34) писатель этихъ книгъ говоритъ о насчастномъ возстановленіи Іерихона Ахіиломъ; это замѣчаніе и попало послѣ въ самый текстъ перевода LXX и переводовъ, сдѣланныхъ съ него; Еврейскій же подлинникъ остался безъ этой прибавки.— Значитъ, этотъ стихъ не препятствуетъ нисколько признавать самого Навина писателемъ этого мѣста: ибо въ немъ одно только проклятіе содержится.

Точно такъ же нѣтъ въ Еврейскомъ текстѣ второй половины 10 ст 16-й гл., гдѣ говорится о нашествіи на Палестину Фараона, царя Египетскаго. Это также, по всей вѣроятности, прибавка LXX. Въ Еврейскомъ читается только: *и не погуби Ефремъ Хананея, живущаго въ Газерѣ, и обиташа Хананеи посредѣ Ефрема, дающе ему дани до днешняго дне*; послѣдующихъ словъ: *дондеже взыде фараонъ, царь Египетскій* и пр. нѣтъ въ Еврейской Библіи. Значитъ, и это

мѣсто не указываетъ нисколько на позднѣйшаго писателя книги Навина.

5) Употребленное во многихъ мѣстахъ книги Навина выраженіе, что извѣстное положеніе или состояніе продолжается *даже до сего дне*,—вовсе не предполагаетъ, чтобы писатель жилъ долго спустя послѣ описываемыхъ происшествій, чтобы этого выраженія не могъ употреблять самъ Навинъ—очевидецъ описываемыхъ событій и главное дѣствующее лице въ нихъ: возраженіе основывается опять на той ложной мысли, будто священные писатели записывали происшествія непосредствено послѣ ихъ совершенія. Навинъ былъ вождемъ Евреевъ, по свидѣтельству Флавія, около 30 лѣтъ и предъ кончиной своей могъ говорить, что извѣстное состояніе, начавшееся въ первое время его водительства или даже за нѣсколько лѣтъ до смерти, продолжается *до сего дне*, т. е. до послѣдняго времени его жизни, когда онъ, сходя съ поприща дѣятельности общественной, могъ описать всѣ событія, случившіяся со времени смерти Моисея до послѣдняго времени своей жизни. А всѣ событія, о которыхъ писатель говоритъ съ прибавленіемъ, что такъ продолжается *даже до дне сего*, случились именно въ продолженіе жизни Навина, а не по смерти его.—Такъ и потому самъ Навинъ предъ концемъ своей жизни могъ написать, что памятникъ изъ камней, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли ноги жрецовъ, при переходѣ Евреевъ чрезъ Іорданъ, сохраняется *даже до дне сего* (4, 9), что первый станъ Евреевъ, по переходѣ чрезъ Іорданъ,—въ ознаменованіе того, что въ этотъ день *отъемлется поношеніе Египетское* отъ Евреевъ,— называется Галгала, *даже до дне сего* (5, 9), что Раавъ блудница за доброе дѣло оставлена въ живыхъ и обитаетъ она или фамилія ея между Евреями *даже до дне сего* (6, 24), что мѣсто, гдѣ хищникъ Ахаръ побитъ камнями, называется Емекъ Ахаръ *даже до дне сего* (7, 26), что на мѣстѣ сожженнаго города Гая ничего нѣтъ *даже до дне сего* (8, 28), что насыпанная на мѣстѣ побіенія Гайскаго царя груда камней остается *даже до дне сего* (29); что жители Гаваона за хитрость обращенные въ рабство и опредѣленные для черныхъ работъ, въ этомъ состояніи находятся *даже до дне сего* (9, 27), что сыны Израилевы истребили не всѣхъ царей Хананскихъ и нѣкоторые изъ нихъ живутъ между ними *даже до дне сего* (13, 13), что Халевъ владѣетъ Хевроном *даже до дне сего* (14, 14), несмотря на новое раздѣленіе земель по жеребьямъ, что сыны Израилевы не могли погубить

Іевусеевъ, которые и живутъ съ ними въ Іерусалимѣ *даже до дне сего* (15, 63), что и Ефремъ не погубилъ Хананеевъ Газерскихъ, а допускаетъ ихъ жить съ собою, взимая съ нихъ дань *даже до дне сего* (16, 10). Вотъ и всѣ мѣста—до послѣднихъ рѣчей Іисуса, гдѣ употребляется это выраженіе. Всѣ описываемыя здѣсь событія случились до смерти Навина и, значитъ, въ послѣдніе дни жизни своей онъ вполнѣ могъ сказать, что они находятся въ извѣстнемъ положеніи *до дне сего*, до послѣдняго времени его жизни. Что самъ Іисусъ Навинъ, предъ концемъ своей жизни, употреблялъ это выраженіе, это доказываютъ послѣдніе рѣчи его къ народу, въ которыхъ не разъ встрѣчается это выраженіе. Кто бы ни записалъ эти рѣчи въ книгѣ Навина - самъ ли Навинъ, или позднѣйшій писатель, на что, впрочемъ, нѣтъ основаній, во всякомъ случаѣ, эти рѣчи принадлежатъ самому Навину, а не позднѣйшему писателю. Изъ такихъ мѣстъ, какъ: 22, 3. 17. 23, 8. 9. видно, что Іисусъ Навинъ употреблялъ это выраженіе—*до дне сего*, когда говорилъ о начавшихся прежде и продолжавшихся предъ его кончиною событіяхъ и, слѣдовательно, нѣтъ основаній видѣть позднѣйшаго писателя въ тѣхъ мѣстахъ книги Навина, гдѣ употребляется эта формула.

6. Возраженіе противъ происхожденія книги Навина въ настоящемъ ея составѣ отъ самого Навина, заимствованное изъ нѣкоторыхъ будто разногласныхъ и противорѣчивыхъ сказаній книги, такъ же мало затрудняетъ апологетовъ, какъ и предшествующія. По разсмотрѣніи этихъ разногласій и противорѣчій, оказывается, что они только возведены на степень противорѣчій неправильнымъ пониманіемъ этихъ мѣстъ, перетолкованіемъ и намѣреннымъ ли то или ненамѣреннымъ непониманіемъ духа и характера Библейской исторіографіи. Вотъ важнѣйшія изъ этихъ мнимыхъ противорѣчій, съ краткими сужденіями о нихъ апологетовъ.

1. По однимъ сказаніямъ книги, Іисусъ совершенно завоевалъ всю землю Хананейскую и истребилъ всѣхъ Хананеевъ (11, 16—23, 12, 7 сл. 21, 43 сл. 22, 4.); между тѣмъ, по другимъ сказаніямъ, еще значительная часть земли Хананской не была имъ завоевана, и оставалась еще въ рукахъ неистребленныхъ Хананеевъ и—много народу Хананскаго жило въ своей прежней землѣ (13, 1 сл. 17, 13 сл. 18, 3. 23, 5. 12). Видно, говорятъ, что писатель пользовался различными источниками и—не помиряя ихъ разногласій, внесъ въ свою книгу, чего самъ Навинъ никакъ не

могъ сдѣлать.—Но это разногласіе лишь кажущееся; различіе здѣсь основывается лишь на двоякомъ воззрѣніи народномъ на вступленіе въ землю обѣтованную и обладаніе ею—обладаніе по праву и дѣйствительное (de jure и de facto),—воззрѣніи, которое проникаетъ всю книгу и имѣетъ основаніе свое частію въ Пятокнижіи, частію въ современной дѣйствительности, хотя при помощи Пятокнижія его понять не трудно, оно даже прямо бросается въ глаза. Господствующее въ исторической части книги воззрѣніе на обладаніе земли обѣтованной по праву, воззрѣніе, по которому вся она должна принадлежать народу Еврейскому, основывается на содержащихся въ книгахъ Моисеевыхъ обѣтованіяхъ и пророчествахъ, что вся земля Ханаанская должна быть и будетъ Еврейская, что всѣ Хананиты должны быть и будутъ истреблены, и этими то обѣтованіями опредѣляется это воззрѣніе. Это завоеваніе земли Ханаанской и водвореніе въ ней Евреевъ и совершилось при Навинѣ; онъ всюду разбивалъ Хананеевъ, выгонялъ и истреблялъ ихъ, и завоевалъ землю такъ, что Израильтяне сдѣлались обладателями ея, прежніе же обладатели были стѣснены въ малыхъ мѣстностяхъ или же обращены въ рабство. Божественныя обѣтованія въ этомъ исполнились: Евреи были обладателями ея, хотя вдругъ, за одинъ разъ и нельзя было истребить всѣхъ Хананеевъ или выгнать ихъ до одного; да этого и не слѣдовало дѣлать по обѣтованіямъ Божественнымъ.—*Не изжену ихъ*, т. е., Хананеевъ, говоритъ Іегова чрезъ Моисея. *не изжену ихъ въ лѣтѣ единомъ, да не будетъ земля пуста, и мнози на тя будутъ звѣри земніи; по малу, по малу изжену ихъ отъ тебѣ, дондеже возрастеши и наслѣдиши землю* (Исх. 23, 29—30). *И погубитъ языки сія* т. е. Хананеевъ, *Господь Богъ твой отъ лица твоего по малу, по малу*, говорилъ Моисей къ народу предъ переходомъ чрезъ Іорданъ; *не возможеши погубити ихъ вскорѣ, да не будетъ земля пуста и умножатся звѣріе дивіи на тя.* (Втор. 7, 22); но вся земля вообще принадлежала уже по идеѣ народу Еврейскому.—Теперь, если писатель книги Навина исторію завоеванія земли Ханаанской и всю историческую часть своей книги заканчиваетъ словами: *и взя Іисусъ всю землю, яко же заповѣда Господь Моисею, и даде ю Іисусъ въ наслѣдіе Израилю раздѣленіемъ по племенамъ ихъ* (11, 23): то онъ имѣетъ въ виду показать вообще, что обѣтованіе Божіе исполнено, что Евреи стали обладателями обѣтованной земли,

прежніе же жители лишены этого обладанія вообще, хотя и не всѣ истреблены и остаются еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; онъ умалчиваетъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, потому что говоритъ вообще о завоеваніи Ханаана въ отношеніи ко всей странѣ; по праву постоянныхъ побѣдителей, она вся принадлежала имъ, тоже и по праву обѣтованія.—Но въ географической части, когда писатель описываетъ раздѣленіе земли Евреямъ по колѣнамъ, такъ говорить нельзя было; тутъ дѣло касается частностей, подробностей топографическихъ; необходимо было упомянуть или лучше указать на тѣ мѣстности небольшія, гдѣ еще были, гдѣ еще держались Хананеи; необходимо было показать дѣйствительное положеніе вещей, при раздѣленіи земли, во первыхъ потому, что на немъ основывалось Божіе повелѣніе—немедленно приступить къ раздѣленію земли, чтобы каждое колѣно постепенно истребляло прежнихъ ея обитателей въ участкѣ, доставшемся ему (13, 17), далѣе потому, что Іисусъ дѣйствительно раздѣлялъ всю землю, со всѣми частными мѣстностями, еще до времени и—не покорными.—Изъ этого видно, какъ мало разсматриваемыя мѣста заслуживаютъ названія—противорѣчій: Іисусъ получаетъ повелѣніе—не дѣлать при раздѣленіи земли Израилю по колѣнамъ никакого различія между покоренными и не покоренными мѣстностями,—раздѣлить всю безъ исключенія землю между Евреями; такъ какъ она принадлежала имъ вся, хотя и не вся еще была вполнѣ покорена; слѣдовательно, противорѣчій въ указаніяхъ книги объ этомъ предметѣ нѣтъ никакихъ, и выведенное слѣдствіе, будто Навинъ не могъ допустить такихъ разногласій—падаетъ, потому что ложно основаніе его.

2) Въ книгѣ Іисуса Навина находятъ еще противорѣчіе въ томъ, что въ историческихъ отдѣленіяхъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ всюду является одинъ только Іисусъ Навинъ, тогда какъ по указаніямъ географическихъ отдѣленій, вмѣстѣ съ Іисусомъ, является первосвященникъ Елеазаръ; опять видно, говорятъ, изъ этого, что писатель пользовался различными источниками, изъ коихъ, въ однихъ упоминалось только объ одномъ Навинѣ, въ другихъ и—о Елеазарѣ.—Странное заключеніе, въ исторической части потому говорится исключительно объ одномъ Навинѣ, что вся она содержитъ описаніе войнъ, въ коихъ главнымъ вождемъ былъ одинъ только Навинъ, а не вмѣстѣ съ первосвященникомъ Елеазаромъ; послѣднему при этихъ войнахъ нечего было дѣ-

лать; потому о немъ и не упоминается; онъ находился, конечно, вмѣстѣ съ народомъ въ главномъ станѣ Еврейскомъ въ Галгалахъ, и—какъ почти не упоминается объ обстоятельствахъ пребыванія народа въ Галгалахъ, а большею частію описываются походы военные и побѣды, то не упоминается и о Первосвященникѣ. Даже при повѣтствованіи объ обманѣ Израильтянъ Гаваонитянами не упоминается о немъ: потому что не дѣло Первосвященника было заключать миръ или рѣшаться на войну, а дѣло—главнаго *вождя съ князи*;—объ нихъ только и упоминается при описаніи этого событія (9, 18—22).—Такимъ образомъ, это совершенно въ порядкѣ вещей, что во всей исторической части книги не упоминается о Первосвященникѣ. Но другое дѣло, когда завоеваніе окончилось и началось раздѣленіе земли,—и когда писатель книги долженъ былъ повѣтствовать объ этомъ раздѣленіи.—Раздѣленіе земли народу Еврейскому по колѣнамъ Богъ еще чрезъ Моисея поручилъ избраннымъ изъ всѣхъ, подъ руководствомъ не одного только Навина, но вмѣстѣ съ нимъ и Первосвященника Елеазара (Числ. 34, 17 и дал.).—Теперь, очень понятно, почему писатель книги всюду, гдѣ рѣчь идетъ о дѣлѣ раздѣленія земли, упоминаетъ вмѣстѣ съ Навиномъ и объ Елеазарѣ; онъ участвовалъ, онъ долженъ былъ участвовать въ этомъ раздѣленіи, по повелѣнію Божію,—писатель и не могъ, и не долженъ былъ умалчивать объ этомъ участіи, онъ описывалъ, какъ было дѣло. А послѣ этого странно видѣть въ этихъ отдѣленіяхъ разнорѣчивые источники, изъ которыхъ будто составилъ книгу Навина позднѣйшій писатель,—и странно выставлять это аргументомъ противъ происхожденія книги отъ самого Навина.

3. Новое кажущееся противорѣчіе: въ 4-мъ ст. 1-й гл. Восточной границей владѣнія Евреевъ почитается Евфратъ, а между тѣмъ въ той же книгѣ говорится, что Евреи не истребили ни Гесура, ни Махафа, что цари ихъ жили въ предѣлахъ Еврейскихъ (13, 13). Но на это отвѣчаютъ: а) что это опредѣленіе восточныхъ границъ Еврейскаго царства Евфратомъ никто никогда не понималъ и не понимаетъ, да и не слѣдуетъ понимать въ собственномъ тѣсномъ смыслѣ; это слова Іеговы, которыя не имѣютъ цѣлію указать точную географическую черту въ Евфратѣ, какъ опредѣляется то въ протоколахъ дипломатовъ, но означаютъ лишь границы земли по извѣстнѣйшимъ пунктамъ, среди которыхъ должна лежать обѣтованная земля. б) Упоминаніе о томъ, что неистреблен-

ные цари живутъ среди Израильтянъ, не стоитъ въ противорѣчіи съ этимъ опредѣленіемъ границы, потому что они, по яснымъ словамъ книги, живутъ между Израильтянами; слѣдовательно, земля принадлежитъ, и по праву обѣтованія, и по праву сильнаго, имъ; точно такъ же, какъ и упоминаніе о неистребленіи нѣкоторыхъ племенъ Ханаанскихъ Евреями, по переходѣ Израильтянъ чрезъ Іорданъ и раздѣленіи Палестины, не стоитъ въ противорѣчіи какъ мы замѣтили, съ тѣмъ, что Евреямъ принадлежала вся Палестина.

4. Потомъ, указываютъ противорѣчіе еще въ томъ, что по однимъ сказаніямъ Іисусъ отдаетъ Филистимлянскіе города колѣну Іудину (15, 20. 45--47), тогда какъ по другимъ эти города не были завоеваны, и не видно, чтобы они были завоеваны во время жизни Навина (13, 1--3) Но совершенно справедливо опять отвѣчаютъ на это, что Іисусъ, по повелѣнію Божію, раздѣлялъ земли не только совершенно покоренныя, но и тѣ еще, которыя не были совершенно покорены, а только по обѣтованіямъ Божественнымъ должны быть покорены, и раздѣлялъ ихъ именно для того, чтобы каждое колѣно само заботилось о совершенномъ покореніи доставшихся ему въ удѣлъ участковъ. Значитъ, между приведенными мѣстами нѣтъ никакого противорѣчія.—Точно также разрѣшаются и другія мнимыя противорѣчія, и—очень естественно,—потому что, въ самомъ дѣлѣ, только задняя мысль можетъ считать такія, какъ указанныя, мѣста, противорѣчіями. Нужно, совершенно справедливо говорятъ апологеты, захотѣть не понимать характера книги, чтобы выставлять такія противорѣчія, а мы выставили болѣе важныя изъ указываемыхъ противорѣчій.--Итакъ, и это послѣднее возраженіе противъ происхожденія книги отъ самого Навина падаетъ; книга не указываетъ на то, чтобы изъ отдѣльныхъ, разногласныхъ фрагментовъ позднѣйшій писатель составилъ ее; значитъ и съ этой стороны нѣтъ препятствій почитать книгу произведеніемъ самого Навина.

Преслѣдуя своихъ противниковъ, въ ихъ общей мысли—противъ происхожденія книги отъ Навина, апологеты постарались опровергнуть и, въ частности, тѣхъ, которые относили время жизни писателя ко временамъ Соломона или Давида, или Саула, или Самуила.—Что книга не могла быть написана около временъ Соломова (не говоря уже о послѣдующихъ),—это видно изъ словъ: *и Іевусей обиташе во Іерусалимѣ, и не возмогоша сынове Іудины погубити ихъ, и оби-*

таша Іевусеи съ сынми Іудиными во Іерусалимѣ даже до дне онаго (15, 63). Еще отецъ Соломона Давидъ, по свидѣтельству 2 кн. Царствъ, отнялъ у Іевусеевъ Іерусалимъ и истребилъ Іевусеевъ и—это въ началѣ своего царствованія (2 Цар. 5, 6—9). Даже изъ сличенія этихъ мѣстъ оказывается, что писатель книги Навина жилъ задолго до временъ Давида, такъ какъ онъ говоритъ, что *Іевусей обиташе съ сынми Іудиными во Іерусалимѣ*, а Давидъ уже завоевалъ у Іевусеевъ этотъ городъ въ то время, какъ они были уже единственными обладателями этого города; нужно было не мало времени для того, чтобы Іевусеи, покоренные Евреями, мало-по-малу усилились до того, чтобы могли пересилить Евреевъ и остаться единственными обладателями города.—Что прежде времени Давида написана книга Навина, это видно также изъ упоминанія въ ней о Сидонѣ и Тирѣ, съ ихъ жителями; Сидонъ называется великимъ, метрополіею Финикіанъ (11, 8), и представляется болѣе сильнымъ и могущественнымъ, чѣмъ Тиръ (19, 28—29), чтó во времена Давида было уже не такъ: тогда Тиръ уже затмилъ блескъ Сидона, тогда упоминается уже о царяхъ Тирскихъ и царяхъ богатыхъ (2 Цар. 5, 11 и дал.)—Притомъ же, въ книгѣ Навина (13, 4—6) Сидоняне причисляются еще къ тѣмъ Хананейскимъ народамъ, которыхъ должны истребить Евреи, т. е., ко врагамъ; тогда какъ извѣстно, что при Давидѣ Евреи состояли въ дружескихъ отношеніяхъ къ Тирянамъ (2 Цар. 5, 11. 3 Цар. 5, 12. 1 Пар. 14, 1). Если бы книга написана была около временъ Давида: то писатель ея не могъ бы такъ отзываться ни о Сидонѣ сравнительно съ Тиромъ, ни о враждебныхъ отношеніяхъ къ Финикійцамъ, какъ народу, который нужно истребить; по крайней мѣрѣ, онъ не сказалъ бы того безъ всякаго ограниченія.—Что писатель книги жилъ ранѣе даже Самуила, объ этомъ можно заключать изъ частныхъ указаній, которыми онъ опредѣляетъ, хотя и неточно, время своей жизни: онъ, напримѣръ, говоритъ, что Раавъ—блудница, съ домомъ ея отеческимъ жила еще въ его время между Израильтянами—(6, 24). Конечно, неизвѣстно время смерти Раавы; но она должна была послѣдовать уже не позже начала періода Судей и уже во всякомъ случаѣ ранѣе Самуила; далѣе говоритъ, что 12 камней, поставленные въ Іорданѣ, были еще въ его время, и—камни, наваленные на мѣстѣ смерти Ахара; это замѣчаніе показываетъ, что писатель жилъ еще въ то время, когда Іудеи не

были обезпокоиваемы внѣшними врагами въ своихъ владѣніяхъ, а это время продолжалось не долго по смерти Навина, при Судіяхъ начались набѣги на Палестину сосѣднихъ народовъ и постоянныя войны съ ними, при которыхъ трудно было удержаться въ цѣлости поименованнымъ и другимъ памятникамъ; по крайней мѣрѣ, исторія о нихъ болѣе не упоминаетъ. Конечно, этотъ доводъ e silentio; но онъ очень вѣроятенъ. По всѣмъ этимъ указаніямъ книга должна быть написана около времени самого Навина, а не собрана позднѣйшимъ писателемъ изъ различныхъ современныхъ описываемымъ происшествіямъ фрагментовъ.

Вотъ и всѣ главные пункты полемики *за* и *противъ* происхожденія разсматриваемой книги отъ самого Навина.— Что же сказать?—на чьей сторонѣ истина? На нашъ взглядъ, вѣроятнѣе мнѣніе апологетовъ; нужно согласиться, что самъ Навинъ, можетъ быть, при помощи Первосвященника Елеазара, предъ смертію своею описалъ обстоятельства вступленія въ Палестину Еврейскаго народа и водворенія въ ней. Конечно, прямыхъ положительныхъ доказательствъ на это нѣтъ въ самой книгѣ, ни въ другихъ книгахъ библейскихъ; положительно нужно сказать только то, что послѣднія рѣчи свои къ народу самъ Навинъ написалъ въ книгу закона. Но и нѣтъ препятствій признавать эту книгу произведеніемъ Навина; препятствія, выставленныя противниками, вовсе не имѣютъ той силы, чтобы быть дѣйствительными препятствіями;—они натянуты; самое уже разногласіе отрицающихъ, относительно времени написанія книги, довольно громко говоритъ противъ основательности ихъ мнѣнія. Все, что есть въ книгѣ, могъ описать самъ Навинъ,—но описалъ ли?—Іудейское преданіе почитаетъ самого Навина писателемъ книги, носящей его названіе,—и мы не имѣемъ права, послѣ всего сказаннаго, не довѣрять ему.

Само собою разумѣется, что противная апологетамъ сторона подвергла строгому разсмотрѣнію и достовѣрность книги Навина. Впрочемъ, и изъ нихъ болѣе умѣренные убѣждены, что событія въ ней описываются такъ, какъ они происходили по современнымъ записямъ и живому преданію, и что во всей книгѣ нѣтъ ничего, что не заслуживало бы вѣроятія, разумѣется, кромѣ чудесныхъ событій. Тѣмъ болѣе въ достовѣрности сказаній ея убѣждены тѣ, которые признаютъ книгу произведеніемъ Навина. Въ самомъ дѣлѣ, общее содержаніе и характеръ книги, при сравненіи ихъ съ современными На-

вину обстоятельствами, съ Пятокнижіемъ Моисеевымъ, и послѣдующею исторіею, даже настоящимъ состояніемъ Палестины, по описаніямъ путешественниковъ, несомнѣнно, увѣряютъ въ достовѣрности ея сказаній, хотя бы она писана была и не самимъ Навиномъ. Это видно, напримѣръ, изъ точнаго и довольно подробнаго описанія мѣстностей и вообще топографическихъ замѣтокъ о Ханаанской землѣ, какою она была до водворенія и по водвореніи въ ней Евреевъ. Стоитъ только вспомнить для примѣра исторію завоеванія Гая. Вотъ отъ Іерихона ведетъ сюда запущенная дорога, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ полуразрушившіяся цистерны; этотъ городъ какъ и сосѣдній съ нимъ, съ западной стороны, Веѳиль, такъ крѣпокъ по своему положенію на скалистой горѣ, что имъ можно было завладѣть только хитростію, или же сильнѣйшимъ войскомъ; на западной сторонѣ Гая, между этимъ городомъ и Веѳилемъ, находятся скалы и балки или дебри, которые издавна служили величайшимъ препятствіемъ для прохода большой массы народа—войска или каравановъ, и употреблены были Іисусомъ на засаду для того, чтобы, въ то время, когда часть его войска нападетъ на Гай съ противолежащей горы и своимъ хитрымъ маневромъ увлечетъ далеко отъ города преслѣдующихъ ихъ Гайцевъ,—эта засада изъ дебри взошла въ городъ, зажгла его и перерѣзала дорогу къ городу возвращающимся преслѣдователямъ; дорога тамъ идетъ между крутыми скалами, съ которой нельзя укрыться ни направо, ни налѣво; потому, когда засадное войско Іисуса, занявъ и запаливъ городъ, пошло для соединенія съ остальною частію, т. е., съ бѣгущими, а бѣгущіе, въ свою очередь, оборотились и приняли наступальное движеніе противъ преслѣдующихъ; то Гайское войско поставлено могло быть дѣйствительно въ такое положевіе, что нигдѣ не могло искать себѣ выхода и могло быть истреблено совершенно такъ, какъ описывается въ книгѣ Навина, *дондеже не остася ни единъ отъ нихъ цѣлъ, ниже убѣжа* (8,25). Точно такая же точность и въ описаніяхъ другихъ мѣстностей,—описаніяхъ, которыхъ книга заключаетъ въ себѣ очень много; изъ сопоставленія и сличенія этихъ описаній выходитъ такая точная карта земли Ханаанской, какою она была по свидѣтельствамъ послѣдующей исторіи, и каковою остается она даже доселѣ. Она представляется, по большей части, горной страной, впрочемъ, безъ особенно высокихъ горъ, землей, во многихъ направленіяхъ перерѣзанной скалами и дебрями, съ укрѣпленными самой

природой городами, изъ коихъ одинъ нужно было завоевать чудомъ, другой хитростію, а иные остались вовсе незавоеванными, какъ, напримѣръ, Газа, Аскалонъ, Аздодъ и др.—безъ сомнѣнія потому, что истощенному уже войною войску еврейскому трудно было вдругъ взять ихъ, когда они, укрѣпленные самою природою, могли хорошо защищаться. Это—земля съ плодоносными равнинами, по которымъ протекаютъ ручьи или источники, очень мелкіе въ продолженіе сухаго времени года; но въ другое—широко разливающіеся и оплодотворяющіе близъ лежащую землю. Вотъ въ ней великое плодородіе рядомъ съ пустыми голыми скалами,—равнина Ездрелонская, съ которой ничто не сравняется въ плодородіи, рядомъ съ степью заіорданскою. По своему положенію, климату и качеству земли, Ханаанъ—одна изъ густо населенныхъ странъ; но большихъ городовъ въ немъ нѣтъ. Іерусалимъ обязанъ своимъ позднѣйшимъ величіемъ и великостію совершенно другимъ условіямъ, чѣмъ тѣ, при которыхъ главныя города древности достигали величайшихъ размѣровъ; хорошія положенія мелкихъ городовъ на горахъ питали и поддерживали духъ свободы и независимости, давая возможность хорошо защищаться, и породили въ обитателяхъ разъединеніе интересовъ, разобщенность,—признакъ ослабленія народности. И вотъ, при приходѣ Евреевъ, они видятъ Ханаанскую землю раздѣленною на множество мелкихъ царствъ, независимыхъ одно отъ другаго и оттого слабыхъ въ своей разобщенности и разрозненности. Но тѣмъ болѣе соотвѣтствовала такая страна характеру народа Еврейскаго, раздѣленнаго на 12 колѣнъ, независимыхъ одно отъ другаго, но единыхъ духомъ, интересами, религіею, законами. Ихъ святилище поставлено въ Силомѣ, на холмѣ, почти въ самой срединѣ завоеванной земли, какъ доселѣ оно стояло среди лагеря. Такъ, сравненіе содержанія книги съ обстоятельствами того времени показываетъ совершенную точность изображеній съ изображаемыми мѣстностями и обстоятельствами.

Если теперь такъ достовѣрно описаны мѣстности земли; то это самое ручается за достовѣрность описанія тѣмъ же самымъ писателемъ и тѣхъ событій, которыя происходили на этихъ мѣстностяхъ вообще, такъ что не возможно даже самымъ малымъ частностямъ придавать легендарный характеръ; эти частности такъ тѣсно связаны съ цѣлымъ, что ихъ невозможно раздѣлять, развѣ лишь насильственно; все стоитъ во взаимномъ согласіи и единствѣ; это согласіе—и въ

исторической, и въ географической части.—Вотъ Израильтяне остаются еще вполнѣ благодарными Іеговѣ, своему Благодѣтелю, за Его благодѣянія, являемыя въ завоеваніи земли и водвореніи въ ней; они питаютъ благодарную любовь къ Іеговѣ, хотя еще и есть наклонность къ тому преступленію, которое совершено было еще при Моисеѣ подъ Синаемъ; отсюда выразительныя напоминанія Іисуса и увѣщанія, чтобы Евреи соблюдали законъ и не уклонялись отъ Господа, *не ходили во слѣдъ боговъ чужихъ* иначе, *гнѣвъ Господень поразитъ ихъ заутра же*, хотя нынѣ Іегова и благодѣтельствуетъ имъ, вводя въ обѣтованную землю (23, 7—10. 24, 23). Такое состояніе Еврейскаго народа, склоннаго къ идолопоклонству, и могло быть во времена Навина, когда непомѣрность благодѣяній Божіихъ удерживала народъ отъ чужихъ боговъ; другое было уже во времена Судей. Послѣ смерти Іисуса и старцевъ, *иже препроводиша время съ Іисусомъ и иже видѣша вся дѣла Господня, елика сотвори Господь Израилю*, по совершенномъ водвореніи въ новой землѣ, Евреи уже уклонялись отъ Іеговы къ богамъ чужимъ, явились уже у нихъ и Ваалъ, и Астарта, и разныя мерзости, служеніе которымъ такъ часто наводило гнѣвъ Божій на возлюбленный народъ. Такимъ образомъ, общій характеръ религіознаго состоянія Евреевъ долженъ былъ быть именно таковъ, какимъ онъ описывается въ книгѣ Навина, и это вполнѣ ручается за совершенную достовѣрность описанія. Перейдемъ къ нѣкоторымъ частностямъ.

Сказанія объ обрѣзаніи, о первомъ праздновaніи Пасхи и прекращеніи манны уже потому достовѣрны, что эти событія стоятъ въ тѣснѣйшей связи между собою и совершенно сообразны съ обстоятельствами. Во время странствованія народа по пустынѣ обрѣзаніе почти совсѣмъ было оставлено, вѣроятно, по причинѣ многократныхъ и нечаянныхъ перемѣнъ мѣстопребыванія. Какъ скоро время гнѣва Божія на народъ, по которому онъ 40 лѣтъ долженъ былъ не входить въ землю обѣтованную, миновалось, и народъ долженъ былъ вступить въ землю свою, ему нужно было свергнуть съ себя языческое, Египетское поношеніе, онъ долженъ былъ возстановить завѣтъ свой съ Іеговою,—видимымъ знакомъ котораго было обрѣзаніе. И только теперь, когда совершенъ былъ этотъ обрядъ, Израиль могъ ѣсть Пасху, потому что въ законѣ Моисеевомъ постановлено, чтобы въ ней принимали участіе обрѣзанные; а въ пустынѣ, кромѣ того, что Евреи

были не обрѣзаны, неудобно было доставать въ достаточномъ количествѣ и агнцевъ для этого праздника, и имѣть опрѣснюки, когда Евреи питались манною, потому они и не праздновали этого праздника; теперь же это было для нихъ возможно. Въ этотъ праздникъ народъ въ первый разъ вкусилъ отъ плодовъ земли, и съ этого времени перестала сходить манна. Это такія событія, которыя должны были случиться именно въ это время, и эта историческая необходимость ихъ вполнѣ ручается за ихъ достовѣрность

Далѣе, Евреи пришли въ землю завладѣть ею силою, и вотъ, въ книгѣ Навина начертывается картина безпрерывныхъ военныхъ походовъ и битвъ, истинность которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію.—Частные эпизоды изъ этихъ временъ также несомнѣнно истинны. Страшное наказаніе, которому по суду Божію подвергся Ахаръ и вся его фамилія, носитъ на себѣ печать истины уже потому, что оно стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ предписаніемъ закона, по которому дѣти не должны умирать за преступленія отцовъ, каждый за свой только собственный грѣхъ долженъ нести наказаніе (Втор. 24, 16). Видно, что только особенность тогдашнихъ обстоятельствъ вынудила дать закону о побіеніи камнями такое обширное приложеніе. Всѣ остальныя, особенно болѣе замѣчательныя и чудесныя, событія даютъ наглядный образъ всего хода завоеванія Ханаана. Однихъ естественныхъ средствъ здѣсь не достаточно, и вотъ является, во исполненіе обѣтованія, помощь свыше, хотя въ то же время вождь пользуется и естественными средствами. Такъ Іисусъ посылаетъ соглядатаевъ въ Іерихонъ; но этотъ городъ не доступенъ обыкновеннымъ средствамъ Евреевъ, и—городъ можно завоевать и завоевывается только чудомъ.—Переходъ чрезъ Іорданъ для молодаго поколѣнія Евреевъ есть то же, что для предшествующаго поколѣнія переходъ чрезъ Чермное море; онъ явилъ Божественное могущество молодому поколѣнію, чтобы возбудить въ немъ довѣріе къ покровительству Божественному для совершенія великаго и труднаго дѣла —завоеванія земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ—довѣріе къ вождю, имѣющему совершить это дѣло.—Странная недѣятельность Хананеевъ при этомъ переходѣ доказываетъ не болѣе, какъ только то, что онъ былъ выше обыкновенныхъ человѣческихъ расчетовъ, равно какъ страхъ, который онъ поселилъ въ нихъ. —12 камней, которые Іисусъ поставилъ въ Іорданѣ и таковые же на берегу Іордана въ Галгалахъ,

долженствовали увѣковѣчить въ памяти народа этотъ чудный переходъ, какъ обыкновенно увѣковѣчивались и увѣковѣчиваются памятниками великія народныя событія.—Равнымъ образомъ, увѣковѣчивалъ вождь народа и другія событія, и—эти памятники напоминали народу не только именно эти событія, но и обстоятельства, находящіяся съ ними въ какой-либо связи,—и такихъ памятниковъ, по книгѣ, было довольно много; это показываетъ, что событія описывались именно такъ, какъ они происходили; иначе, памятники эти и описанія событій въ книгѣ стояли бы между собою въ противорѣчіи, и народъ того или другаго не принялъ бы.—То же должно сказать и о названіи нѣкоторыхъ мѣстностей такими именами, которыя напоминали народу извѣстныя происшествія,—напримѣръ, названіе мѣста, гдѣ Богъ снялъ съ Евреевъ Египетское поношеніе, названо—Галгалы; мѣсто, гдѣ побитъ Ахаръ, названо Эмекъ-Ахаръ, и пр.; всѣ таковыя наименованія свидѣтельствуютъ объ истинности происшествій на этихъ мѣстахъ; иначе, народъ не принялъ бы ихъ названія.—Наконецъ, и въ другихъ Ветхозавѣтныхъ книгахъ есть свидѣтельства объ истинности или достовѣрности многихъ событій, описанныхъ въ книгѣ Навина. Договоръ Гаваонитянъ съ Евреями и послѣдствія его подтверждаются событіями изъ царствованія Давида и Саула.—Извѣстно, что въ царствованіе Давида былъ голодъ и причина его, по слову Божію, была та, что обида Гаваонитянамъ нанесена Сауломъ, который, вопреки договору, заключенному ими съ Евреями при Навинѣ, многихъ изъ нихъ истребилъ, *внегда поревновати ему по сынѣхъ Іудиныхъ и Израилевыхъ*. И это наказаніе голодомъ миновалось лишь тогда, когда надъ сынами Сауловыми отмщена была обида, нанесенная отцемъ ихъ Гаваонитянамъ (2 Цар. 21, 1—10). Это событіе было бы необъяснимо, если бы не предполагало истинности событія, описаннаго въ книгѣ Навина о договорѣ Гаваонитянъ съ Евреями.—О введеніи Евреевъ въ землю Хананскую Іисусомъ и раздѣленіи ея по жребіямъ вообще упоминаетъ Асафъ (Пс. 77, 53—55); о чудесномъ переходѣ чрезъ Іорданъ Давидъ (Псал. 113, 1—5; 65, 5—6), о чудесномъ пораженіи пяти царей Хананскихъ, при чемъ остановились солнце и луна, упоминаютъ Аввакумъ (3, 13—15) и Іисусъ сынъ Сираховъ, и довольно много другихъ событій изъ книги Навина или воспоминается въ другихъ книгахъ, или же указывается на нихъ. Все это вполнѣ ручается за достовѣрность

сказаній книги Навина и для тѣхъ, которые не считаютъ ее произведеніемъ самого Навина.

Книга Навина, содержащаяся въ нашемъ канонѣ Библейскихъ книгъ, не имѣетъ почти никакого отношенія и почти ничего общаго съ книгой, носящей то же названіе у Самаритянъ. Эта послѣдняя составляетъ не что иное, какъ хронику этой секты, раздѣленную на 47 небольшихъ главъ; изъ нихъ 12 первыя содержатъ въ себѣ повѣствованіе неточное и несогласное съ Пятокнижіемъ о послѣднихъ событіяхъ, случившихся предъ кончиною Моисея; слѣдующія 27 содержатъ также не точныя и не согласныя съ нашей книгой сказанія о самомъ Іисусѣ Навинѣ и—до того неточныя и сказочныя, что ихъ никакъ нельзя и сравнивать; въ слѣдующихъ пяти содержатся нѣкоторыя событія, описанныя въ нашихъ книгахъ Судей и Царствъ, но изъ ненависти къ Іудеямъ опять искаженныя; 46 глава описываетъ нѣкоторыя событія изъ жизни Самаритянъ и Іудеевъ, случившіяся при Александрѣ Великомъ; 47-я нѣкоторыя событія изъ временъ осады Іерусалима Адріаномъ;—въ заключеніи говорится о Первосвященникѣ Акбѣ, его сынѣ Наѳанаилѣ и внукѣ Барбарабѣ, жившихъ во времена Александра Севера. Эта хроника сохранилась въ писанномъ Самаритянскими буквами Арабскомъ переводѣ; время ея составленія и перевода на Арабскій языкъ не извѣстно.—Для исторіи она не имѣетъ почти никакого значенія.

Текстъ нашей книги Навина, дошедшій до насъ, чистъ и исправенъ. Впрочемъ, при сравненіи LXX и Вульгаты съ подлинникомъ, между ними оказываются нѣкоторыя разности. Мы уже видѣли, что половины послѣдней 25-го ст. 6-й гл. и послѣдней же половины 10 ст. 16, по переводу LXX, въ подлинникѣ не имѣется. Точно также въ Еврейскомъ нѣтъ второй половины 59 ст. 15 главы: *Ѳеко и Ефрафа.... и веси ихъ.* Въ этой же главѣ 32 ст. число прежденазванныхъ городовъ опредѣляется 29-ю; тогда какъ, если вести счетъ ихъ съ 21 ст., то ихъ выходитъ 36 и—здѣсь прибавка. Точно также у LXX, сравнительно съ подлинникомъ, оказывается излишнимъ почти весь 42 ст. 21 гл. именно—со словъ: *и соверши Іисусъ.... во Ѳамнасахаръ.* Впрочемъ, такихъ прибавокъ и несогласій съ подлинникомъ немного.

II. О книгѣ Судей.

Книга Судей получила наименованіе свое отъ общаго названія тѣхъ мужей, дѣла которыхъ описываются въ ней, и которые управляли народомъ Израильскимъ въ продолженіе времени отъ смерти Іисуса сына Навина до избранія царей, и назывались Судіями, schopetim. Они не были царями въ томъ смыслѣ, въ какомъ появились въ Еврейскомъ народѣ цари, начиная съ Саула; они не были облечены монархическою властію и достоинствомъ, и ихъ первенство и владычество надъ народомъ не было наслѣдственно, какъ въ монархическихъ царствахъ; по должности, обязанностямъ и положенію въ народѣ ихъ можно уподоблять Греческимъ архонтамъ или Римскимъ диктаторамъ—временнымъ главамъ и государственнымъ людямъ Республики.—Только въ народѣ Еврейскомъ они призываемы были на поприще служенія не волею народа, а непосредственно Богомъ:—*и возстави имъ Господь судей*, говоритъ писатель книги, *и избави ихъ Господь отъ руки плѣняющихъ я* (2, 16); впрочемъ, ихъ назначеніе и главная обязанность были не тѣ только, чтобы избавлять народъ отъ набѣговъ и угнетенія внѣшнихъ враговъ, но и руководить его къ истинному Богопочтенію, къ соблюденію въ чистотѣ закона Божія, даннаго чрезъ Моисея, и къ охраненію отъ почитанія чуждыхъ боговъ; по этимъ послѣднимъ признакамъ значеніе Судей въ народѣ Еврейскомъ сходно съ значеніемъ въ немъ пророковъ,—въ обширномъ смыслѣ слова,—тѣмъ болѣе, что съ Судіею, во все время исправленія имъ этой должности, по ясному сказанію книги, былъ Богъ (2, 18).—Дѣйствія и вліяніе Судей простирались иногда не на всѣ колѣна Израилевы, а только на нѣкоторыя, болѣе тѣснимыя врагами внѣшними.—Книга Судей содержитъ исторію, хотя далеко не полную, Еврейскаго народа отъ смерти Навина до Сампсона—въ продолженіе приблизительно трехъ съ половиною столѣтій. Впрочемъ, первыя двѣ главы содержатъ частію извлеченіе и повтореніе нѣкоторыхъ событій изъ книги Навина, случившихся еще въ продолженіе его жизни, частію общую характеристику періода Судей (2, 10—23). Собственно фактическая исторія Судей начинается съ 3-й главы.—Изъ этой исторіи Судей писатель передаетъ далеко-далеко не всѣ происшествія, даже важнѣйшія, случившіяся тогда; онъ передаетъ только замѣчательныя происшествія изъ жизни этихъ избираемыхъ Судей и—то не

всѣхъ, но подробнѣе говоритъ только о Девворѣ и Babakѣ, Гедеонѣ, Іефѳаѣ и Самсонѣ; изъ жизни общенародной онъ упоминаетъ только о томъ обыкновенно, какъ долго народъ страдалъ отъ какого-либо изъ сосѣднихъ народовъ, какъ спасенъ былъ отъ этого рабства тѣмъ или другимъ воздвигнутымъ Богомъ Судіею, и какъ долго онъ наслаждался пріобрѣтеннымъ миромъ, доколѣ другой изъ сосѣднихъ народовъ не покорялъ его и не владычествовалъ надъ нимъ; о внутреннихъ обстоятельствахъ народной жизни, въ продолженіе утѣшенія и мира, онъ ничего почти не говоритъ, хотя въ замѣчательныхъ происшествіяхъ въ продолженіе этого періода не могло быть, конечно, недостатка: потому что это важный періодъ въ исторіи развитія народности Израильской на новой землѣ, съ новою формою правленія, въ сосѣдствѣ съ новыми народами; народъ взошелъ на поприще историческихъ народовъ—осѣдлыхъ, съ своей опредѣленной полосой земли, съ своей особой организаціею; теперь онъ самобытно организовался по даннымъ ему прежде законамъ, примѣняя эти законы къ новому своему быту и образуя по нимъ этотъ новый бытъ; а такія времена всегда богаты событіями внутренней народной жизни. Но ничего почти, говоримъ, изъ внутренней жизни народа въ этотъ періодъ писатель не передаетъ. Причина этого явленія лежитъ, главнымъ образомъ, въ цѣли писателя при составленіи своей книги,—которая хотя нигдѣ ясно не высказана, но которую можно понять частію изъ косвенныхъ указаній на нее (2, 11—23, 3, 1—5), частію изъ свойства и характера описанія содержащихся въ книгѣ происшествій и—самихъ этихъ происшествій (3, 7—10; 4, 1—3. 6, 1. 8, 33 и др.).—Писатель имѣлъ цѣлію—рядомъ примѣровъ изъ періода Судей показать; какъ Израильтяне часто преступали завѣтъ съ Іеговою, оставляя Его, прилѣплялись къ богамъ чужимъ и вообще *дѣлали лукавое предъ лицемъ Бога* Іеговы и за то всегда наказываемы были тѣмъ, что какой-нибудь изъ сосѣднихъ народовъ покорялъ ихъ и угнеталъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; какъ же скоро народъ взывалъ о помощи къ Іеговѣ и исправлялся, оставлялъ чужихъ боговъ и обращался къ своему, Онъ свергалъ съ нихъ это рабство, воздвигая изъ среды ихъ великаго человѣка; что, слѣдовательно, народъ Еврейскій былъ счастливъ только въ то время, когда онъ оставался вѣренъ своему Богу—Іеговѣ, удерживаясь отъ смѣшенія своей религіи истинной съ ложными языческими и сознавая особенность своего

назначенія сравнительно съ другими народами, цѣнилъ эту особенность, и не повергался въ круговоротъ общечеловѣческой тогда, языческой лжи; въ противномъ случаѣ, онъ былъ несчастливъ подъ игомъ чуждымъ, отъ котораго снова освобождался по обращеніи къ Іеговѣ и исправленіи, и что, слѣдовательно, народъ Еврейскій, не смотря на свои блестящія побѣды при завоеваніи и водвореніи въ землѣ Ханаанской, все-таки слабъ и, безъ особеннаго содѣйствія Іеговы, не можетъ устроить своей самостоятельной политической жизни.—Соотвѣтственно этой цѣли, писатель и говоритъ только объ отношеніи Евреевъ къ сосѣднимъ народамъ со стороны утѣшенія и освобожденія и то—кратко, почти не касаясь внутренняго состоянія Еврейскаго народа въ это время. Только въ концѣ книги есть нѣсколько извѣстій объ этомъ внутреннемъ состояніи (17—21),—объ идолослуженіи Михи, завоеваніи Лаиса Данитянами и введеніи тамъ идолослуженія и, наконецъ, о гражданской междоусобной войнѣ одиннадцати колѣнъ противъ одного колѣна Веніаминова, по случаю насильственной смерти жены левита.—Но не извѣстно въ точности, къ какому времени относятся эти событія; они поставлены въ книгѣ ex abrupto, какъ отдѣльные эпизоды изъ какого-то времени періода Судей и сравнительно сообщаютъ весьма немного свѣдѣній о внутреннемъ состояніи народа въ этотъ періодъ.

Способъ изложенія событій въ книгѣ Судей несомнѣнно указываетъ, что писатель этой книги одинъ, что она явилась въ настоящемъ составѣ и видѣ не изъ постепенной или повременной записи событій различными лицами; но написана вся одною рукою. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже единство основной мысли и цѣли книги, сопровождаемое строгимъ единствомъ плана и самаго изложенія. На это же увазываетъ единство переходныхъ фразъ отъ изображенія одного состоянія къ другому; такъ, когда писатель хочетъ показать причину Божественнаго наказанія народа, употребляетъ всегда фразу: *и сотвориша сынове Израилевы злое* или *лукавое предъ Господомъ*, или: *приложиша сынове Израилевы сотворити лукавое предъ Господомъ* (2, 7. 3, 1. 6, 1. 13, 1 и др.); а когда начинаетъ описывать избавленіе народа отъ чужеземнаго ига, употребляетъ такую фразу: *и возопиша сынове Израилевы ко Господу, и возстави Господь Спасителя* и пр. (2, 9. 3, 3. 6, 7 и др.).

Но когда явилась эта книга и кто писатель ея, съ точностію опредѣлить не возможно. Есть не много данныхъ въ самой книгѣ, по которымъ можно съ вѣроятностію судить о времени составленія ея, но только съ вѣроятностію, и притомъ, время можно опредѣлить лишь приблизительно. Такъ, можно думать, что когда составлены были первыя книги царствъ, книга Судей уже существовала; потому что въ нихъ можно находить нѣкоторыя указанія на эту книгу (1 Цар. 12, 9—12 ср. Суд. 4, 2. 6, 14. 2 Цар. 11, 22 ср. Суд. 9, 53). Точно такъ же въ псалмахъ есть довольно ясное указаніе на нѣкоторыя событія, описанныя въ книгѣ Судей (Псал. 82, 10—12 ср. Суд. 4. 7. 8). Нѣкоторыя состоянія или положенія дѣлъ и предметовъ, описанныя въ книгѣ Навина, продолжались также и во времена писателя книги Судей; Хананеи жили еще между Ефремлянами въ Газерѣ (1, 29), точно такъ же, какъ это было во время писателя книги Навина; о завоеваніи этого города во времена Соломона и истребленіи Хананеевъ, жившихъ въ немъ, не сказано ни слова. Далѣе, Іерусалимъ представляется еще не отнятымъ у Іевусеевъ, и эти послѣдніе (Суд. 1, 21) продолжаютъ жить во времена писателя книги Судей подлѣ колѣна Веніаминова, т. е., на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ жили они во времена писателя книги Навина; ибо колѣно Іудино, въ которомъ, по сказанію писателя книги Навина, жили Іевусеи, было рядомъ съ колѣномъ Веніаминовымъ, подлѣ котораго жили Іевусеи, по сказанію писателя книги Судей, и, живя въ Сіонѣ или Іерусалимѣ, они были сосѣдями и колѣну Іудину, и колѣну Веніаминову, участки которыхъ примыкали къ прилежащимъ Іерусалиму горамъ и долинамъ. Наконецъ, Сидонъ, опять, какъ въ книгѣ Навина, представляется въ книгѣ Судей, главнымъ городомъ Финикіанъ, и Финикіане не были еще въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Евреямъ (3, 3. 10, 12). На раннее происхожденіе этой книги указываетъ еще то обстоятельство, что колѣна Еврейскія представляются еще строго раздѣленными между собою, какъ будто отдѣльныя народности, что при царяхъ довольно уже изгладилось. Если эти данныя заставляютъ сдѣлать предположеніе, что книга въ настоящемъ ея составѣ и видѣ, явилась прежде царствованія Давида, то нѣкоторыя другія указываютъ на время ея составленія болѣе близкое ко времени описываемыхъ въ ней происшествій. Такъ, жертвенникъ, который поставилъ Гедеонъ на мѣстѣ явленія ему Ангела и назвалъ

Миромъ Господнимъ, сохранялся до времени написанія книги Судей (6, 24). Такъ, источникъ, истекшій изъ челюсти ослиной для утоленія жажды Сампсона, сохранялся подъ названіемъ „источникъ призывающаго" также до времени писателя книги Судей (15, 19). Такъ, еще во время жизни писателя былъ обычай у Еврейскихъ дѣвицъ приходить четыре раза въ годъ плакать о дочери Іефѳая (11, 40). Если, при этомъ, принять въ соображеніе то обстоятельство, что о первыхъ Судіяхъ писатель говоритъ короче, чѣмъ о послѣднихъ, что объемъ извѣстій о первыхъ не стоитъ почти ни въ какомъ отношеніи къ объему о послѣднихъ — о Гедеонѣ, его сынѣ Авимелехѣ, Іефѳаѣ и особенно о Сампсонѣ, извѣстія о которомъ имѣютъ во многихъ мѣстахъ значеніе не краткой біографіи, какъ извѣстія о прочихъ, а составляютъ какъ бы картины изъ тѣхъ временъ, сгруппированныя около личности Сампсона, если, говоримъ, принять во вниманіе это обстоятельство; то какъ бы сама собою напрашивается на мысль догадка, что писатель потому передаетъ болѣе скудныя извѣстія о временахъ первыхъ судей, что жилъ довольно далеко отъ нихъ; о послѣднихъ же пишетъ болѣе подробно потому, что самъ жилъ близко къ ихъ времени, когда еще свѣжо было преданіе объ нихъ и обильнѣе данными для біографіи и общей исторіи. Не нужно опускать изъ виду для опредѣленія времени составленія книги окончанія книги. Писатель вдругъ прерываетъ ее исторіею Сампсона, ни одного слова не сказавъ о слѣдовавшемъ за нимъ Первосвященникѣ Иліи и Самуилѣ, тогда какъ происшествія, случившіяся при нихъ, очень важны для цѣли писателя книги и тогда какъ эти мужи также называются судіями. Изъ этого можно заключить, что эти послѣднія были еще слишкомъ свѣжи въ памяти народной, чтобы писать объ нихъ въ исторіи; можетъ быть, были даже живы личности эти и другія, жившія при нихъ, которыя, значитъ, еще не принадлежали къ области исторіи. По этому всему можно сказать приблизительно, что книга Судей была составлена около временъ Самуила и — только.

Кто писатель этой книги, также положительно не извѣстно. Іудейское преданіе почитаетъ ее произведеніемъ кого либо изъ раннихъ Пророковъ, не называя его по имени. Этотъ недостатокъ ясности преданія стараются восполнить догадками, по которымъ считаютъ писателемъ книги то Самуила, то самихъ Судей, которые будто сами записывали

происшествія изъ своей жизни. Первая догадка имѣетъ еще нѣкоторую степень вѣроятности, но съ послѣднею точное разсмотрѣніе содержанія книги не позволяетъ согласиться; она произвольна и противорѣчитъ частію единству плана и цѣли, частію времени составленія книги. Вообще, ни въ самой книгѣ Судей, ни въ другихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ, ни въ преданіи нѣтъ прямыхъ указаній на составителя ея, а потому тщетной должна остаться всякая попытка отыскать и неопровержимо указать на лице написавшаго книгу Судей. Можно только сказать, что она написана около времени Самуила и кѣмъ либо изъ пророковъ, число которыхъ, какъ извѣстно, увеличилось при Самуилѣ, заведшемъ даже училища пророческія, въ которыхъ занимались изученіемъ закона и составленіемъ лѣтописей Еврейскаго народа, какъ увидимъ это изъ разсмотрѣнія книгъ Царствъ.

Само собою разумѣется, что писатель книги Судей, жившій самъ въ концѣ періода судей, при описаніи подвиговъ великихъ людей этого періода, долженъ былъ пользоваться извѣстными источниками. Какіе это были источники — письменные или просто сказанія народныя, переходившія изъ устъ въ уста по преданію? Писатель книги нигдѣ не указываетъ на источники письменные. И въ самомъ дѣлѣ, хронисты, каковые всегда бывали на Востокѣ въ благоустроенныхъ царствахъ, при дворахъ, и каковые въ послѣдствіи времени, кажется, были и у Евреевъ, едва ли были въ этотъ періодъ почти постоянныхъ войнъ и угнетенія. Впрочемъ, на основаніи одного лишь молчанія библейскихъ книгъ, съ достовѣрностію судить объ этомъ нельзя; можетъ быть и велись частныя записи. Если же и не на основаніи письменныхъ источниковъ составлена книга: то нѣтъ никакихъ поводовъ сомнѣваться въ истинности того, что передано писателемъ книги Судей и думать, что народная молва доставила писателю много переиначеннаго, преувеличеннаго въ сравненіи съ тѣмъ, какъ было дѣло въ дѣйствительности. Уже одно то обстоятельство, что въ этотъ періодъ Судей на первомъ планѣ являлась жизнь болѣе фамильная, чѣмъ общенародная, и, слѣдовательно, для писателя болѣе важны были преданія фамильныя, чѣмъ общенародныя, достаточно ручается за то, что событія описываются въ книгѣ вѣрно такъ, какъ происходили они на самомъ дѣлѣ; въ одной частной фамиліи преданіе о дѣлахъ предковъ всегда можетъ цѣлѣе сохраниться, чѣмъ въ томъ случаѣ, если оно попадетъ въ уста, народа и эта фамилія, притомъ, всегда слу-

житъ ограниченіемъ народной фантазіи въ отношеніи къ украшенію дѣлъ ея предковъ. Что эти фамиліи великихъ мужей, описанныхъ въ книгѣ, сохранялись во времена писателя, за это ручается упоминаніе о потомствѣ каждаго почти изъ нихъ въ этой же самой книгѣ, а вѣрность сохраненія въ нихъ преданія охранялась еще тѣмъ, что писатель былъ современникъ не болѣе, какъ третьяго или четвертаго поколѣнія самыхъ первыхъ судей, когда, притомъ, отецъ могъ правнуку передавать вѣрное свѣдѣніе о дѣлахъ своихъ или отца своего. Вѣрность этихъ преданій сохранялась, далѣе, тѣмъ, что повѣствованія всегда сопровождались и сопровождаются въ разсматриваемой книгѣ указаніемъ на мѣста, гдѣ происходили описываемыя событія, на собственныя имена характеристическія, данныя извѣстнымъ лицамъ или мѣстамъ по поводу извѣстныхъ событій, каковы, напр., Іеровоамъ, Миръ Іеговы „источникъ призывающаго“ и пр.;—ссылкою на народные обычаи, праздники, пѣсни, притчи, загадки, и тому подобное; эти послѣдніе твердо и неприкосновенно содержались въ памяти народа, ради ихъ поэтической формы, риѳмы и параллелизма членовъ; обыкновенно, такія вещи хорошо заучиваетъ народная память, потому что народъ болѣе имѣетъ къ нимъ склонности, чѣмъ къ прозаическимъ разсказамъ; точно такъ же хорошо запоминаются имъ событія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, напр., что Сампсонъ одной челюстью избилъ 600 филистимлянъ, что пустилъ къ нимъ на поля лисицъ, съ зажженными фитилями, и т. под.

Что сказанія о событіяхъ, описанныхъ въ книгѣ Судей, составлены современно самымъ событіямъ и, слѣдовательно, вѣрно, а не вымышлены народною фантазіею въ послѣдующія времена, па это, кромѣ высказанныхъ уже замѣчаній о фамильныхъ преданіяхъ, много доказательствъ въ самой книгѣ. На это указываетъ языкъ очевидцевъ, который просвѣчиваетъ, какъ въ частныхъ эпизодахъ, такъ и въ цѣломъ образѣ повѣствованія. На такія, современно самымъ событіямъ составлявшіяся, сказанія указываетъ ясно, напримѣръ, пѣснь Девворы о побѣдѣ Варака. Деввора прямо называетъ здѣсь себя сочинительницею этой пѣсни: *услышите цари и внушите князи; азъ Господеви воспою и пою Богу Израилеву*, — и потомъ: *оскудѣша живущіи во Израили, оскудѣша, дондеже воста Деввора, дондеже воста мати во Израили*—съ подлинника—*дондеже востахъ азъ Деввора, дондеже востахъ азъ мати во Израили* (5, 3, 7). Содержаніе этой пѣсни приличествуетъ

именно тому времени и—женщинѣ, а не позднѣйшему и—не мужчинѣ: особенно превозносится Яиль, убіеніе ею Сисары подробно описывается, тогда какъ почти ни слова не говорится о сокрушеніи враговъ вообще и объ ихъ утратахъ; пѣснь оканчивается разговоромъ между матерью Сисары и умнѣйшими изъ прислужницъ ея о замедленіи Сисары и ихъ раздумьемъ (28-30), что опять характеризуютъ женщину, какъ составительницу пѣсни,—женщину, для которой болѣе имѣетъ достоинства пріобрѣтеніе внѣшнихъ украшеній, чѣмъ блистательные трофеи. Вообще, эта пѣснь, по своему лирическому характеру представляетъ такія частности и подробности, которыя не могли быть почерпнуты писателемъ изъ простаго историческаго разсказа преданія, и которыя не позволяютъ думать, чтобы поэтъ, удаленный отъ того времени, составилъ ее;—предшествующій разсказъ не содержитъ такихъ подробностей и частностей, какія заключаются въ самой пѣсни; вѣроятно, ихъ не было и въ простомъ историческомъ разсказѣ объ этихъ событіяхъ, изъ котораго поэтъ могъ бы почерпнуть эти частности и подробности; изъ него не видно, напримѣръ, чтобы колѣно Иссахарово было мѣстомъ блистательныхъ подвиговъ Девворы и Варака, что заставляетъ предполагать пѣснь; о проклятіи жителей Мазора за то, что они не пришли на помощь Девворѣ и Вараку, о которомъ говорится въ самой пѣсни, опять не упоминается въ предшествующемъ разсказѣ, не упоминается даже объ имени этого города, равно какъ и о матери Сисары; значитъ, позднѣйшій поэтъ не могъ быть составителемъ этой пѣсни, и составленіе ея современно описываемымъ въ ней происшествіямъ и—происходитъ отъ самой Девворы; а отсюда уже можно заключать о достовѣрности всего сказаннаго въ ней. Притомъ, народъ, которому предлагалась эта пѣснь и съ книгою, конечно, сохранялъ въ памяти первоначальную пѣснь пророчицы и—едва ли бы позволилъ сдѣлать въ ней перемѣну, украсить ее. И вообще, свѣжее фамильное преданіе, конечно, не допускало въ священную книгу разсказовъ, вымышленныхъ народомъ или писателемъ; иначе было бы противорѣчіе между ними.

Далѣе, на происхожденіе сказаній современно самимъ происшествіямъ указываетъ басня Іоаѳама (9, 8—15). Она видимо принадлежитъ тому времени, когда еще у Израильтянъ не было царя и царскаго достоинства, когда его блескъ не находилъ еще сочувствія, его преимущества—признанія со

стороны Евреевъ, и что только временное ослѣпленіе ихъ могло допустить мысль о царѣ:—ибо баснею предполагается, что всѣ люди важные и сильные не захотятъ быть царями во Израилѣ, и что этого можетъ желать только терніе Израиля, каковъ Авимелехъ. Они дѣлаютъ это не потому, чтобы боялись особенныхъ опасностей, сопряженныхъ съ царскимъ званіемъ, а просто потому, что при тѣхъ обязанностяхъ, исполненіе которыхъ лежитъ на нихъ, и въ томъ положеніи, какое они занимаютъ, они думаютъ быть полезнѣе для народа, чѣмъ въ царскомъ званіи: это такія основанія отказа, которыя, послѣ того, какъ мысль о монархіи во времена царей совершенно вытѣснила республиканскій образъ воззрѣнія, бывшій въ періодѣ Судей, были бы совершенно безсильны, и тотъ, кто говорилъ такъ, не достигъ бы своей цѣли, а Іоаѳамъ достигъ. Точно также на современное самимъ событіямъ происхожденіе сказаній указываютъ сказанія о Гедеонѣ и о Самсонѣ,—и другихъ замѣчательнѣйшихъ событіяхъ.—Подробностей нѣтъ нужды и излагать здѣсь.

Вообще, весь образъ повѣствованія книги Судей таковъ, что въ немъ легко видѣть очевидцевъ разсказываемыхъ событій; такъ живо и вѣрно сохранилось до временъ писателя преданіе. Сюда принадлежитъ прежде всего означеніе мѣстностей,—точное и подробное. Такъ, въ исторіи Гедеона означено самое мѣсто, гдѣ онъ молотилъ пшеницу, чтобы бѣжать отъ лица Мадіанитянъ (6,14), обозначена самая скала или верхъ горы Маозй, на которой онъ принесъ жертву и поставилъ алтарь Господу (6, 26); названо мѣсто, гдѣ стояли лагеремъ Израильтяне подъ предводительствомъ Гедеона—источникъ Араѳъ и лежащая сѣвернѣе этого мѣста долина, въ которой стояли лагеремъ Мадіанитяне и Амаликитяне (7, 1. 8. 12); обозначенъ пунктъ, до котораго Гедеонъ доходилъ съ своими рабами, когда обозрѣвалъ станъ союзниковъ, гдѣ онъ слышалъ сонъ Амаликитянина,—вообще, весь ходъ сраженія (7, 11—20); названы мѣста, куда побѣжали Мадіанитяне и Амаликитяне, и что съ ними гдѣ случилось (7, 22—25). Далѣе, означены мѣста, гдѣ Гедеонъ, преслѣдуя своихъ враговъ, тщетно просилъ хлѣба своимъ усталымъ воинамъ (6, 5); онъ, какъ Гааладитянинъ, хорошо знакомый съ топографіею страны, идетъ преслѣдовать Мадіанитянъ, собравшихся около Каркара, не прямымъ путемъ, который бы велъ его чрезъ скалы, горы и балки, но путемъ живущихъ въ кущахъ, отъ востока прямо Навы и Іегевала, слѣдовательно, путемъ степнымъ и

ровнымъ, гдѣ не было никакого естественнаго препятствія для быстраго и свободнаго движенія его войскъ; на обратномъ же движеніи онъ избираетъ прямой путь чрезъ вершину Гаара, чтобы наказать жителей Сокхоѳа и Фануила (8, 11 сл.). Вообще, это — такія подробности, сказаніе о которыхъ могло составиться лишь во времена описываемыхъ событій, а не послѣ, и слѣдовательно, вполнѣ доказывающія истинность описанія событій точно такъ, какъ они происходили.

Такая же точность и подробность въ опредѣленіяхъ мѣстъ при изложеніи исторіи Авимелеха, Іефѳая и Сампсона, подробность и точность, которая свидѣтельствуетъ о современности составленія сказаній объ этихъ событіяхъ. Позднѣйшій писатель не могъ выдумать всѣхъ этихъ подробностей самъ, иначе народъ не принялъ бы ихъ, имѣя возможность повѣрить ихъ истинность; сказанія о нихъ должны были идти изъ устъ въ уста изстари и — тогда только могли быть внесены въ священную книгу, какъ несомнѣнно вѣрныя. Далѣе, на эту же историческую вѣрность и чистоту сказаній указываетъ подробность разговоровъ между различными лицами, о которыхъ повѣствуется въ книгѣ. Такой подробности опять не могъ выдумать самъ писатель, потому что народъ, въ которомъ хранилось преданіе, не могъ допустить ихъ, не могъ выдумать и самъ народъ, потому что фамильныя преданія были бы противъ нихъ. Видно, что они составлены современно самимъ событіямъ и хранились чисто и неприкосновенно; слѣдовательно, вполнѣ достовѣрны.

Далѣе, если обратимъ вниманіе на религіозное и политическое состояніе Евреевъ, по изображенію книги Судей, насколько можно опредѣлить ихъ по краткимъ и общимъ указаніямъ ея: то увидимъ, что такое именно состояніе указываетъ именно на времена послѣ Навина до Самуила или до царей. Въ книгѣ Судей нѣтъ никакого слѣда тѣхъ реформъ религіозно-богослужебныхъ или обрядовыхъ и политическихъ, которыя сдѣланы были Давидомъ. Іудеи еще держались своего Бога Іеговы; это видно изъ того, что они въ случаяхъ несчастныхъ всегда обращались къ Нему, какъ къ единому сильному Богу, могущему помочь имъ въ ихъ бѣдствіяхъ, сознавая ничтожность помощи боговъ иныхъ. Но отступленія отъ Бога, уклоненія отъ исполненія Его воли случались уже чаще, чѣмъ во времена Моисея и Навина; идолопоклонство Хананейское имѣло сильное на нихъ вліяніе и по временамъ затмѣвало совершенно культъ Іеговы. Этого еще не

было между Израильтянами во времена Навина. Навинъ лишь воспоминаетъ народу о его прежнемъ отступленіи отъ Бога — Іеговы, но нигдѣ не упрекаетъ ихъ за то, чтобы они въ его время служили другимъ богамъ, а предостерегаетъ ихъ отъ этого на будущее время. Но совершенно другое является въ періодъ Судей: отступленія стали чаще и идолопоклонство извѣстнѣе; по сказанію книги Судей, они почитали боговъ Сирскихъ, Сидонскихъ, Моавитскихъ, Аммонитскихъ, Филистимскихъ (10, 6—7), въ особенности Ваала или Бела (Солнце)—главное божество Сиріанъ, Хананеевъ и Арабовъ, вмѣстѣ съ родственными имъ и происшедшими отъ нихъ народами; также—Астарту (луну)—женское главное божество этихъ народовъ—богиню всякаго счастія (2, 13. 10, 6 сл. 3, 7. 6, 8 сл.). Особый родъ почтенія Ваалу или, вѣроятно, особаго рода истуканъ Ваала, извѣстный подъ именемъ Ваалъ-бериѳа, былъ, какъ видно, особенно распространенъ между Евреями этого времени и находилъ себѣ многихъ поклонниковъ (8, 33. 9, 4. 46); вѣроятно, потому, что понятіе, соединяемое съ этимъ особеннымъ богомъ, болѣе нравилось Евреямъ, чѣмъ другіе боги, и могло какимъ либо образомъ примирять теократическое и языческое сознаніе религіозное. Вообще, какъ видно, начало ложной терпимости довольно сильно взошло въ сознаніе народа, начало, довольно ясно выраженное въ словахъ Іефѳая царю Аммонитскому: *елика даде тебѣ въ наслѣдіе Хамосъ богъ твой, сія да наслѣдиши, а всѣхъ ихже изгна Господь Богъ нашъ отъ лица нашего, наслѣдимъ мы* (11, 24). Изъ этихъ словъ видно, что и языческіе боги считались богами, могущими давать землю въ наслѣдіе, и на этомъ, вѣроятно, основаніи это начало ложной терпимости такъ было принято. Такое религіозное состояніе Евреевъ понятно въ продолженіе времени послѣ Навина, когда они, получивъ въ обладаніе землю и водворившись въ ней, мало по малу забывая благодѣянія Іеговы, предавались идолопоклонству, давно или лучше всегда замѣтному между ними и теперь не сдерживаемому никакимъ сильнымъ могучимъ характеромъ, подобнымъ тому, какой имѣли Моисей, Навинъ и потомъ послѣ Самуилъ.

Точно такъ же и политическое состояніе, по изображенію книги Судей, соотвѣтствуетъ тому времени, какое нужно по ходу обстоятельствъ предполагать послѣ смерти Навина до Самуила или избранія царя. Въ цѣлой книгѣ Судей, колѣна Еврейскія являются безъ одной общей главы, которая бы

управляла постоянно всѣмъ ходомъ дѣла народнаго; главы у нихъ являются лишь по временамъ, въ бѣдственныхъ случаяхъ, а въ мирное время, по всей вѣроятности, каждое колѣно управлялось собственными, независимыми отъ другихъ князьями; потому каждое изъ нихъ или нѣкоторыя вмѣстѣ, совершенно отдѣльно отъ прочихъ, ведутъ свои дѣла безъ всякаго общаго интереса; только бѣдствія, набѣги и угнетенія сосѣднихъ народовъ,—соединяютъ ихъ, и то не всегда. Эта обособленность колѣнъ и эти частыя войны, которыя они ведутъ отдѣльно отъ другихъ колѣнъ понятны и удобообъяснимы въ первыя времена послѣ водворенія Израильтянъ въ Палестинѣ, доколѣ у нихъ мало по малу не выработалась идея царства и необходимости ближайшаго единенія между колѣнами, каковое видимъ около временъ Самуила. Навинъ, раздѣливъ колѣнамъ разные участки земли, повелѣлъ каждому колѣну истреблять остатки Хананеевъ въ своемъ участкѣ. Не имѣя общаго вождя, занятые внутреннимъ устройствомъ своимъ, колѣна, мало по малу, все болѣе и болѣе обособлялись и раздѣлялись въ интересахъ, къ чему способствовало самое географическое положеніе земли, раздѣленной горами и доставлявшей мало удобствъ къ легкому взаимному сообщенію колѣнъ, особенно при недостаткѣ общей главы. А это разъединеніе интересовъ народныхъ всегда сопровождается ослабленіемъ народа, какъ цѣлаго, и вотъ неудивительно, что сосѣдніе народы, менѣе сильные, чѣмъ Евреи, дѣлаютъ на нихъ хищническіе набѣги и потомъ покоряютъ ихъ подъ свою власть и держатъ въ ней до тѣхъ поръ, пока народъ не обратится къ Іеговѣ, и Онъ не воздвигнетъ спасителя ему. Такимъ образомъ, и религіозное и политическое состояніе народа, по сказаніямъ книги Судей, указываетъ именно на періодъ послѣ смерти Навина, и это свидѣтельствуетъ о достовѣрности описываемыхъ въ ней событій.

Въ сказаніяхъ этой книги, точно такъ же, какъ и книги Навина и большей части Библейскихъ книгъ, содержатся сказанія о событіяхъ чудесныхъ и необыкновенныхъ. Объ ихъ достовѣрности вообще нужно сказать тоже, что сказали мы въ прошедшемъ чтеніи, т. е., что они такъ тѣсно связаны со всею остальною исторіею, что не могутъ быть отдѣлены отъ нея, и достовѣрность первой вполнѣ ручается за достовѣрность послѣдней. Такъ, чудесное въ исторіи Гедеона стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ выборомъ изъ 30-ти тысячъ войска только трехъ сотъ; а это послѣднее опять, по по-

вѣствованію, неразрывно соединено съ побѣдою надъ Аммонитянами и Амаликитянами, такъ что чудеснаго здѣсь нельзя отдѣлить отъ всей прочей исторіи, не оставляя послѣдней загадочною и не оконченною. То же должно сказать и о явленіи вѣстниковъ Іеговы; они являются въ случаяхъ важнѣйшихъ, когда нужно ясно показать народу силу Іеговы или когда нужно возбудить духъ избранника Божія,—вообще, въ случаяхъ, требуемыхъ необходимо обстоятельствами, и—эта необходимость ручается за ихъ историческую дѣйствительность.—Да чудесныя дѣйствія и необходимы были въ этотъ періодъ,—по сказанію о характерѣ его книги Судей.—Богъ тѣмъ ясно показывалъ народу своему, что, не смотря на его славныя побѣды при завоеваніи земли и водвореніи въ ней, онъ все-таки самъ по себѣ очень слабъ, слабъ до того, что сосѣдніе народы, даже малочисленные—и тѣ могутъ владычествовать надъ нимъ, и что онъ держится единственно только сильною десницею Іеговы,—что слѣдовательно, онъ не долженъ надѣяться на себя, а полагать все свое счастіе и благоденствіе въ служеніи Іеговѣ; иначе онъ постоянно будетъ угнетаемъ внѣшними врагами, и никто не освободитъ его изъ-подъ ига ихъ.—Итакъ, чѣмъ поразительнѣе освобожденіе народа отъ ига, чѣмъ непосредственнѣе является рука Божія, чѣмъ чудеснѣе событія,—тѣмъ болѣе они должны имѣть значенія для народа въ этотъ періодъ и—вотъ объясненіе довольно многихъ и важныхъ чудесъ, описанныхъ въ книгѣ.—Событія хотя и не чудесныя, но выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, также не могутъ и не должны нарушать вѣры въ достовѣрность событій этихъ.—Такъ, необыкновенное событіе—жертва Іефѳаевой дочери по обѣту отца, возбуждавшая много толковъ о достовѣрности такой жертвы,—требовалась необходимостію, и нельзя не вѣрить ей,—тѣмъ болѣе, что это приношеніе въ жертву, какъ можно догадываться, было чисто духовное и состояло въ простомъ посвященіи Господу: потому что Еврейскій текстъ не говоритъ ни слова о всесожженіи; жертва дѣвства была столь же древняя, какъ и жертва крови.—Необыкновенные случаи изъ жизни Сампсона такъ же достовѣрны, какъ и прочіе не необыкновенные. Обыкновенно спрашиваютъ—гдѣ Сампсонъ могъ взять 300 лисицъ, чтобы зажечь поля и виноградники Филистимлянъ? Какимъ образомъ безоружный Судія могъ убить одною челюстію до 1000 человѣкъ?—Изъ свидѣтельствъ древнихъ видно, что въ Палестинѣ было очень много лисицъ:

Навинъ говоритъ о Газеръ-Суалѣ, т. е., городѣ лисицъ, и этотъ городъ, разумѣется, не могъ иначе получить своего имени, еслибы въ окрестностяхъ его не было множества этихъ животныхъ. Давидъ говоритъ, что враги его убиты мечемъ, а тѣла ихъ, оставленныя безъ погребенія, съѣдены лисицами. „Уничтожь лисицъ, которыя опустошаютъ твои виноградники,“ —говоритъ Супруга въ Пѣсни Пѣсней. Езекіиль сравниваетъ множество ложныхъ пророковъ съ бѣглыми лисицами.— Если книга Судей говоритъ, что Сампсонъ поймалъ 300 лисицъ: то надобно-ли предположить, что онъ исполнилъ это одинъ? Развѣ не видимъ, что на всѣхъ языкахъ у всѣхъ народовъ, дѣла приписываются одному, хотя и исполняются другими, по его приказанію, которые никогда не упоминаются.—Чтобы отвѣчать на второе возраженіе, надобно вспомнить, что Еврейское слово, которое по славянски переведено— *изби*, не означаетъ, что Сампсонъ убилъ тысячу Филистимлянъ, а—то, что онъ, схвативъ челюсть ослиную, убилъ лишь часть этой толпы, а прочихъ обратилъ въ бѣгство, что, судя по его силѣ, вполнѣ вѣроятно.

Итакъ, общее заключеніе: -хотя писатель и не очевидецъ описываемыхъ имъ событій; но описаніе этихъ событій вполнѣ достовѣрно; они изображены такъ, какъ происходили на самомъ дѣлѣ.

III. О книгѣ Руѳь.

Книга Руѳь называется такъ по имени лица, исторія котораго составляетъ главный предметъ книги. Исторія эта такова: нѣкто Елимелехъ изъ Виѳлеема, съ женою своею Ноеминью и двумя сыновьями, Маалономъ и Хелеономъ, по случаю голода, бывшаго въ землѣ Іудейской, выселился изъ Виѳлеема въ землю Моавитскую и тамъ вскорѣ умеръ. По смерти его дѣти взяли оба въ супружество Моавитянокъ— одинъ Орфу, другой Руѳь, изъ коихъ послѣдняя, по Талмуду, была дочь Еглома, царя Моавитскаго, того самаго, который въ продолженіе 18 лѣтъ угнеталъ Израильтянъ и погибъ отъ меча Судіи Аода, что, впрочемъ, не имѣетъ рѣшительныхъ доказательствъ. Вскорѣ послѣ брака, оба брата скончались бездѣтными, оставивъ вдову Ноеминь и двухъ ея невѣстокъ на собственное ихъ попеченіе. Вдова рѣшилась возвратиться на родину и уговаривала Орфу и Руѳь возвратиться къ ихъ родителямъ; но одна изъ нихъ, Руѳь, не согласилась на это и рѣшилась идти въ Виѳлеемъ съ своею свекровью. По приходѣ въ Виѳлеемъ она пошла собирать колосья на полѣ бо-

гатаго родственника Ноемини, Вооза, который чрезъ нѣсколько времени, по праву ужичества, взялъ ее себѣ въ жену. Отъ этого брака родился Овидъ, дѣдъ царя Давида, родословною котораго и заключается книга.

Эта семейная исторія случилась въ продолженіе періода Судей, какъ то ясно показываютъ самыя первыя слова книги: *и бысть внегда судяху судіи, бысть гладъ на земли* (*Ханаанской*), *и иде мужъ* (*Елимелехъ*) *отъ Виѳлеема Іудина обитати въ селѣ Моавли* и пр. Но когда именно это случилось, когда былъ этотъ голодъ, заставившій Елимелеха выселиться изъ роднаго города, въ точности не извѣстно. Раввины думаютъ, что Воозъ не кто иной, какъ Авесанъ, преемникъ Іефѳая, слѣдовательно, голодъ былъ при Іефѳаѣ; другіе относятъ этотъ голодъ ко временамъ Гедеона, иные—Авимелеха, еще иные—Варака, еще иные ко временамъ Самгара, еще иные Аоза, чѣмъ подтверждается преданіе, что Руѳь была дочь Еглома. Но, кажется, что всѣ эти мнѣнія несправедливы и несогласны съ указаніями, какія можно находить въ самой книгѣ; именно, въ концѣ книги находится родословная Давида, въ которой, по крайней мѣрѣ, четыре послѣдніе члена слѣдовали непосредственно одинъ за другимъ, т. е, входятъ въ родословную по порядку плотскаго преемства; принимая обычный въ родословіяхъ того времени вѣкъ жизни членовъ до перваго потомка отъ 30 до 40 лѣтъ мы придемъ къ заключенію, что эта исторія случилась около 160 лѣтъ прежде смерти Давида. Время жизни Давида извѣстно; его отецъ Іессей жилъ въ первое время царствованія Саула, двѣнадцати-лѣтняго исправленія должности судіи Самуиломъ и нѣкоторой части 20-лѣтняго междуцарствія, по смерти Илія до Самуила: „онъ былъ во дни Саула старый между старыми изъ мужей“, говоритъ писатель книги Царствъ, и потому не могъ идти на войну съ Филистимлянами; время жизни отца его Овида относится къ другой части помянутаго 20-лѣтняго междуцарствія и 40-лѣтнему правленію Илія; время же жизни его отца Вооза, когда онъ взялъ въ супружество Руѳь и родилъ Овида, падаетъ на время первыхъ годовъ правленія того же Илія: ибо замѣчается, что Воозъ былъ старъ, когда узналъ Руѳь. На этотъ періодъ посему падаетъ время и остальной исторіи, описанной въ книгѣ. Извѣстно, что въ это время Израильтяне были тѣснимы Филистимлянами, слѣдовательно, съ запада или юго-запада; когда къ этому бѣдствію присоединился еще голодъ—всегдашній почти спутникъ свирѣпыхъ набѣговъ сосѣднихъ народовъ и ихъ угнетенія: тогда

естественно было семейству Елимелеха уклониться въ лежащую въ противоположной отъ притѣснителей сторонѣ,—къ востоку, землю Моавитскую. Это мнѣніе, что событія описанныя въ книгѣ Руѳи, относятся ко времени Самсона, времени правленія Илія, высказалъ еще Іосифъ Флавій. Іудейская древность, кажется, вообще держалась этого мнѣнія: потому что въ то время, какъ считала она въ своемъ канонѣ 22 книги, книгу Руѳь считала она за одно съ книгою Судей, какъ прибавленіе или дополненіе къ ней, безъ сомнѣнія, потому, что поставляла исторію, описываемую въ ней, случившеюся непосредственно послѣ Самсона, въ первое время правленія Иліева. Христіанская церковь приняла это мнѣніе, такъ какъ она причислила эту книгу къ тѣмъ книгамъ, которыя содержатъ исторію Еврейскаго народа въ періодъ времени отъ Моисея до Самуила и считаетъ исторію какъ бы переходною къ изображенію времени царей, поколику главная цѣль ея показать родословіе одного изъ великихъ царей Еврейскихъ, По этой послѣдней причинѣ, она, соотвѣтственно Іудейскому преданію, справедливо содержанію этой книги приписываетъ великую важность: ибо оно, въ самомъ дѣлѣ, близко касается предковъ царскаго дома Еврейскаго; она показываетъ, какъ царскій родъ въ бурныя времена, прожитыя Израильскимъ народомъ, сохранился Богомъ—Іеговою для царства; она служитъ доказательствомъ и того, что этотъ родъ, въ продолженіе этого времени заблужденій и уклоненія отъ исполненія воли и закона Іеговы, которыя привели къ погибели многія фамиліи и грозили цѣлому народу коренною порчею нравовъ, оставался чистымъ, богобоязливымъ и преданнымъ своему Богу, Іеговѣ. Этимъ достаточно объясняется всегдашнее уваженіе къ книгѣ Руѳь и основаніе, почему она принята въ канонъ священныхъ книгъ Еврейскихъ.

Какъ цѣлымъ своимъ содержаніемъ, такъ и начальными словами своими, книга Руѳь примыкаетъ къ книгѣ Судей, и потому она, по справедливости, занимаетъ въ канонѣ мѣсто на ряду съ нею или послѣ нея, какъ ея дополненіе. На вопросъ, когда и кѣмъ она написана, она сама не даетъ никакого положительнаго и прямаго отвѣта; точно также молчитъ и Іудейское преданіе; потому здѣсь остается мѣсто только для догадокъ, которыя бы опредѣлили хотя приблизительно время ея написанія и хотя не прямо—лице писавшее.

а) Упоминаемое въ книгѣ родословіе царскаго дома Давидова доводится въ ней до времени Давида; значитъ, писатель жилъ не прежде этого времени; онъ, очевидно, имѣетъ на-

мѣреніе—показать происхожденіе этого царя; слѣдовательно, написалъ въ то время, когда Давидъ изъ неизвѣстнаго пастыря сдѣлался царемъ Израиля. На это же указываютъ начальныя слова книги: *внегда судяху судіи*, съ подлинника—„когда еще судили судіи,“ предполагается, что время Судей прошло уже и писатель живетъ въ другомъ періодѣ, при другой формѣ правленія. б) Заслуживаютъ вниманія слѣдующія черты въ книгѣ, поколику они удаляютъ писателя книги на довольно большое разстояніе отъ времени описываемыхъ имъ событій; эти событія случились, когда правили судіи и въ землѣ еврейской былъ голодъ; фамилія Елимелеха выселяется въ землю Моавитскую и проводитъ въ ней 10 лѣтъ; Ноеминь возвращается въ Виѳлеемъ во время жатвы; какъ точныхъ данныхъ времени, такъ и точныхъ опредѣленій мѣстностей въ книгѣ нѣтъ: не указываются ни мѣсто, гдѣ поселился Елимелехъ въ странѣ Моавитской, ни то, гдѣ разлучилась Ноеминь съ одною изъ своихъ невѣстокъ, ни путь, по которому шла фамилія въ землю Моавитскую и которымъ возвратилась назадъ. Напротивъ, разговоры между Ноеминью и Руѳью между Руѳью и Воозомъ, межну Воозомъ и его родственникомъ, а равно и старшинами Виѳлеемскими о бракѣ съ Руѳью, переданы подробно. Изъ этого можно заключить, что писатель, довольно долгое время послѣ этой семейной исторіи, составляющей содержаніе книги, собиралъ, что содержалось объ ней въ семейномъ преданіи, и записалъ все это въ книгѣ изъ уваженія къ дому Давида, и родословную котораго присоединилъ. Эта родословная доведена до Давида, во времена Давида, вѣроятно, было ближайшее побужденіе къ составленію книги, и, какъ показываютъ біографіи, составленныя Самуиломъ, Наѳаномъ и Гадомъ, въ это время возбужденъ былъ интересъ къ судьбамъ дома Давидова; тогда, вѣроятно, написана и книга Руѳь. Если бы это было позднѣе: то, вѣроятно, въ указаніяхъ частныхъ книги или въ самомъ образѣ повѣствованія остался бы какой—нибудь слѣдъ этого позднѣйшаго времени, какой-нибудь хотя темный намекъ на него. Противъ такого заключенія указываютъ на арамейскія выраженія и обороты въ книгѣ, указывающія будто на время составленія ея около плѣна Вавилонскаго; но это возраженіе не имѣетъ силы: потому что эти арамеизмы можно, и по всему слогу книги даже нужно, понимать лишь какъ архаизмы, сохранявшіеся въ обыденномъ говорѣ народа, какъ это у всѣхъ народовъ, а эти мнимые арамеизмы и находятся въ книгѣ

именно при изображенiи разговоровъ; значитъ, это обстоятельство указываетъ лишь на то, что писатель въ точности передавалъ разговоры, даже тѣмъ языкомъ, который употреблялъ народъ и которымъ дѣйствительно говорили дѣйствующiя во всей этой исторiи лица. Если же время составленiя книги Руѳь нужно отнести ко времени царствованiя Давида: то нѣтъ никакихъ препятствiй считать ее произведенiемъ Самуила. Это даже нужно было въ обстоятельствахъ Самуила: нужно было перемѣнить царствующую династiю, Богъ избралъ Давида; очень естественно было Самуилу—главному дѣйствующему лицу при этой перемѣнѣ, показать, что новый царь принадлежитъ къ колѣну Iудину, изъ котораго, по благословенiю Iакова, должны происходить цари и—что предки этого царя были и во времена паденiя нравовъ люди благочестивые, богобоязненные и преданные Богу—Iеговѣ, какъ и новоизбранный царь Давидъ.

Книга Руѳь, какъ мы замѣтили, по своему содержанiю и начальнымъ словамъ, равно какъ и по указанiю древняго Iудейскаго преданiя, стоитъ въ ближайшемъ отношенiи и тѣснѣйшей связи съ книгою Судей, какъ восполненiе ея и, слѣдовательно, по этому уже можно думать объ исторической достовѣрности описываемыхъ въ ней событiй. И содержанiе ея, и образъ повѣствованiя вполнѣ подтверждаютъ эту достовѣрность; отъ начала до конца всѣ лица въ ней и ихъ дѣйствiя являются въ ихъ естественной простотѣ и истинѣ; нигдѣ не замѣтно намѣренной натянутости въ повѣствованiи, и вездѣ совершеннѣйшая гармонiя. Свойства и характеръ главы выселившагося семейства не изображаются въ книгѣ, но его имя Елимелехъ (Богъ—мой царь) показываетъ, что онъ былъ вѣрный чтитель Единаго истиннаго Бога; то же должно сказать о его женѣ Ноемини и родственникѣ ихъ, Воозѣ, какъ это видно изъ ихъ рѣчей и точнаго исполненiя ими предписанiй Моисеева закона въ заключенiи брака съ Руѳью; весь образъ ихъ дѣйствiй основывается на этихъ предписанiяхъ, и они исполняются добросовѣстно. Эта фамилiя жила въ Виѳлеемѣ въ счастiи и благоденствiи, на что указываетъ имя жены Ноеминь (мое довольство—прелесть) и ясныя слова самой книги (1, 21); они имѣли въ Виѳлеемѣ *село*, проданное ими.—Чѣмъ болѣе горько было для нихъ выселенiе изъ родного города, тѣмъ сильнѣе должно быть желанiе Ноемини возвратиться туда опять, по миновании общественнаго бѣдствiя, особенно, когда пребываніе на чужбинѣ одинокой вдовѣ съ двумя сно-

хами было тяжело, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ сожалѣніе о ней жителей Виѳлеемскихъ, когда она въ глубокой бѣдности возвратилась туда (1, 19. 20). Итакъ, Ноеминь не могла побѣдить въ себѣ желанія возвратиться въ родной городъ. Руѳь, хотя могла найти себѣ пристанище въ родномъ домѣ, и даже могла имѣть надежду снова сочетаться бракомъ, не хочетъ, однакоже. разставаться съ своею свекровью; рѣшается идти туда, куда она пойдетъ; ея народъ долженъ быть ея народомъ, Богъ Ноемини долженъ быть и Богомъ Руѳи: *людіе твои—людіе мои*, говоритъ она, *и Богъ твой—Богъ мой: идѣже аще умреши, умру и тамо погребуся* (1, 16). Едва приходятъ они въ Виѳлеемъ, какъ Руѳь заботится о пропитаніи, идетъ собирать колосья на поле, на что она имѣла право, какъ бѣдная и какъ чужестранка; по совѣту матери проситъ себѣ покровительства у Вооза,—основываясь на предписаніяхъ закона Моисеева. Воозъ ведетъ дѣло такъ, чтобы законъ былъ исполненъ по всѣмъ пунктамъ,—спрашиваетъ родственника ближайшаго Руѳи и Ноемини, хочетъ ли онъ помочь ей, и—при отказѣ, свидѣтельствуясь словами старѣйшинъ, дѣлается мужемъ Руѳи,—исполняя законъ Моисеевъ. Такъ все просто и естественно, что нельзя никакъ подозрѣвать здѣсь вымысла, а нужно видѣть истинную исторію, въ которой отражаются нравы и обычаи тѣхъ временъ. На то же указываетъ и словоупотребленіе, какъ мы замѣтили уже объ архаизмахъ, сохранявшихся въ народѣ и употребляемыхъ писателемъ; несомнѣнно также указываетъ на истинность описаннаго и опредѣленіе въ одномъ мѣстѣ мѣстности: Руѳь сходитъ изъ Виѳлеема на гумно или поле: и этотъ городъ, дѣйствительно, лежитъ на горѣ, а поля, принадлежащія ему—въ сосѣдней долинѣ.

Заслуживаетъ вниманія въ этой книгѣ еще то, что значеніе собственныхъ именъ, какъ то: Елимелехъ (Богъ—мой царь), Ноеминь (мое довольство), Маалонъ (слабость), Хелеонъ (порча), Руѳь (подруга) и пр. весьма тѣсно совпадаютъ съ судьбами ихъ, изображенными въ книгѣ. Съ происхожденіемъ Давида отъ Моавитянки Руѳи совпадаетъ и то обстоятельство его жизни, что онъ, преслѣдуемый гнѣвомъ Саула, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ и матерью убѣжалъ въ Моавитскую землю, какъ землю спасенія для себя и своего семейства и это ручается за вѣрность исторіи.

Родословная таблица Давида, составляющая заключеніе всей книги, начинается съ Фареса и, объемля время около

700 лѣтъ, насчитываетъ всего шесть членовъ: Фареса, Есрома, Арама, Аминадава Наассона и Салмона (4, 18—20). Думаютъ, что между Фаресомъ—сыномъ Іуды и Наассономъ—современникомъ Моисея опущено нѣсколько членовъ, равно какъ между Наассономъ и Воозомъ. Подтверждаютъ это тѣмъ, что въ родословной этой недостаетъ главы фамиліи—Елимелеха, равно какъ его старшаго сына—Маалона, а поименованъ Воозъ, тогда какъ этотъ послѣдній былъ мужемъ Руѳи лишь по праву ужичества, - вмѣсто умершаго сына Елимелехова и, слѣдовательно, прямымъ образомъ не входитъ въ родословную царя. Этого не было бы, если бы писатель имѣлъ намѣреніе написать подробную родословную царя; а это показываетъ, что только послѣдніе четыре члена Воозъ, Овидъ, Іессей и Давидъ преемственно слѣдуютъ одинъ за другимъ, когда изъ предшествующихъ членовъ поименованы лишь важнѣйшіе. Если и здѣсь, какъ и во всей исторіи Руѳи, говорится лишь о важнѣйшемъ и замѣчательнѣйшемъ: то этимъ легко объясняется, почему Воозъ поставленъ на мѣстѣ того, чью жену онъ взялъ себѣ въ супружество лишь по праву ужичества. Но намъ представляется, что все это заключеніе не вѣрно.—По родословнымъ, находящимся въ древнихъ библейскихъ книгахъ, члены, начиная съ Фареса, идутъ преемственно, именно такъ, какъ обозначено въ книгѣ Руѳи (1 Пар. 2, 4. 5. 9—12). Если въ родословной Давида, по книгѣ Руѳь, нѣтъ главы семейства, Елимелеха, вмѣстѣ съ сыномъ—мужемъ Руѳи: то—потому, что писатель ведетъ родословную Вооза, мужа Руѳи, по праву ужичества, а не Елимелеха; а извѣстно, что родословныя по праву ужичества были въ употребленіи у Іудеевъ.—Съ этой родословной сходны родословныя таблицы Евангелистовъ Матѳея и Луки.

Вопреки доказательствамъ исторической достовѣрности книги Руѳь, сомнѣнія на счетъ этой книги, поднятыя нѣкоторыми толковниками, имѣютъ мало силы. Предположенія ихъ, что Писатель этой книги имѣлъ намѣреніе - или рекомендовать бракъ по праву ужичества, или увеличить славу и честь дома Давидова, или положить границы нетерпимости въ отношеніи къ чужестранцамъ и показать, что въ извѣстныхъ случаяхъ можно вступать въ супружество съ иностранками, и—для этихъ цѣлей только измыслилъ всю исторію, содержащуюся въ книгѣ Руѳь,—совершенно произвольны и неосновательны.—Если бы писатель имѣлъ въ виду рекомендовать браки по праву ужичества: то ему слѣдовало бы только указать на

законъ Моисеевъ объ этомъ и истолковать его и—потомъ напомнить древній обычай Іудеевъ; во всякомъ случаѣ, вымыслъ двоихъ сыновъ Елимелеха, умершихъ бездѣтными, и всей остальной исторіи представляется безцѣльнымъ.—Возвеличить славу Давидова дома показаніемъ, что онъ происходилъ отъ Моавитянки—странно, а потому вымыслъ также былъ бы безцѣленъ; точно также и для послѣдней цѣли не стоило измышлять этой исторіи.—Да и нельзя было измыслить ея, потому что жители Виѳлеема, еслибы не было этихъ событій на самомъ дѣлѣ, могли бы свидѣтельствовать противъ книги и—поколебать довѣріе къ ней, чего, однакоже, не видимъ.—Достовѣрность ея, значитъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

IV. О первой и второй Книгахъ Царствъ.

Четыре книги Царствъ, содержащіяся въ нашемъ канонѣ, у Евреевъ составляли только двѣ книги: одна заключала наши первыя двѣ книги царствъ и извѣстна была подъ названіемъ Sepher Schamuel, „книга Самуилова,“ получивъ такое названіе отъ Судіи Самуила, жизнеописаніемъ котораго она начинается, а можетъ быть, и отъ того, что онъ частію написалъ ее, а другая книга извѣстна была подъ названіемъ Vehamelek Dawid,—по начальнымъ словамъ этой книги, позднѣе ее называли просто Melachim.—LXX раздѣлили эти двѣ книги на 4, по двѣ въ каждой, и—наименовали ихъ первою, второю, третью и четвертою Книгами Царствъ, потому что въ нихъ изображаются судьбы Еврейскаго народа въ продолженіе времени, когда имъ управляли цари.—Это раздѣленіе и названіе перешли и во всѣ переводы, сдѣланные съ перевода LXX.—Что первыя двѣ книги царствъ, подлежащія теперь разсмотрѣнію, потому составляли одну, подъ названіемъ книги Самуила,—объ этомъ свидѣтельствуютъ Флавій, Мелитонъ, Оригенъ и Іеронимъ и др.

Первая Книга Царствъ содержитъ въ себѣ въ хронологическомъ порядкѣ повѣствованіе о событіяхъ, случившихся въ продолженіе около 100 лѣтъ, при Судіяхъ Иліи и Самуилѣ и при царѣ Саулѣ.—Писатель начинаетъ съ того, чѣмъ оканчивается книга Судей, и оканчиваетъ сказаніемъ о смерти Саула. Содержаніемъ второй Книги Царствъ служитъ повѣствованіе о царствованіи Давида, сначала надъ однимъ Іудою и потомъ надъ Израилемъ, и событіяхъ, бывшихъ въ это время—

въ продолженіе 40 лѣтъ; описаніе событій доводится въ ней до послѣднихъ дней жизни Давида.

Такъ какъ книги Царствъ представляютъ устроеніе и развитіе царства въ Еврейскомъ народѣ, равно какъ усиленіе и могучее дѣйствіе Пророковъ: то онѣ по праву занимаютъ въ канонѣ Библейскихъ книгъ мѣсто непосредственно послѣ осмикнижія, котораго содержаніемъ служитъ изображеніе развитія Еврейскаго народа подъ управленіемъ вождей и Судей. Онѣ показываютъ, какъ Израильское царство возникло, достигло до величайшей степени славы, но потомъ мало по малу стало упадать, блескъ его—затемняться, порча нравовъ усиливаться, отступленіе отъ Іеговы и непокорность Ему принимать все большіе и большіе размѣры; какъ Пророки, по мѣрѣ того, какъ усиливалось беззаконіе, претили народу, грозили ему бѣдствіями, привлекали народъ къ закону, но съ малымъ успѣхомъ, пока, наконецъ, народъ постигнутъ былъ предрекаемымъ великимъ бѣдствіемъ, плѣномъ Вавилонскимъ. Въ первой книгѣ, послѣ сказаній о великой личности Самуила, при которомъ совершился этотъ политическій переворотъ Еврейской народности, который одно основалъ, другому далъ великое, могучее развитіе,—исторія Саула и Давида соединяются въ одно цѣлое, съ постояннымъ напоминаніемъ или указаніями на то, какъ послѣдній во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ стремился осуществить законъ Моисеевъ, и какъ Іеговѣ угодны были его дѣла; остальныя книги, повѣтствуя о прочихъ царяхъ, постоянно какъ бы имѣютъ въ виду идеалъ этого теократическаго царя, и отношеніемъ поступковъ ихъ къ дѣйствіямъ этого царя измѣряютъ ихъ нравственное достоинство, порицаютъ ихъ или хвалятъ.—Чѣмъ бѣдственнѣе въ религіозномъ и политическомъ отношеніи былъ кризисъ, пережитый Израилемъ въ послѣднее порабощеніе ихъ Филистимлянами, когда народъ лишенъ былъ даже святыни своей, находившейся хотя краткое время въ рукахъ побѣдителей, чѣмъ значительнѣе уже поэтому начатая Самуиломъ эпоха для духовнаго и внѣшняго развитія народа Божія, тѣмъ подробнѣе изображаются судьбы народа въ это время, тѣмъ полнѣе можно по нимъ обнять и понять этотъ періодъ развитія Еврейской религіи и народности.

Нѣкоторые изъ новыхъ толкователей думаютъ, что всѣ четыре книги Царствъ принадлежатъ одному писателю, который привелъ въ одинъ составъ частныя сказанія Пророковъ, записывавшихъ случившіяся событія, иное опустилъ, иное при-

бавилъ, и издалъ книги въ ихъ настоящемъ видѣ. Они ссылаются въ подтвержденіе или, лучше, въ основаніе своей догадки на LXX-тъ, которые, считая все это твореніе за одно цѣлое, за одну книгу, раздѣлили ее на 4 отдѣла, подъ общимъ названіемъ Книгъ Царствъ; далѣе—на неоконченность во 2-й Книгѣ Царствъ исторіи Давидова царствованія, потому что его предсмертныя, послѣднія распоряженія—объявленіе наслѣдникомъ своимъ Соломона, совѣты ему въ управленіи, равно какъ и его смерть въ этой книгѣ не описываются, а описываются они въ началѣ третьей книги, чего, говорятъ, не могло бы быть, если бы писатели ихъ были различны; писатель первыхъ двухъ Книгъ Царствъ, жившій около времени Соломона, написалъ бы всю исторію Давида, предоставивъ преемнику говорить прямо о царствованіи Соломона. Потому-то, говорятъ, нѣкоторые изъ древнихъ толкователей, напр., Ѳеодоритъ и Діодоръ Тарсійскій присоединяли первыя главы третьей Книги Царствъ къ концу второй книги. Наконецъ, въ доказательство, что всѣ четыре книги составляли одно твореніе, ссылаются на тѣсную связь окончанія второй Книги Царствъ съ началомъ третьей. Если во всѣхъ этихъ книгахъ, въ которыхъ излагается исторія великихъ переворотовъ народности Еврейской почти во всѣхъ отношеніяхъ, болѣе важна самая эта исторія, чѣмъ изслѣдованіе о лицахъ изложившихъ ее: то, однакоже, ради оправданія того постояннаго преданія, что всѣ эти четыре книги составляли не одну, а двѣ, и происходятъ отъ разныхъ писателей, не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ въ пользу этого преданія и въ опроверженіе доводовъ новой гипотезы. Поступокъ LXX-ти, которые раздѣлили на 4 отдѣла всю исторію царей, не показываетъ того, чтобы они считали всю ее за одну книгу, принадлежащую одному писателю; скорѣе можно думать, что они и раздѣлили потому, что не считали всю ее принадлежащею одному писателю, а—многимъ, что, можетъ быть, и справедливо, какъ увидимъ далѣе. Во всякомъ случаѣ, это—не основаніе или основаніе не твердое для гипотезы, особенно когда съ нимъ сопоставить древнее Іудейское преданіе, что эти четыре книги первоначально составляли двѣ, а не одну. Если исторія Давида во второй книгѣ не окончена,- нѣтъ описанія его послѣднихъ дней и смерти; то и это не свидѣтельствуетъ о единствѣ писателя второй и третьей книги и остальныхъ; въ поясненіе этого нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что писатель дѣйствительно хотѣлъ окончить книгу тѣмъ, чѣмъ

окончилъ; ибо, приступая къ описаніямъ послѣднихъ происшествій Давидова царствованія, которыми заканчивается его книга, онъ говоритъ: *и сія словеса Давида послѣдняя* и пр. (23, 1). Что въ началѣ третьей Книги Царствъ повѣствуется о Давидѣ, о послѣднихъ дняхъ его жизни, это принадлежитъ уже столько же къ исторіи его правленія, сколько и его наслѣдника; это составляетъ необходимое вступленіе въ исторію новаго царствованія и болѣе указываетъ на другаго писателя этой книги, чѣмъ на одного съ предшествующею; или, по крайней мѣрѣ, столько же указываетъ. Тѣсная связь начала третьей съ концомъ второй Книги Царствъ ничего не свидѣтельствуетъ въ пользу высказаннаго мнѣнія: потому что начало всѣхъ книгъ историческихъ или, по крайней мѣрѣ, большей части изъ нихъ всегда тѣсно бываетъ связано съ окончаніемъ предшествующей книги; т. е., большая часть историческихъ книгъ начинаются съ того, чѣмъ оканчивается предшествующая; да это такъ и должно быть, потому что ведется непрерывная исторія Еврейскаго народа. Это доказательство рѣшительно ничего не доказываетъ противнаго древнему преданію о раздѣленіи цѣлаго на двѣ книги. Напротивъ, обѣ эти книги, т. е., первая и вторая, какъ одна, и 3 и 4-я, какъ одна,—хотя онѣ имѣютъ одинаковую цѣль, различаются между собою довольно ясно тѣмъ, что въ послѣдней хронологическихъ данныхъ находится болѣе и они опредѣленнѣе, точно также часто указывается на источники, изъ которыхъ писатель почерпалъ свои свѣдѣнія. Конечно, это различіе не очень важно и достаточно можетъ быть объяснено большею подробностію повѣствованій о Давидѣ въ книгахъ Самуиловыхъ, при чемъ не было необходимости часто указывать на источники, какъ въ послѣднихъ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ, въ которыхъ передаются большею частію только извлеченія изъ источниковъ. Но, однакоже, это различіе заслуживаетъ вниманія; во всякомъ случаѣ, оно составляетъ значительное препятствіе—признавать единство первоначальное всѣхъ книгъ царствъ и единство ихъ писателя, потому что позволяетъ заключать о большей древности первыхъ двухъ, чѣмъ послѣднихъ двухъ книгъ, именно, что читатели первыхъ двухъ книгъ близки по времени были къ описываемымъ событіямъ и знали о нихъ, а потому и не нужно было ссылаться на источники. Во всякомъ случаѣ, древнее преданіе о раздѣленіи всей этой исторіи на двѣ книги и различіи писателей стоитъ твердо противъ этихъ новыхъ

возраженій; оно выше ихъ. На это же раздѣленіе указываетъ, какъ увидимъ, то, что писатель или писатели первыхъ двухъ книгъ жили гораздо ранѣе плѣна, по указаніямъ этихъ самыхъ книгъ; а если считать одного писателемъ всѣхъ ихъ: то время его жизни нужно отнести ко временамъ плѣна, потому что до этого времени въ нихъ доводится исторія.

Такъ же не трудно оправдать противъ новыхъ гипотезъ другое мнѣніе нѣкоторыхъ изъ древнихъ, что писатель первой книги Царствъ въ настоящемъ ея составѣ, до 24-й главы, есть Самуилъ, а остальной части этой книги и всей второй Наѳанъ и Гадъ.—Это мнѣніе основывается на показаніяхъ книги царствъ, что Самуилъ написалъ въ книгѣ *оправданія царствія и положилъ ее предъ Господемъ* (1. 10, 25), потомъ—на указаніяхъ книги Паралипоменонъ, что *словеса царя Давида первая и послѣдняя записаны Самуиломъ видящимъ, Наѳаномъ Пророкомъ и Гадомъ видящимъ* (1 Пар. 29, 29) и—наконецъ, на догадкѣ, что Самуилу, какъ великому Пророку и современнику великихъ происшествій, и слѣдовало записать ихъ для будущихъ родовъ.—Противъ перваго основанія замѣчаютъ, что *оправданія царствія* вовсе не то, что исторія царей, хотя бы и первыхъ; Самуилъ написалъ въ книгу права царей, которыхъ просилъ себѣ у Самуила народъ. Самуилъ, какъ извѣстно, долго противился народу, представлялъ ему, какія права будетъ имѣть надъ ними царь (1. 8, 11—18), и когда народъ не хотѣлъ послушаться его, онъ поставилъ имъ царя, но записалъ права его надъ ними въ книгѣ,—можетъ быть, тѣ, какія изложены имъ въ рѣчи къ народу, или же въ болѣе пространномъ видѣ, на основаніи закона Моисеева о царяхъ.—Но во всякомъ случаѣ, это сказаніе не доказываетъ того, чтобы Самуилъ самъ написалъ 24 главы первой книги Царствъ: ибо въ нихъ говорится не о правахъ царей, а во первыхъ, излагается исторія жизни самого Самуила; потомъ—обстоятельства царствованія несчастнаго Саула и первое помазаніе па царство Давида. И—намъ кажется—это справедливо.—Противъ втораго основанія древняго мнѣнія—что въ книгѣ Паралипоменонъ указывается на Самуила, Наѳана и Гада, какъ писателей исторіи Давида,—говорятъ: дѣйствительно, это указаніе свидѣтельствуетъ о томъ, что помянутыя лица писали исторію Давида; но та ли эта исторія, которая помѣщена въ первыхъ двухъ книгахъ Царствъ? Въ книгахъ Паралипоменонъ указывается и на др. книги, которыя не дошли до насъ—на лѣтописца царскаго,

на книгу царей іудиныхъ, на книгу царей Израилевыхъ, на книгу царей іудиныхъ и Израилевыхъ вмѣстѣ;—не въ такомъ ли же смыслѣ нужно принимать указаніе и на исторію царствованія Давида, описанную Самуиломъ, Наѳаномъ и Гадомъ? Дошли ли они до насъ? Въ настоящемъ ли видѣ они помѣщены въ нашихъ книгахъ Царствъ, можетъ быть исправлены, пополнены или съ выпусками? Нѣтъ положительныхъ данныхъ, чтобы въ книгѣ Паралипоменонъ указывалось именно на книги Царствъ, какъ на исторію Давида, описанную помянутыми лицами. Такъ возражаютъ новые изслѣдователи,—и намъ кажется—слабо. Вопросы—еще не доказательства, восклицанія—не свидѣтельства; умолчаніе книги Паралипоменонъ о томъ, на помѣщенную ли въ нашихъ книгахъ Царствъ исторію Давида, описанную Наѳаномъ, Гадомъ и Самуиломъ—указываетъ книга Паралипоменонъ—не опора.—Изъ указаннаго мѣста книги Паралипоменонъ видно, что Самуилъ дѣйствительно писалъ *исторію Давида*, *равно* Наѳанъ и Гадъ и—кто же докажетъ, спросимъ мы въ свою очередь, что это не та исторія, которая помѣщена въ нашихъ книгахъ Царствъ? Отрицательнаго отвѣта нельзя дать съ увѣренностію. А если представить, что едва ли кто осмѣлился бы исправлять эту Исторію, написанную однимъ изъ великихъ Пророковъ того періода съ двумя учениками, то перевѣсъ останется на той сторонѣ, что эта исторія, написанная Самуиломъ, Наѳаномъ и Гадомъ, дѣйствительно, та, которая помѣщена въ нашихъ книгахъ Царствъ.—Что многіе изъ цитируемыхъ въ книгахъ Паралипоменонъ источниковъ не дошли до насъ въ ихъ видѣ,—это вовсе не доказательство того, что и исторія Давида, написанная помянутыми лицами, не дошла также до насъ; потому тѣ и не дошли, что писаны были не такими важными лицами, каковы эти великіе Пророки; потому они и могли затеряться, что не пользовались такимъ уваженіемъ, какимъ могли и должны были пользоваться эти.—Значитъ, это основаніе древняго мнѣнія тверже возраженій новѣйшихъ.—Послѣднее основаніе древняго мнѣнія—догадка, что Самуилу, написавшему исторію Давида, нужно было написать исторію и предшествовавшаго ему царя, равно какъ и обстоятельства, предшествовавшія избранію царя, т. е., обстоятельства собственнаго управленія народомъ въ качествѣ Судіи, остается, конечно, догадкою, впрочемъ весьма вѣроятною. Въ самомъ дѣлѣ, и важнѣйшія обстоятельства времени, въ которое происходилъ Государственный переворотъ въ народѣ Еврейскомъ,

и высокое значеніе Самуила въ это время, какъ главнаго дѣйствующаго лица, и, наконецъ, историческая послѣдовательность событій, по которой, написавъ исторію втораго царя, нельзя было не написать и исторію перваго, равно и предшествовшихъ этому перевороту обстоятельствъ, невольно склоняютъ мысль на то, что въ самомъ дѣлѣ Самуилъ описалъ эту исторію. Конечно, нѣтъ положительныхъ данныхъ на то, чтобы эта исторія была именно та, которая содержится въ первой книгѣ Царствъ нашей; но, опять, нѣтъ причинъ и думать, чтобы эта исторія была не та, а соображенія, высказанныя при взглядѣ на предъидущія основанія, опять склоняютъ мысль на то, что едвали бы кто рѣшился исправлять исторію, написанную великимъ Пророкомъ,—и сдѣлаютъ вѣроятною догадку, что эта исторія и есть именно помѣщенная въ нашей книгѣ Царствъ, и что, слѣдовательно, дѣйствительно первыя 24-ре главы—до сказанія о смерти Самуила,—написаны самимъ Самуиломъ, а все остальное—до конца второй книги—есть произведеніе Наѳана и Гада.—Не потому ли, замѣтимъ здѣсь, въ этихъ двухъ первыхъ книгахъ Царствъ не встрѣчается такихъ указаній на источники, изъ которыхъ почерпали писатели свои свѣдѣнія, какія находятся въ двухъ остальныхъ книгахъ Царствъ и книгахъ Паралипоменонъ,—не потому ли, что имъ не на что было ссылаться, что они первые описали это время, что они сами первоисточники, на которые и ссылается книга Паралипоменонъ. Положительный отвѣтъ не лишенъ вѣроятности.

Но противъ этого древняго мнѣнія о писателяхъ первыхъ книгъ царствъ говорятъ еще слѣдующее: а) Характеръ и слогъ обѣихъ книгъ царствъ указываетъ на одно лице, писавшее эти книги. Но характеромъ и слогомъ книгъ доказывать единство ихъ писателя вообще довольно трудно и опасно и—къ этому доказательству можно прибѣгать лишь въ случаяхъ безспорной очевидности, а въ случаѣ спора тотчасъ же можно вдаться въ крайности. Вѣдь доказываютъ же единствомъ слога единство писателя всѣхъ четырехъ книгъ Царствъ, и—однакожъ тѣмъ же аргументомъ, только съ противной стороны, доказываютъ различіе писателей тѣхъ и другихъ книгъ и—такіе же ученые, какъ и ихъ противники. И опять—различіемъ слога въ первой и второй книгахъ Царствъ доказываютъ различіе ихъ писателей. Вообще, это доказательство лишь относительное, доказательство при другихъ и—въ ряду доказательствъ первое мѣсто ему принадлежать не можетъ.

Доказанному оно придаетъ силу; но въ основаніе доказательствъ его ставить нельзя, особенно въ историческихъ книгахъ, древнихъ Библейскихъ; онѣ всѣ проникнуты однимъ духомъ, однимъ характеромъ; онѣ всѣ писаны по одному методу древней священной исторіографіи; одинаковость словъ и фразъ, равно какъ и неодинаковость, здѣсь имѣютъ мало силы доказательности: и одинъ писатель можетъ употреблять въ извѣстныхъ случаяхъ различные обороты и многіе писатели могутъ любить одни и тѣже фразы. И когда есть болѣе сильныя доказательства на то, что книги имѣютъ различныхъ писателей, то этотъ аргументъ отъ слога мало силенъ противъ этихъ доказательствъ; онъ, говоримъ, имѣетъ силу лишь при сильныхъ другихъ, или при безспорной очевидности. Итакъ, нужно обратиться къ этимъ другимъ. б) Въ отдѣленіи, которое мы приписываемъ Самуилу, иногда употребляется выраженіе *Іуда* и *Израиль*, когда говорится о народѣ Еврейскомъ вообще; этимъ, говорятъ, показывается, что Писатель жилъ послѣ раздѣленія народа Еврейскаго на два царства (1 Цар. 17, 52. 18, 16). Но мы уже замѣчали, что такое раздѣленіе народа восходитъ даже до временъ Навина и Моисея и, слѣдовательно, возраженіе не имѣетъ силы. Далѣе говорятъ, что въ этомъ отдѣленіи употребляется выраженіе *до сего дне*, показывающее отдаленность по времени писателя отъ описываемыхъ событій (5, 5. 6, 18. 7. 12), потомъ, что онъ нѣкоторые обычаи старается объяснять своимъ читателямъ (9, 9). Но противъ возраженія, заимствованнаго изъ выраженія „до дне сего“ — повторимъ, что несправедливо думать, будто св. писатели—очевидцы записывали событія непосредственно послѣ того, какъ они случились; иначе не было бы даже выраженія—„до дне сего“; если же такъ: то самъ Самуилъ въ послѣднее время своей жизни могъ сказать, что жрецы Дагоновы, по случаю казни надъ ихъ богомъ отъ ковчега завѣта, случившейся еще при Иліи, не входятъ во храмъ бога своего *даже до дне сего*,—что кивотъ завѣта, съ тѣхъ поръ, какъ возвращенъ Филистимлянамъ, находится на селѣ Озіи *даже до дне сего*, и пр.,—объясненіе же обычаевъ устарѣвшихъ ничего не говоритъ въ пользу мнѣнія о позднѣйшемъ описываемыхъ событій вѣкѣ писателя, и Самуилъ во всякое время могъ сказать, что прежде было такъ, а теперь такъ, потому что это выраженіе—*прежде* выраженіе неопредѣленное; можетъ быть, такъ было во времена Моисея и Навина и—будто писатель книги Самуилъ не долженъ былъ

употреблять этого выраженія и объяснить, какъ было прежде?— Наконецъ, снося сходныя мѣста изъ первыхъ двухъ книгъ Царствъ и книги Паралипоменонъ, выводятъ отсюда заключеніе, что писатели тѣхъ и другихъ книгъ пользовались одними и тѣми источниками; слѣдовательно, первыя книги Царствъ не принадлежали тѣмъ лицамъ, которымъ приписываетъ ихъ древнее мнѣніе, а позднѣйшему писателю. Но можно еще спросить,—справедливо ли заключеніе, что они пользовались одними и тѣми же источниками?—Не объясняется ли это сходство тѣмъ, что писатель книги Паралипоменонъ заимствовалъ многое отъ слова до слова изъ нашихъ книгъ Царствъ?—Скажутъ, что такое заимствованіе и повтореніе безцѣльно? Но не все ли равно, если писатель Паралипоменонъ пользовался тѣми же источниками, какими и писатель первыхъ книгъ Царствъ,—безцѣльно было заимствовать первому изъ нихъ то, что уже было у послѣдняго? ибо, по свидѣтельству общему, съ которымъ согласны и сами возражающіе, книги Царствъ первыя явились раньше, чѣмъ книги Паралипоменонъ.—Послѣ всего этого, намъ кажется, что древнее мнѣніе, по которому писатель первой книги Царствъ до 24-й гл.—Самуилъ, а прочее—до конца второй книги принадлежитъ Наѳану и Гаду, болѣе, чѣмъ вѣроятно; по крайней мѣрѣ, противъ него нельзя сказать ничего основательнаго.

Если, какъ мы сказали, древнее мнѣніе о томъ, что писатель первой книги Царствъ до 24-й гл.—Самуилъ, а остальной части этой книги и всей второй—его продолжатели, Пророки Наѳанъ и Гадъ, болѣе, чѣмъ вѣроятно, что противъ него новые изслѣдователи не представили ничего убѣдительнаго, даже сильнаго, да, кажется, и нельзя представить: то вопросъ о достовѣрности описываемыхъ въ нихъ событій,—точно ли такъ они описываются, какъ они происходили,—не можетъ уже имѣть мѣста.—Писатели были очевидцы описываемыхъ ими событій, Пророки, принимавшіе сами дѣятельное участіе въ событіяхъ того времени; достовѣрность ихъ повѣствованій должна стоять выше всякаго сомнѣнія.—Итакъ, намъ остается бросить взглядъ на содержаніе книгъ и способъ повѣствованій потолику, поколику они вводятъ насъ въ характеръ тѣхъ именно временъ, какія въ нихъ изображаются, поколику указываютъ на тѣ отношенія, въ которыхъ было общество Еврейское того времени,—и тѣмъ еще болѣе подтверждаютъ вѣроятность утверждаемаго мнѣнія, и мы только для опыта обозримъ вкратцѣ первую книгу; вторую, гдѣ описывается царствованіе Давида, не нужно даже обозрѣвать для этой цѣли.

Содержаніе разсматриваемыхъ книгъ вообще весьма тѣсно совпадаетъ съ книгами, описывающими судьбы Еврейскаго народа въ предыдущій и послѣдующій періоды, и вводитъ читателя именно въ тѣ отношенія Еврейскаго общества, которыя должны быть по ходу дѣла въ предыдущія и послѣдующія времена. Повѣствованіе здѣсь болѣе, чѣмъ въ предшествующихъ книгахъ, отрѣшилось отъ лѣтописнаго и перешло въ исторію, и—это совершенно понятно, когда писатели жили въ самый важный періодъ развитія Еврейской народности и умственнаго движенія, когда сами событія шли, такъ сказать, систематичнѣе, вытекая замѣтно одно изъ другаго, когда установилась твердая форма правленія, болѣе организовалась жизнь народа, и когда можно было яснѣе увидѣть отношенія его внутренней жизни и выраженіе этихъ отношеній во внѣшнемъ ходѣ обстоятельствъ. Эти книги и показываютъ, какъ Израиль изъ состоянія рабства, въ которомъ держалъ его, въ его же собственной землѣ, небольшой, но полный жизненныхъ силъ, народъ филистимскій, рядомъ непосредственныхъ Божественныхъ дѣйствій достигъ до самостоятельности и утвердился въ ней тѣмъ, что на мѣсто прежней республиканско-теократической формы правленія ввелъ у себя монархически-теократическую. Этотъ переходъ, этотъ политическій кризисъ Еврейскаго народа, которымъ онъ достигъ своей самостоятельности, укрѣпленія и быстраго развитія своихъ жизненныхъ силъ, писатели изображаютъ съ большою обстоятельностію и живостію и—всюду даютъ видѣть важность этой перемѣны, разумѣется, подъ условіемъ, если царь и народъ будутъ держаться закона Іеговы. Это преобразованіе Еврейскаго народнаго правленія было однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ развитія идеи Моисеева законодательства Государственнаго, и потому Самуилу, главному дѣйствующему лицу въ этой перемѣнѣ, нужно было много мудрой осторожности: иначе эта перемѣна могла сопровождаться величайшимъ зломъ для народа—развитіемъ восточнаго деспотизма, который, въ свою очередь, сопровождается умственною и нравственною тупостію народа и какою-то мертвящею и мертвою неподвижностію; а народъ еврейскій назначенъ былъ не къ тому; въ немъ должна была жить и развиваться великая и живая идея Искупленія. Самуилу, говоримъ, много нужно было мудрой осторожности при этой перемѣнѣ правленія, когда нужно было согласить монархію съ теократіей, и это великое дѣло Великаго Пророка изображено въ книгѣ съ

указаніемъ всей его важности.—Эту перемѣну производитъ человѣкъ, котораго самое рожденіе чудное предназначало къ великимъ дѣламъ: онъ испрошенъ у Бога пламенною молитвою матери, и рожденіе его привѣтствовано пламенной благодарственною пѣснію; съ юныхъ лѣтъ, безъ его вѣдома, посвященъ Богу и—въ раннемъ возрастѣ удостоивается Божественныхъ откровеній и призванія быть великимъ дѣятелемъ въ Еврейскомъ народѣ.—То было такое время, когда нуженъ былъ Израилю великій человѣкъ, который бы, ставъ во главѣ управленія, произвелъ переворотъ во внутреннемъ и внѣшнемъ бытѣ Израиля: ибо онъ былъ сильно испорченъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи и слабъ, и униженъ. Это уже ясно видно изъ словъ Бога къ Самуилу: „вотъ я скоро сдѣлаю въ Израилѣ нѣчто такое, яко всякому слышащему сія пошумитъ во обоихъ ушесѣхъ его“ (1 Цар. 3. 11).—Такія слова Богъ изрекалъ лишь тогда, когда намѣренъ былъ казнить народъ за его нечестіе и безпутство (4 Цар. 21, 12. Іерем. 19, 3).—И въ самомъ дѣлѣ, эта крайняя порча народа и его нравственное паденіе не замедлили выразиться очень полно во время войны съ филистимлянами, когда принесли въ лагерь ковчегъ завѣта, какъ будто насильно хотѣли заставить Іегову помогать имъ, когда Ему не благоугодно дѣлать этого за нечестіе Израиля. Слабый первосвященникъ Илій согласился на безумное требованіе народа и еще болѣе увеличилъ свою виновность предъ Богомъ, которая и такъ уже возбуждала страшные угрозы: *воздвигну на Илія*, говоритъ Іегова, *вся елика глаголахъ на домъ его, начну и скончаю; не очистится неправда дому Иліина въ кадилахъ и жертвахъ его до вѣка.*—Таковъ, по суду правды Божіей, былъ глава, Судія и Первосвященникъ народа.—Что же сказать о другихъ?—Его непосредственные помощники въ дѣлѣ служенія, дѣти, дѣлали срамъ и соблазнъ, не унимаемые слабымъ отцемъ,—*и бѣ предъ Господемъ грѣхъ отроковъ велій зѣло*; они были, какъ замѣчаетъ Писатель, *сынове погибельніи, не вѣдуще Господа, ни оправданія жреческа предъ людьми всѣми жрущими*, и Іегова говорилъ Самуилу: *отмщу азъ на домъ его*, т. е., Илія, *до вѣка въ неправдахъ сыновъ его, о нихъ же вѣдяше, яко злословиста Бога сынове его и не наказа ихъ* (1. 3, 12). Къ Еврейскому народу тогдашнему можно было приложить слова пророка: *отъ ногъ даже до главы*, отъ самыхъ послѣднихъ изъ народа до Судіи и Первосвященника, *нѣсть въ немъ цѣлости.* Нуженъ былъ, значитъ, человѣкъ,

который бы произвелъ коренной переворотъ въ народѣ и—такимъ явился Самуилъ; отъ этого получаютъ достовѣрность всѣ сказанія о чудесномъ его рожденіи и воспитаніи; ихъ требовала историческая необходимость, чтобы народъ могъ довѣрять великому Судіи. Самуилъ управляетъ народомъ съ судомъ и правдою, такъ что народъ впослѣдствіи не имѣлъ ничего сказать противъ него. Но при старости его, дѣти его, которымъ онъ ввѣрилъ управленіе народомъ, не пошли путемъ его, и въ нихъ отразился характеръ дѣтей Иліевыхъ. По всей вѣроятности, уже прежніе безпорядки правительственныхъ лицъ произвели въ народѣ недовѣріе къ этой формѣ правленія, и постоянныя угнетенія сосѣдей выработали въ нихъ идею царства и царя; поведеніе дѣтей Самуила было ближайшимъ поводомъ къ выраженію неудовольствія на Судей и требованію себѣ Царя. Закону не противно было это требованіе; но—это былъ *лукавый глаголъ предъ очима Самуила:* такъ какъ это требованіе означало недовѣріе къ Самуилу и—недовѣріе къ Самому Богу, Который такъ могуче являлъ мышцу свою въ Самуилѣ. Такъ и Богъ принялъ это, когда Самуилъ вопросилъ Его объ этомъ; но требованіе народа было не укротимо. Мудрая осторожность Самуила побуждаетъ его представить невыгоды царской власти, въ тогдашнемъ положеніи его, для предостереженія царей и народа, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но—царь избирается, является въ повѣствованіи другая личность, около которой все группируется, и судьбы которой изображаются до конца первой книги. Это лице въ своей судьбѣ, по необходимой исторической послѣдовательности, ясно показало народу и выгодную, но болѣе и не выгодную сторону перемѣны правленія и оправдало въ глазахъ народа противленіе Самуила и оскорбленіе Бога. Такъ какъ это избраніе было дѣломъ Божіимъ: то въ повѣствованіи оно изображено подробно и съ посторонними обстоятельствами, и въ частныхъ чертахъ этого повѣствованія выражается именно духъ того времени, а не другаго. Въ народѣ мысль о царѣ и царствѣ не могла выработаться вдругъ во всей полнотѣ, и очень естественно, что сначала она движется еще на внѣшности, и вотъ, когда избранный показанъ былъ народу, народъ восхищается лишь его внѣшней красотой и дородностію; въ этомъ фактѣ ясно выразилась, какъ еще не выработана была мысль народа о царствѣ; онъ не думаетъ о способности избраннаго къ правленію, не узнаетъ о его духѣ и характерѣ, а поражается

лишь внѣшнимъ дородствомъ съ шумными кликами: „да живетъ царь!“ Саулъ началъ свое царствованіе блестящими побѣдами надъ врагами; и опытъ не замедлилъ показать, какое зло можетъ происходить, *если* царь будетъ уклоняться отъ требованій Закона Іеговы и будетъ противопоставлять свою царскую власть идеѣ теократіи: по случаю самовольнаго жертвоприношенія и также самовольной пощады царя Амаликскаго, вопреки требованію Божію, Саулъ лишился покровительства Божія, духъ Іеговы оставилъ его и—онъ впалъ въ сильную меланхолію; народъ началъ снова страдать отъ набѣговъ иноплеменничьихъ; царь оказался такъ недостойнымъ царства, что Самуилъ плакалъ о немъ и о народѣ. Такая судьба перваго царя давала понимать Израильтянамъ, что они тогда только могутъ быть спокойны съ своимъ царемъ, когда и тотъ и другой исполняютъ волю Божію; но какъ это трудно, показываетъ примѣръ Саула, который, не смотря на то, что былъ подъ непосредственнымъ водительствомъ великаго Пророка, не смогъ и не сумѣлъ согласить требованій монархіи съ требованіемъ теократіи и былъ однимъ изъ несчастныхъ царей народа Еврейскаго. При жизни еще его оказалось необходимымъ избрать другаго царя, и вотъ начинается ненависть Саула къ своему юному сопернику, описаніе которой составляетъ вторую половину первой книги. Такимъ образомъ, общее содержаніе книги, своимъ отношеніемъ къ предшествующимъ обстоятельствамъ и современнымъ потребностямъ народа, своимъ полнымъ совпаденіемъ съ ними вполнѣ ручается за достовѣрность всего описаннаго въ ней. То же должно сказать и о второй книгѣ, въ которой подробно описываются дѣла Давида; входить въ подробности здѣсь считаемъ излишнимъ.

Та же печать истины лежитъ и на всѣхъ частностяхъ, входящихъ въ предметъ повѣствованія.—Разговоръ Илія съ Анной и Самуиломъ, Саула съ своими рабами и Самуиломъ, Давида съ своими старшими братьями, Сауломъ и Голіаѳомъ, Іонаѳана съ Сауломъ и Давидомъ, Іоава съ Давидомъ и пр., такъ характеристичны для означенныхъ лицъ и въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ они поставлены, что нельзя не признать, что они сообщены именно такъ, какъ происходили.— То же должно сказать о пророческихъ рѣчахъ, содержащихся въ книгѣ, какъ-то: рѣчи неизвѣстнаго пророка къ Илію (2, 27), о рѣчахъ Самуила къ народу, Саулу и Давиду и пр.— Поступки ихъ именно таковы, каковы должны быть поступ-

ки людей, въ ихъ положеніи.—Вообще, всѣ частности—такого рода, что доказывать ихъ полную историческую достовѣрность и подлинность было бы совершенно излишне; они сами говорятъ за себя.

Текстъ разсматриваемыхъ книгъ сохранился чистымъ и имѣетъ мало различныхъ чтеній; болѣе важное отступленіе LXX-ти отъ Еврейскаго текста то, что въ 6-мъ ст. 5-й гл. прибавлена вторая половина стиха; и потомъ еще—въ 13-й гл. 1 ст. сказано, что Саулъ былъ одного года, когда началъ царствовать, вмѣсто того, чтобы сказать 30 лѣтъ; впрочемъ, этотъ стихъ читается различно въ различныхъ переводахъ.—Другія не многія разности не значительны.

V. О третьей и четвертой Книгахъ Царствъ.

Третья и четвертая книги Царствъ, какъ мы упоминали уже, первоначально составляли также одну книгу, какъ и первыя двѣ, подъ назвяніемъ сперва Wehamelech David,—по начальнымъ словамъ книги, потомъ подъ названіемъ Melachim или sepher melachim,—потому что въ нихъ описываются судьбы Еврейскаго народа подъ управленіемъ царей, отъ Соломона до разрушенія царства или до временъ плѣна.—Во времена Оригена и Іеронима Еврейскія рукописи содержали эти книги еще не раздѣленными на двѣ, когда онѣ раздѣлены, не извѣстно; въ печатное изданіе Еврейской Библіи въ первый разъ раздѣленіе было внесено нѣкіимъ Даніиломъ Бомбергомъ,—около половины 16 в.

О цѣли и характерѣ послѣднихъ двухъ книгъ Царствъ между историками и экзегетами появлялись мнѣнія, по видимому, правдоподобныя, но на самомъ дѣлѣ неправильныя и одностороннія, бросающія ложный свѣтъ на изображеніе исторіи въ книгахъ Царствъ, а потому требующія разсмотрѣнія.—Одинъ изъ очень уважаемыхъ Западныхъ писателей, дѣлаетъ такой отзывъ о цѣли и характерѣ этихъ книгъ: „всякій внимательный читатель не можетъ не замѣтить, что главный предметъ этихъ книгъ составляетъ повѣствованіе о чрезвычайной дѣятельности Пророковъ въ Еврейскомъ Государствѣ и ихъ чудесахъ“.—По этому взгляду, писатель не имѣетъ въ виду представить повозможности полную политическую исторію Еврейскаго Царства въ избранный періодъ, а потолику лишь допускаетъ ее въ своей книгѣ, поколику она служитъ поясненіемъ дѣятельности Пророковъ въ продолженіе

этого времени;—преемственность и хронологія царей служитъ здѣсь лишь для внѣшней связи.—Другой изъ писателей замѣчаетъ также, что у писателя этихъ книгъ Царствъ очень исключительна точка зрѣнія на свой предметъ, т. е., на исторію царей отъ Соломона до плѣна, что это—исторія Іудейско-Израильскаго царства лишь въ отношеніи къ требованіямъ, дѣламъ, проповѣдямъ и пророчествамъ Пророковъ, начиная отъ Соломона до временъ плѣна,—т. е., это не полная исторія, а одна лишь сторона ея, исторія религіи, съ которой соединяется политическая исторія лишь для внѣшней связи.—Вслѣдствіе того, толкователи, держащіеся этого мнѣнія, обозначаютъ общій характеръ этихъ книгъ, какъ пророческо-дидактическій, по которому они представляютъ отнюдь не внѣшнюю политическую и не внутреннюю—религіозную и церковную жизнь народа, но изображеніе Пророческой дѣятельности, въ ея отношеніи къ царской.—Въ раскрытіи этого взгляда толкователи высказали много частныхъ мыслей, вѣрныхъ и глубокихъ, проливающихъ много свѣта на исторію; но однако этотъ общій взглядъ остается невѣренъ; основная мысль писателя, его цѣль и характеръ книгъ неправильно поняты, односторонне раскрыты и оцѣнены невѣрно.—Не пророческо-дидактическую цѣль, въ ея различіи и особенности отъ всеобщей исторической цѣли, преслѣдуетъ писатель книгъ, и хронологическій порядокъ царей не составляетъ лишь внѣшней связи, на которой держится главное содержаніе книгъ и которая потому составляетъ болѣе формальное, чѣмъ матеріальное единство книгъ.—Нѣтъ, передаточнымъ пунктомъ всѣхъ повѣствованій, содержащихся въ этихъ книгахъ служитъ собственно исторія царей, изображеніе какъ времени продолженія и духа ихъ правленія, такъ и ихъ дѣлъ, имѣющихъ такое или иное вліяніе на развитіе теократическаго правленія, такое или другое значеніе для народа относительно исполненія имъ закона Іеговы и вообще его отношеній къ Нему; при этомъ и повѣствованія о духовной, религіозной дѣятельности Пророковъ представляются не какъ чисто внѣшнія, со стороны привзошедшія и съ особенной цѣлію помѣщаемыя, въ ущербъ исторіи политической, и съ другой стороны не какъ подчиненныя этому политическому воззрѣнію, но совершенно наравнѣ съ нимъ и притомъ въ тѣснѣйшей связи, какъ изображеніе духа, оживляющаго это политическое тѣло, безъ котораго оно было бы мертво и безъ котораго его дѣйствія и судьбы не были бы историче-

скими дѣйствіями и судьбами; потому что не имѣли бы никакого значенія въ раскрытіи исторической цѣли народа Божія. Какъ не видимый, но единый истинный Царь теократическаго Еврейскаго царства, Іегова имѣлъ въ Пророкахъ видимыхъ, живыхъ органовъ Своей воли и закона, и они, во имя Іеговы, требовали отъ царей и народа осуществленія этого закона, сообразности ихъ дѣйствій съ требованіями его, научая, вразумляя, осуждая, восхваляя и предостерегая, и—будучи, такимъ образомъ, олицетвореніемъ закона, были, значитъ, душею общественной религіозной жизни народа Еврейскаго. Значитъ, исторія ихъ по необходимости должна входить въ общую исторію народа Еврейскаго, какъ необходимая и притомъ весьма значительная ея часть, особенно, когда народъ и цари уклонялись отъ своего назначенія, и эти многочисленныя повѣствованія о дѣятельности пророческой вовсе не показываютъ, чтобы ея изображенія шли въ ущербъ политической исторіи изъ какихъ-либо частныхъ цѣлей Пророковъ. Вотъ почему мы видимъ, что, какъ скоро возсѣдаетъ на тронѣ Еврейскомъ царь благочестивый, исполняющій строго законы теократическаго царства, Пророки являются дѣйствующими, какъ помощники лишь въ трудныя и важнѣйшія минуты Государственной жизни; а напротивъ, при царяхъ, уклоняющихся отъ своего Бога во слѣдъ боговъ иныхъ, не исполняющихъ закона и противящихся Іеговѣ, они являютъ все свое величіе и Божественную силу, и какъ посланники Божіи, съ такою силою и энергіею противустоятъ царямъ, что эти послѣдніе или должны повиноваться имъ или же преслѣдовать, при чемъ само собою является много историческихъ событій, требующихъ записи. Такимъ образомъ, писатель разсматриваемыхъ книгъ дѣлаетъ иногда главнымъ предметомъ цѣлыхъ большихъ отдѣленій дѣятельность Пророковъ не вслѣдствіе напередъ придуманной пророческо-дидактической цѣли и не въ ущербъ политической исторіи Еврейскаго царства, а потому, что онъ пишетъ исторію теократическаго царства въ тотъ періодъ ея развитія, когда дѣятельность Пророковъ имѣла на нее и должна была имѣть дѣйствительно огромное вліяніе, когда Пророки, наравнѣ съ царями, были главными дѣйствующими лицами этого времени. Если бы онъ имѣлъ въ виду подчинять политическую исторію царей исторіи Пророковъ, поставить первую на второй планъ: то не сообразно было бы съ этой цѣлью такъ подробно изображать царствованіе, напримѣръ, Соломоново, по-

дробно говорить, напримѣръ, о постройкахъ, торговлѣ, богатствѣ этого царя и вообще о его внутренней и внѣшней политикѣ; а онъ какъ будто съ любовію останавливается на этихъ описаніяхъ и—о дѣйствіяхъ Пророковъ въ его царствованіе, особенно въ началѣ, говоритъ не много. Этого одного примѣра достаточно, чтобы снять съ писателя подозрѣніе въ преднамѣренномъ ослабленіи изображеній политическаго быта народа и царей въ пользу изображеній или выставки на-показъ дѣятельности пророческой, и происходящихъ отъ такого подозрѣнія слѣдствій. Изъ безпристрастнаго и добросовѣстнаго изученія этихъ книгъ открывается, что писатель, при своемъ трудѣ, не преслѣдовалъ никакой личной, частной цѣли и судилъ объ исторіи описываемыхъ временъ не по какому либо личному началу, но имѣлъ въ виду единственно показать ходъ развитія теократическаго царства Еврейскаго, въ продолженіе избраннаго имъ періода, какъ онъ совершался, сообразно слову Іеговы, сказанному царю Давиду (2 Цар. 7, 12—16). Это великое обѣтованіе составляетъ главную мысль, которая проникаетъ всю книгу царей отъ Соломона до плѣна; это—руководящая нить во всѣхъ повѣствованіяхъ, какъ Богъ—Іегова, непреложный въ Своихъ обѣтованіяхъ, исполнилъ Свое величественное и утѣшительное обѣтованіе, какъ Онъ сѣмя Давидово, за его отступленія отъ Іеговы—Бога своего, сначала наказывалъ различными бѣдствіями, вразумлялъ, исправлялъ, наконецъ, лишилъ царства и земли своей, но—не на вѣкъ и милости Своей не отставилъ отъ него, вотъ, что писатель имѣлъ въ виду представить въ исторіи царей. Исходя изъ этого основнаго положенія своего историческаго воззрѣнія, онъ, въ исторіи царствованія перваго наслѣдника Давидова, Соломона, показываетъ, какъ онъ, не смотря на покушеніе Адоніи на царскій тронъ, является царемъ всего царства, принадлежащаго его отцу, какъ избранное самимъ Іеговою сѣмя Давида, и потомъ, какъ въ началѣ его царствованія, повторилъ Свое обѣтованіе, подъ условіемъ вѣрнаго сохраненія Его заповѣдей, и, по молитвѣ Соломона, даровалъ ему не только мудрое и смыслящее сердце, но еще такое богатство и честь, какихъ нельзя было найти между всѣми народами земли (3 Цар. 1, 1—5, 14), какъ потомъ Соломонъ, по волѣ Іеговы, изреченной отцу его, устрояетъ храмъ Богу и Господь, по совершеніи этого дѣла, еще разъ повторяетъ Свои обѣтованія и обѣщаетъ исполнить ихъ (5, 15—9, 4. 9); какъ, наконецъ, Соломонъ, послѣ того, какъ достигъ высшей

степени своей земной славы и величія, забылъ своего Бога— Іегову, даровавшаго ему все это, предался роскоши и сладострастію и до того разгнѣвалъ Бога, что Онъ произнесъ ему печальный и грозный приговоръ (9, 10—11, 9. 13). Со времени исполненія этого приговора при Іеровоамѣ, начинается изображеніе втораго періода Еврейскаго царства, въ которомъ царство Еврейское дѣлится на два; подлѣ колѣнъ Іудина и Веніаминова, оставшихся вѣрными потомкамъ Давида и составившихъ царство Іудино, является, какъ самостоятельное, царство Израильское изъ 10 колѣнъ, изображеніе, въ основаніи котораго лежитъ то же начало и, слѣдовательно, та же цѣль. Въ этомъ періодѣ исторія царства Израильскаго излагается съ большею подробностію, чѣмъ исторія царства Іудейскаго и яснѣе выставляется усиленная дѣятельность Пророковъ, это потому, что исторія перваго представляла для теократическаго исторіографа болѣе матеріи, чѣмъ исторія царства Іудейскаго, и здѣсь требовалась дѣйствительно могучая дѣятельность Пророковъ. Когда совершилось это отдѣленіе 10-ти колѣнъ отъ двухъ прочихъ и образовалось особое царство, когда вновь поставленный надъ ними царь Іеровоамъ, для того, чтобы усилить это политическое раздѣленіе, рѣшился отвлечь народъ отъ храма Іерусалимскаго и ввелъ въ своемъ царствѣ идолопоклонство, устроивъ свои святилища, поставивъ своихъ жрецовъ и учредивъ свои праздники; когда всѣ послѣдующіе за нимъ цари Израильскаго царства продолжали творить грѣхъ его; когда, наконецъ, династія изъ фамиліи Амврія введеніемъ Финикійскаго служенія Ваалу еще болѣе удалила народъ отъ Бога Іеговы; когда, при всемъ этомъ, было величайшее развращеніе нравовъ: тогда естественно было, что Іегова, какъ невидимый царь Своего народа, чрезъ Своихъ видимыхъ, непосредственныхъ служителей, Пророковъ, грозно, съ силою обличалъ народъ, за его отступленіе отъ Него; тогда естественно умножились Пророки и дѣйствовали съ божественною силою и вдохновленною энергіею, обличая и угрожая; тогда естественно было, что Іегова подкрѣплялъ свидѣтелей истины великими чудесами и *силы многія дѣлались ими*, чтобы непослушные не имѣли извиненія въ своихъ грѣхахъ, и ихъ изгнаніе изъ отечества являлось, какъ правый судъ надъ ними Праваго Судіи. Ежели же здѣсь дѣятельность Пророковъ была такъ значительна и усиленна; то естественно, что изображенію ея въ исторіи дано широкое мѣсто; этого требовала важность событій. Го-

раздо менѣе было борьбы истинныхъ представителей теократіи съ царствомъ въ колѣнахъ Іудиномъ и Веніаминовомъ или въ царствѣ Іудейскомъ, особенно въ началѣ по раздѣленіи. Законные преемники и наслѣдники Давидова престола въ царствѣ Іудиномъ хотя и не всегда ходили въ заповѣдяхъ и оправданіяхъ Господнихъ, по примѣру Давида, но ихъ отпаденіе отъ Бога временное не могло такъ легко и такъ сильно, какъ въ царствѣ Израильскомъ, поколебать основоположенія теократическаго царства, крѣпкую опору для которыхъ народъ находилъ въ законномъ левіиномъ священствѣ и храмовомъ Богослуженіи въ Іерусалимѣ. Этою, всю жизнь народа и Государства проникающею духовною силою, сами богоотступные цари были иногда приводимы къ закону и оправданіямъ Господнимъ, такъ что послѣ какого-либо неблагочестиваго царя вдругъ является на тронѣ царь благочестивый богобоязненный, ревнующій объ исполненіи Божественнаго закона его подданными. Исторія царства Іудейскаго имѣла поэтому болѣе спокойный ходъ и здѣсь было менѣе, чѣмъ въ царствѣ Израильскомъ, нужды въ Пророкахъ, и ихъ здѣсь менѣе; очень естественно, что о нихъ здѣсь и повѣствуется короче. Когда же случались важныя происшествія въ царствѣ Іудейскомъ, тогда писатель останавливается на нихъ и описываетъ ихъ съ неменьшею подробностію, какъ и событія Израильскаго царства (4 Цар. 11, 12 и 16). Ежели, при чтеніи этихъ книгъ, по временамъ и кажется, что писатель отдаетъ преимущество Израильской Исторіи предъ Іудейскою, вслѣдствіе чего Ейхгорнъ дошелъ до неосновательнаго убѣжденія, что исторія царства Іудейскаго содержится здѣсь лишь ради современности: то, однакожъ, это кажущееся преимущество исчезаетъ при внимательномъ и точномъ изслѣдованіи; и только различное отношеніе обоихъ царствъ къ Іеговѣ и закону Его различаетъ воззрѣніе писателя на то и другое царство, въ ихъ исторіи. Іеровоамъ, когда ему возвѣщено было опредѣленіе Божіе о воцареніи его надъ 10-ю колѣнами израильскими, получилъ обѣтованіе, что Господь будетъ съ нимъ, устроитъ домъ его такъ, какъ устроилъ Онъ домъ Давидовъ, и дастъ ему Израиля (3 Цар. 11, 37). Этимъ обѣщано ему и его потомкамъ право царства надъ Израилемъ, доколѣ будетъ продолжаться это царство, а оно не можетъ такъ долго продолжаться, какъ царство Іудино: ибо раздѣленіе должно со временемъ окончиться, почему и не обѣщано ему такого продолженія царства, какъ дому Давидову. Но Іеровоамъ, менѣе

чѣмъ кто-либо даже изъ его преемниковъ, исполнилъ условіе, подъ которымъ обѣщано и даровано ему царство; по восшествіи на престолъ онъ прямо отступилъ отъ Іеговы. Не смотря на то, Богъ щадитъ отступника—царя и отступившія колѣна,—посылаетъ къ нимъ Пророковъ, которые не престаютъ дѣйствовать на царей и народъ во все продолженіе политической самостоятельности этого царства, угрозами и исполненіемъ этихъ угрозъ надъ царями и династіями; набѣгами враговъ и различными наказаніями наказываетъ царство, но и повторяетъ ему Свою милость, ради завѣта Своего съ Авраамомъ, Ісаакомъ и Іаковомъ (4 цар. 13, 23), не хочетъ истребить его и не отвергаетъ отъ лица Своего,—доколѣ не истощается мѣра его милости.—Наконецъ, это царство, не вразумляемое ничѣмъ, погибаетъ и 10-ть колѣнъ отводятся плѣнниками въ Ассирію и Мидію.—Въ царствѣ Іудиномъ дому Давидову обѣщано было престолонаслѣдіе до вѣка; потому Господь, хотя и наказываетъ отступниковъ набѣгами враговъ, но ради раба своего Давида, даетъ царскому дому всегда свѣтильникъ,—такъ что весьма часто появляются на тронѣ и благочестивые цари и Богъ не осуждаетъ рода Давидова на истребленіе (4 Цар. 8, 19. 3 Цар. 15, 4); послѣ царей нечестивыхъ воцаряются истинно благочестивые, которые умоляютъ Бога за себя и за народъ. Но когда, наконецъ, вслѣдствіе продолжительнаго господствованія идолопоклонства при Манассіи, порча народа дошла до крайности, такъ что даже преемникъ его благочестивый Іосія своею ревностію уничтожилъ лишь внѣшнее идолопоклонство, но не достигъ искренняго обращенія народа къ Господу Богу своему,—и Онъ положилъ въ совѣтѣ отвергнуть и Іуду, какъ отвергъ Израиля, и привелъ въ исполненіе это намѣреніе чрезъ Навуходоносора (4 Цар. 23, 26 сл. 24, 3 сл.), который плѣнилъ Іоакима и Седекію, взялъ Іерусалимъ, сожегъ храмъ и разграбилъ все: но племя Давидово не погибло и плѣнный царь Іудейскій Іоахимъ, послѣ 37 лѣтняго плѣна въ Вавилонѣ, сыномъ Навуходоносора, Евильмеродахомъ былъ выведенъ изъ темницы, возвеличенъ и по возможности прославленъ, какъ царь.—Повѣствованіе о такомъ оборотѣ дѣлъ плѣннаго Іоахима, которымъ оканчиваются книги Царствъ, такъ тѣсно соединено съ планомъ и цѣлью писателя, что безъ этого прибавленія не доставало бы заключенія его книгъ: ибо это событіе бросаетъ въ темную ночь плѣна первый лучь отрады и надежды на лучшее будущее, которое возникаетъ для сѣмени Давидова, а

вмѣстѣ съ нимъ и всего народа Іудейскаго послѣ избавленія изъ плѣна.

Изъ этого очерка видно, что общая цѣлъ писателя—та, чтобы изобразить судьбы дома Давидова и народа Еврейскаго и непреложность Божественныхъ обѣтованій въ отношеніи къ нему, а не какая-либо частная, въ родѣ той, которыя насильно отыскиваютъ въ книгахъ, сообразно съ своими предзанятыми мыслями и взглядами.

Вопросъ о времени происхожденія третьей и четвертой книгъ Царствъ, равно какъ и о лицѣ писателя, не можетъ быть рѣшенъ положительно, непререкаемо; въ самой книгѣ нѣтъ прямыхъ данныхъ для безспорнаго рѣшенія ихъ; въ другихъ Библейскихъ книгахъ также нѣтъ; наконецъ, и преданіе неодинаково.—Итакъ, можно дѣлать лишь болѣе или менѣе вѣроятныя догадки, ведущія къ рѣшенію этихъ вопросовъ хотя, и не полвому; остается указать на время написанія, хотя приблизительно, и на лице писавшее, хотя въ общихъ чертахъ.

а) Большая часть древнихъ и новыхъ писателей согласны въ томъ, что обѣ эти книги писаны одною рукою, а не преемственно составлены многими лицами, ведшими записки о ходѣ событій;—изъ этой большей части многіе думаютъ, что они написаны въ одно и то же время. Единство писателя доказываютъ единствомъ плана и основной мысли, которые выполнены строго и неуклонно, не смотря на различіе источниковъ, изъ которыхъ дѣлалъ свои извлеченія писатель и на которыя онъ ссылается, далѣе—одинаковостію способа изложенія событій и единствомъ языка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пишетъ онъ отъ себя.—Отъ начала до конца писатель ссылается тщательно на источники, которыми онъ пользовался, и замѣчаетъ опредѣленно и ясно хронологію событій, особенно важнѣйшихъ.—Переходныя формулы, которыя употребляетъ онъ, когда отъ одного событія переходитъ къ другому, онъ употребляетъ постоянно одни и тѣ же; такъ, начало и конецъ каждаго правленія, его характеристику общую, смерть и погребеніе царей онъ описываетъ одними и тѣми же словами и фразами; выраженія, въ которыхъ онъ ссылается на источники, также вездѣ одинаковы; вообще, во всемъ языкѣ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ дѣлаетъ извлеченія изъ источниковъ, по сознанію знатоковъ этого языка, видно единство и ровность; отъ начала до конца можно замѣчать слѣды позднѣйшаго словоупотребленія и словосочиненія. Это единство плана и

характера, языка и способа представленій разсматриваемыхъ книгъ, признано даже притязательными критиками, изъ коихъ одинъ, чуть ли не самый строгій, дѣлаетъ такой отзывъ; „нигдѣ въ этихъ книгахъ не замѣтно искаженія, позднѣйшихъ вставокъ и слѣдовъ различныхъ писателей“.

б) Къ опредѣленію времени написанія разсматриваемыхъ книгъ помогаютъ нѣсколько слѣдующія данныя въ самыхъ книгахъ. Писатель, какъ мы замѣчали, имѣетъ обыкновеніе ссылаться на другія книги, которыми онъ пользовался при составленіи своей исторіи, и это дѣлаетъ онъ до повѣствованій о царствованіи Іоакима (4 Цар. 24, 5). Изъ этого можно заключить, что для послѣдующей исторіи у него или вовсе не было подъ руками подобныхъ записей, или же, что онъ не имѣлъ въ нихъ нужды, потому что, какъ современникъ, онъ зналъ событія этого времени хорошо и только по своимъ свѣдѣніямъ кратко изложилъ исторію до Евильмеродаха. Далѣе, такъ какъ исторію писатель оканчиваетъ освобожденіемъ царя Іоахима изъ темницы Евильмеродахомъ, а это случилось около 20 л. спустя послѣ разрушенія Іерусалима: то книги написаны уже не раньше этого времени, слѣдовательно, въ плѣнѣ Вавилонскомъ. Нельзя думать, чтобы они написаны были послѣ плѣна: потому что объ этомъ важномъ, радостномъ происшествіи писатель не преминулъ бы упомянуть, тѣмъ болѣе, что это совершенно сообразно было бы съ его цѣлію показать въ исторіи царства Еврейскаго, что Богъ хотя наказывалъ сѣмя Давидово за его грѣхи, но не отвергъ совершенно, а исполнилъ Свое обѣтованіе, дарованное Давиду. Съ этою цѣлью писатель упоминаетъ объ освобожденіи Іоахима, тѣмъ болѣе, говоримъ, онъ упомянулъ бы объ освобожденіи изъ плѣна вообще, если бы писалъ послѣ этого событія.

в) Этимъ опредѣленіемъ времени написанія книгъ опровергается мнѣніе а) тѣхъ, которые считаютъ писателемъ книги одного изъ друговъ Езекіи, при которомъ собирались и составлялись священныя книги, б) мнѣніе тѣхъ, которые почитаютъ писателемъ книгъ Эздру, потому что, какъ мы замѣтили, писатель не преминулъ бы упомянуть о возвращеніи Евреевъ изъ плѣна, когда этого требовала цѣль книги, и не понятно, почему бы онъ окончилъ свою исторію временемъ Евильмеродаха. Остаются за симъ мнѣнія а) тѣхъ, которые считаютъ писателемъ этихъ книгъ пророка Іеремію и б) тѣхъ, которые не указывая прямо на лице писателя, называютъ его просто пророкомъ, жившимъ около времени плѣна Вавилон-

скаго. Перваго мнѣнія держатся еще многіе взъ современныхъ писателей на слѣдующихъ основаніякъ: а) на свидѣтельствѣ Талмуда, въ которомъ прямо говорится, что писатель этихъ книгъ пророкъ Іеремія. Но Талмудъ весьма часто, по изслѣдованіямъ ученыхъ, ошибается въ своихъ показаніяхъ, и его свидѣтельству, безъ другихъ доказательствъ, ввѣряться нельзя; а другихъ свидѣтельствъ Еврейскаго преданія объ этомъ нѣтъ. Итакъ, нужны другія, внутреннія доказательства, которыя бы дали вѣроятность показаніямъ Талмуда. Эти доказательства дѣйствительно отыскиваютъ и указываютъ слѣдующее, почти буквальное сходство 52 гл. пр. Іереміи съ 24 гл. 4 книги Царствъ. Изъ этого сходства заключаютъ, что Іеремія написалъ оба эти мѣста, одно для книги Царствъ, другое для своей книги Пророчествъ, и такъ какъ писатель послѣднихъ двухъ книгъ Царствъ одинъ: то, вѣроятно, онъ и есть Іеремія. Но заключеніе, очевидно, не имѣетъ силы доказательности: еще предстоитъ вопросъ, не собиратель ли пророческихъ рѣчей Іереміи внесъ изъ книги Царствъ эту замѣтку въ книгу Іереміи? или, не изъ одного ли и того же источника почерпнуты были эти извѣстія и внесены однимъ въ книгу Царствъ, а другимъ въ пророчества Іереміины? Притомъ же, и зачѣмъ было пророку въ обѣ книги вписывать почти одинаковое заключеніе? Наконецъ, въ этихъ извѣстіяхъ буквальнаго сходства нѣтъ, чѣмъ подтверждается предположеніе, что оба эти мѣста внесены въ разныя книги изъ одного и того же пространнаго источника, на который часто ссылается писатель книгъ Царствъ. Во всякомъ случаѣ это доказательство само еще требуетъ того, чтобы его доказали, а такихъ доказательствъ нѣтъ. Далѣе указываютъ на сходство къ указаніяхъ книгъ Царствъ и пр. Іереміи на Пятокнижіе Моисеево; но такія указанія встрѣчаются почти у всѣхъ пророковъ.—Какъ сходно, напримѣръ, указываютъ на Пятокнижіе Іезекіиль и Захарія, и —что же изъ этого заключить?—Пророчества всѣхъ пророковъ болѣе или менѣе основываются на Пятокнижіи и ссылаются на него часто буквально. Далѣе говорятъ, что Іеремія точно такъ же, какъ и писатель книгъ Царствъ, часто выставляетъ на видъ избраніе Давидова дома и Іерусалима и благословеніе Іеговы надъ ними и съ особенной любовію останавливается на этомъ (3 Цар. 2, 4. 8, 25. 9, 5. Іер. 33, 17. 13, 13. 17, 25.); но изъ этого опять трудно заключить что-либо въ пользу мнѣнія, потому что на этомъ избраніи долженъ былъ съ отрадою душевною останавливаться всякій Еврей и всякій пророкъ;

при томъ писатель книгъ Царствъ, по времени своей жизни, могъ быть знакомъ съ пророчествами Іереміи,—поразительными, невольно останавливавшими вниманіе, и—этимъ объ*ясняется* все сходство ихъ книгъ.—Вообще, всѣ эти доказательства доказываютъ только то, что Іеремія могъ написать книги Царствъ, потому что время его жизни падаетъ на то время, когда, вѣроятно, написаны были книги Царствъ; но онъ ли написалъ ихъ дѣйствительно,—безпрекословно доказать нельзя. Притомъ, какъ справедливо замѣчаютъ, книги эти написаны не въ Египтѣ, гдѣ жилъ Іеремія, по разрушеніи царства Іудина, а въ Вавилонѣ.—Если же не Іереміею написаны эти книги; то нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ современныхъ ему пророковъ сдѣлалъ это; потому что у Евреевъ только пророки имѣли право издавать священныя книги.

Писатель въ послѣднихъ двухъ книгахъ Царствъ очень часто указываетъ на какія-то не дошедшія до насъ писанія, въ которыхъ содержалась болѣе подробная исторія, чѣмъ какая написана имъ, въ которыхъ первые читатели его могли найти *прочая словеса о дѣлахъ царей Іудейскихъ и Израильскихъ*, т. е., подробнѣйшія сказанія о нихъ, писанія, которыя, значитъ, онъ *зналъ, знали* и его первые читатели, и которыми онъ, по всей вѣроятности, пользовался, какъ показываетъ сходство нѣкоторыхъ повѣствованій его съ повѣствованіями книгъ Паралипоменонъ, писатель которыхъ также ссылается на эти же источники.—Эти цитуемыя писанія, не дошедшія до насъ, слѣдующія: а) *Книга словесъ Соломона* (3 Цар. 11, 41), въ которой описана была подробно исторія царствованія этого царя, всѣ дѣла его и всѣ распоряженія его, б) *Книга словесъ дней царей Израилевыхъ*, въ которой содержалась подробная исторія царей этого царства, какъ они вели войну, какъ царствовали, и вообще всего, что они дѣлали (3 Ц. 14, 19. 15, 31. 22, 39. 4 Ц. 1, 18. 10, 34. 15, 11. 15) и в) *Книга словесъ дней царей Іудиныхъ* или царства Іудина, въ которой подробная содержится исторія царей этого царства, какъ они царствовали, и—всего, что они дѣлали (3 Ц. 14, 29. 15, 7. 4 Ц. 8, 23. 12, 19 и др.).—Эти послѣднія книги цитуются всего 33 раза:—18 первая и 15 послѣдняя, и цитуются постоянно подъ этими заглавіями,—раздѣльно, такъ что ихъ нельзя почитать за одну общую лѣтопись царствъ Іудейскаго и Израильскаго вмѣстѣ, а нужно считать какъ двѣ отдѣльныя одна отъ другой и различныя книги, что со-

гласно и съ древними обычаями—вести особую лѣтопись каждаго царства.—Что это были за книги? Дѣло очевидное, что то были подробныя лѣтописи царей Іудейскаго и Израильскаго царствъ и особенная подробная лѣтопись царства Соломонова.—Но что это были за лѣтописи? Имѣли ли онѣ оффиціальный характеръ, какъ лѣтописи государственныхъ дѣлъ, подобно тѣмъ, какія велись при дворахъ восточныхъ властителей, и велись хронологически и синхронистически, особенно для того назначенными лицами, или то были неоффиціальныя, хотя и извѣстныя въ то время, записи частныхъ лицъ?—Перваго мнѣнія держались и держатся еще нѣкоторые даже нынѣ. Главное основаніе для этого—сходство названія этихъ книгъ съ названіями подобныхъ книгъ у Персовъ и Мидянъ и вообще восточныхъ государственныхъ лѣтописей: ср. Есѳ. 10, 2; потомъ,—что и у Евреевъ, по примѣру прочихъ Восточныхъ царствъ, должны были вестись подобныя лѣтописи, и наконецъ, что писатель книгъ Царствъ указываетъ на нихъ, какъ на общеизвѣстныя, слѣдовательно, общественныя, публичныя, такъ сказать, лѣтописи, а не записки частныхъ лицъ.—Съ перваго взгляда это мнѣніе о цитуемыхъ книгахъ представляется правдоподобнымъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается не вѣрнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ.—Если бы то были государственныя оффиціальныя лѣтописи, записанныя синхронически государственными писцами: то онѣ ни въ какомъ случаѣ не могли быть написаны совершенно въ одномъ духѣ, подъ однимъ чисто теократическимъ воззрѣніемъ на судьбы царей и народа Еврейскаго: потому что не всѣ цари даже въ царствѣ іудейскомъ умѣли и хотѣли помирить монархію и *теократію*,—не всѣ исполняли законъ Іеговы и служили Богу своему, а многіе ходили во слѣдъ боговъ иныхъ и дѣлали лукавое предъ Господомъ и уже, конечно, не потерпѣли бы, чтобы объ ихъ дѣлахъ судили съ точки зрѣнія строгаго закона Іеговы, осуждали какъ дѣла, неугодныя Богу и нечестивыя, и такъ записывали въ оффиціальныя государственныя лѣтописи.—То же, еще съ большею вѣроятностію, дожно сказать о царствѣ Израильскомъ. Да и сами подобные лѣтописцы едва ли могли вѣрно понимать событія, совершающіяся около нихъ, и уже ни въ какомъ случаѣ не могли смотрѣть на нихъ одинаково и судить одинаково; для этого нужно особое призваніе—судить о ходѣ событій историческихъ въ теократическомъ цар-

ствѣ. Потомъ, по этой же самой причинѣ, въ эти оффиціальныя лѣтописи не могли войти повѣствованія о дѣятельности пророковъ, особенно Иліи и Елисея, въ такомъ обширномъ видѣ, какъ то можно предполагать: ибо эта дѣятельность была направлена противъ царей и народа, часто въ совершенное посрамленіе тѣхъ и другаго. Если и могли быть заключены въ лѣтописи повѣствованія о нихъ: то развѣ только въ общихъ чертахъ и о дѣлахъ, касающихся лишь государства, но не частныхъ лицъ, не ихъ домашней жизни, не ихъ распоряженій въ школахъ пророческихъ. Итакъ, если предположить, что и были оффиціальныя государственныя лѣтописи: то на нихъ не могъ вполнѣ ссылаться писатель книгъ Царствъ, ибо они не могли быть вѣрны и полны достаточно для цѣли писателя; нужно въ такомъ случаѣ предположить: или а) что писатель книгъ Царствъ бралъ изъ этихъ государственныхъ записей лишь факты и судилъ объ этихъ фактахъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ какъ они записаны были въ этихъ лѣтописяхъ, влагалъ въ нихъ другой духъ, другой смыслъ, смотрѣлъ на нихъ съ точки зрѣнія истинной теократіи или—закона и далъ другой, свой, истинный и единый смыслъ цѣлой исторіи; но въ такомъ случаѣ онъ не могъ такъ довѣрчиво отсылать читателей, желающихъ подробнѣе знать исторію царей, къ этимъ лѣтописямъ, потому что эти лѣтописи, по духу своему, ложны, если онъ измѣнялъ смыслъ ихъ, отвергнувъ ложный, далъ имъ истинный, и, слѣдовательно, опасно было, не сдѣлавъ о нихъ прямаго отзыва (а такого отзыва нѣтъ), отсылать къ нимъ читателя; а онъ такъ довѣрчиво указываетъ на эти книги, что необходимо заключить, что *пользоваться ими никакой опасности для вѣрности взгляда не было*. Значитъ, не на эти лѣтописи оффиціальныя онъ указываетъ, а на *что-то другое. Или б) при мнѣніи*, что писатель ссылается на эти лѣтописи, необходимо предположить, что *подробныя извѣстія* о дѣятельности пророковъ онъ почерпалъ изъ другихъ источниковъ, потому, какъ мы сказали, что въ этихъ лѣтописяхъ не могло быть подробныхъ повѣствованій объ этой дѣятельности. Но писатель таковыхъ источниковъ не указываетъ; видно, что эти подробныя извѣстія содержались въ тѣхъ же книгахъ, которыми онъ пользовался при повѣствованіи о дѣлахъ царей и къ которымъ отсылаетъ онъ читателя. Слѣдовательно, эти книги не могли быть государственныя лѣтописи, а что-то другое; онѣ, какъ

видно, написаны были въ томъ же духѣ, въ какомъ и наши книги Царствъ, только гораздо подробнѣе, а перваго качества не могли имѣть государственныя лѣтописи. Не надобно опускать при этомъ изъ виду еще того важнаго обстоятельства, что эти „книги словесъ дней Соломона“ и „словесъ дней царей іудейскихъ и израильскихъ“, какъ показываетъ самое заглавіе, были нѣчто уже законченное, цѣлое, однимъ словомъ—книги, а не разрозненныя записи государственныхъ архивовъ были подъ руками у писателя, книги, въ которыхъ непрерывно, въ одной системѣ, съ однимъ духомъ и характеромъ, описывались дѣла и событія, случившіяся въ царствахъ *Іудейскомъ и Израильскомъ, со времени ихъ происхожденія* и до конца. Все это вообще показываетъ, что то были не оффиціальныя государственныя лѣтописи. При этомъ сходство названій ихъ съ названіями государственныхъ лѣтописей Мидійскихъ и Персидскихъ, какъ основаніе противнаго мнѣнія, не имѣетъ уже силы; одно сходство названій не указываетъ на единство предмета, характера и духа сочиненій и можетъ быть объяснено другими обстоятельствами, какъ увидимъ ниже. Догадка, что у Евреевъ, по примѣру другихъ восточныхъ народовъ, должны были вестись государственныя лѣтописи, если и справедлива, то не доказываетъ того, что хотятъ ею доказать, не указываетъ, чтобы этими лѣтописями и пользовался писатель книгъ Царствъ, и, наконецъ, что писатель указываетъ на нихъ, какъ на общеизвѣстныя и публичныя, не свидѣтельствуютъ о томъ, чтобы то были государственныя лѣтописи, такъ какъ общеизвѣстными и публичными могли быть и не государственныя лѣтописи, а просто записки пророковъ о современныхъ событіяхъ. Итакъ, говоримъ, нужно полагать, что поименованныя книги, на которыя ссылается писатель книгъ Царствъ, не были оффиціальныя государственныя записи или лѣтописи. Что же это были за книги? Отвергнувъ на вышесказанныхъ основаніяхъ оффиціальность этихъ лѣтописей, нѣкоторые изъ толкователей составили такое понятіе о цитуемыхъ писателемъ книгахъ, что это были три, а можетъ быть и два только, обширныя историческія сочиненія, изъ коихъ въ одномъ была подробно описана исторія Соломона, въ другомъ—исторія царства Іудейскаго и Израильскаго, сочиненія, составленныя на основаніи оффиціальныхъ лѣтописей неизвѣстнымъ писателемъ, проникнутыя однимъ духомъ, однимъ характеромъ, въ которыхъ вся исторія по-

нимаема была съ точки зрѣнія теократіи или закона, точно такъ, какъ въ нашихъ книгахъ Царствъ, что и даетъ указаніе на этого составителя, какъ на пророка или ученика пророческаго или просто умнаго богобоязненнаго, понимавшаго свою исторію, Еврея. Эти сочиненія были въ употребленіи, почему писатель книги Царствъ и ссылается на нихъ, сочиненія достовѣрныя и съ истиннымъ взглядомъ на дѣло, —почему писатель книгъ Царствъ и ссылается на нихъ безъ опасеній, довѣрчиво, какъ на сочиненія нисколько не вредныя, а напротивъ, полезныя для всякаго, кто хочетъ познакомиться съ исторіею покороче. Только они были слишкомъ обширны и писатель книгъ Царствъ дѣлаетъ изъ нихъ извлеченіе, избирая лишь важнѣйшіе факты, въ которыхъ особенно виденъ ходъ исторіи Еврейскаго народа,—главныя нити, руководящія къ истинному ея пониманію, оставляя менѣе важное, съ чѣмъ читатели могутъ ознакомиться изъ указываемыхъ имъ книгъ.—Можетъ быть, при этомъ, онъ исправилъ и неправильности, которыя могли вкрасться въ эти книги,—и вообще установилъ правильный и ясный взглядъ на исторію тѣхъ временъ.—Если съ этимъ представленіемъ объ упоминаемыхъ книгахъ мы будемъ изслѣдовать книги Царствъ: то не найдемъ въ нихъ никакого основательнаго возраженія противъ него,—даже можно найти подтвержденіе ему: въ 8-й гл. 8 ст. 3-й книги Царствъ говорится, что „носила при кивотѣ завѣта въ храмѣ Соломоновомъ остаются во святомъ святыхъ даже до дне сего“; съ подлиннаго этотъ стихъ читается такъ: „и носила, (на которыхъ переносили ковчегъ завѣта) были такъ длинны, что концы ихъ были видны во святилищѣ; но нынѣ ихъ не видно болѣе и они остаются тамъ даже до сего дня“. Очевидное дѣло, что это не замѣтка хронологическая государственной лѣтописи и—не слова самого писателя послѣднихъ двухъ книгъ Царствъ: потому, что время его жизни, какъ мы сказали, падаетъ на время плѣна, когда храмъ Соломоновъ былъ уже разрушенъ и—носила кивота не могли быть или оставаться во святомъ святыхъ; значитъ, это—слова писателя, который жилъ ранѣе писателя книгъ Царствъ и—послѣ Соломона или, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время его жизни.

Но кто же былъ писатель или писатели этихъ книгъ, на которыя указывается въ книгахъ Царствъ?—Сами книги Царствъ не представляютъ никакихъ данныхъ для рѣшенія этого во-

проса. Но, по снесенію ихъ съ книгами Паралипоменонъ, можно, кажется, разрѣшить его съ большою вѣроятностію.— Хотя писатель книги Паралипоменонъ ссылается большею частію на тѣ же книги, на которыя ссылается и писатель разсматриваемыхъ книгъ Царствъ, однако, не на нихъ только, а указываетъ на новыя, о которыхъ не упоминается въ книгахъ Царствъ подъ этимъ заглавіемъ. Такъ, для исторіи Соломона онъ ссылается на писанія Наѳана пророка, Ахіи Силониты и Іоиля видящаго (2 П. 9, 29); для исторіи царей іудейскаго и израильскаго, кромѣ общей „Книги дней словесъ" ихъ, онъ указываетъ еще особенныя пророческія писанія, содержащія изображеніе царствованія того или другаго царя; напр., на подробное описаніе царствованія Ровоамова онъ указываетъ" въ словесѣхъ Самеа пророка и Адда провидящаго" (2 П. 12, 15); ссылка на „словеса Адда" есть при описаніи царствованія Авіи (13, 22); исторію Іосафата Іудейскаго подробно описалъ, по указанію книги Паралипоменонъ, пророкъ Іиуй, при чемъ замѣчается, что онъ написалъ книгу царей израилевыхъ (2 П. 20, 34); далѣе—на подробное описаніе царствованія Озіи онъ указываетъ въ писаніяхъ Исаіи, сына Амосова, пророка (2 П. 26, 22); имъ же описано и царствованіе Езекіи (32, 32); царствованіе Манасіи, по его же указанію, подробно описано въ „книгахъ провидящихъ„(—33, 18. 19.).—Отсюда видно, что различныя царствованія были описаны различными пророками, современниками описываемыхъ ими событій, и сколько можно заключать изъ сходныхъ мѣстъ книгъ Паралипоменонъ съ книгами Царствъ, эти записки весьма сходны съ книгами царей іудиныхъ и израилевыхъ, на которыя ссылается писатель послѣднихъ двухъ книгъ Царствъ.—Книга словесъ Соломоновыхъ так же весьма походила на цитуемыя писателемъ Паралипоменонъ рѣчи Наѳана пророка и Ахіи Силониты и Адды провидящаго, какъ это можно заключать изъ сходства описаній царствованія Соломона въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ, изъ коихъ одни—указываютъ на первый источникъ, а другіе на послѣдній.—Что эти записки пророковъ были сходны съ книгами словесъ царей іудиныхъ и израилевыхъ, это видно еще изъ того, что и тѣ мѣста книги Паралипоменонъ, гдѣ цитуются одни лишь эти записки пророковъ, а не книги словесъ царей іудиныхъ и израилевыхъ, весьма сходны съ тѣми мѣстами книги Царствъ, гдѣ описываются тѣ же происшествія,

съ указаніемъ, какъ на источникъ, на книги словесъ царей іудейскихъ и израильскихъ.—Изъ всего этого сопоставленія можно съ большою вѣроятностію заключить, что книги, на которыя указываетъ писатель послѣднихъ двухъ книгъ Царствъ, какъ на болѣе подробные источники для изученія Царствъ іудейскаго и израильскаго со временъ Соломона до плѣна вавилонскаго, были не государственныя оффиціальныя лѣтописи государственнаго архива, а записи, веденныя различными пророками—современниками царей, и описываемыхъ ими событій,—или, по крайней, мѣрѣ, книги, написанныя, подъ вліяніемъ пророковъ, учениками, пророческими, преемственно и составившія цѣлыя книги подъ тѣми заглавіями, подъ которыми цитуетъ ихъ писатель книгъ Царствъ,—записи хорошо извѣстныя современникамъ.—Этотъ, изъ прямыхъ показаній книгъ Паралипоменонъ выведенный, результатъ вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру теократической исторіографіи и соотвѣтствуетъ отношенію писателя книгъ Царствъ къ этимъ источникамъ.

При той великой важности, какую необходимо имѣетъ представленная сообразно духу теократическаго царства и подъ теократическимъ воззрѣніемъ исторія народа Божія не только для настоящаго, современнаго описываемымъ событіямъ общества, но и для будущаго, для слѣдующихъ поколѣній,—пророки, которые въ своихъ рѣчахъ къ народу не только представляли законъ, какъ норму дѣятельности, но указывали и на исторію древности или въ примѣръ для подражанія, или въ предостереженіе, должны были считать обязанностію своего призванія и назначенія написаніе истинной исторіи своихъ или прежнихъ временъ, или вести записи происходящихъ въ ихъ времена событій, особенно, когда число ихъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, умножилось, и когда усилились пророческія школы, въ которыхъ, конечно, ученики пророческіе упражняясь въ законѣ,—не могли не обращать вниманія на современныя событія.—Это явленіе мы дѣйствительно и видимъ въ показаніяхъ книгъ Паралипоменонъ.—Какъ пророки, посланники Божіи или ученики пророческіе, состоявшіе подъ вліяніемъ великихъ пророковъ, они, конечно, не могли смотрѣть на современныя происшествія такъ, какъ угодно было какому-либо царю,—смотрѣли на все съ точки зрѣнія закона, въ отношеніи ихъ къ истинной теократіи,—понимали смыслъ и значеніе каждаго важнаго событія и—такъ помѣчали въ своихъ записяхъ; слѣдовательно, они долж-

ны были быть написаны въ одномъ духѣ, не смотря на различіе лицъ писавшихъ и на продолженіе времени, въ которое велись эти записи, и, значитъ, нисколько не были опасны для благочестивыхъ читателей, а даже были полезны, такъ какъ въ нихъ описывались происшествія съ истинной оцѣнкою ихъ.—И вотъ объясненіе того явленія, что писатель книгъ Царствъ такъ довѣрчиво указываетъ на нихъ своимъ читателямъ, если бы имъ захотѣлось подробнѣе узнать исторію народа Божія, онѣ—эти книги—написаны были въ томъ же духѣ, съ тѣмъ же истиннымъ взглядомъ на событія, какъ и тѣ книги, писатель которыхъ ссылается на нихъ.—Эти записи могли составить одну или двѣ книги непрерывной исторіи царствъ Іудейскаго и Израильскаго, до конца ихъ существованія въ плѣнѣ, потому что ни въ какое время изъ этого періода мы не видимъ оскудѣнія пророковъ ни въ томъ, ни въ другомъ царствѣ; ихъ было всегда довольно много и, значитъ, они могли, продолжая одинъ дѣло другаго—записывая современное, составить одну непрерывную исторію Еврейскаго царства, начиная съ Соломона и кончая временемъ плѣна Вавилонскаго.—При такомъ представленіи о цитуемыхъ книгахъ, какъ о непрерывной цѣпи записей пророковъ или учениковъ пророческихъ, нѣтъ нужды думать, что будто кто либо одинъ изъ пророковъ или учениковъ пророческихъ изъ общественныхъ государственныхъ записей составилъ „книги словесъ Соломона“ и „словесъ царей іудейскихъ и Израильскихъ“, на которыя указываютъ книги царствъ, такъ что объ этихъ событіяхъ онъ зналъ изъ вторыхъ устъ или рукъ, т. е., при посредствѣ позднѣйшаго составителя этихъ книгъ; напротивъ, онъ зналъ объ нихъ изъ первыхъ устъ,—изъ записей пророковъ—непосредственныхъ свидѣтелей и описателей совершавшихся въ ихъ время событій,—пророковъ, которые понимали ихъ вѣрно и передали истинно.

Противъ вѣроятности этого мнѣнія о цитуемыхъ писателемъ книгъ Царствъ писаніяхъ, какъ о современныхъ записяхъ пророковъ или учениковъ пророческихъ, веденныхъ преемственно и составившихъ, съ теченіемъ времени, нѣсколько книгъ законченныхъ, цѣлыхъ, съ однимъ духомъ и характеромъ,—можно сдѣлать лишь одно возраженіе изъ самыхъ книгъ Паралипоменонъ, на показаніяхъ которыхъ, главнымъ образомъ, и основывается это мнѣніе, именно: если эти частныя записи пророковъ, веденныя преемственно - одно и то же, что „книга словесъ дней Соломоновыхъ“ и „книга словесъ дней

царей іудиныхъ и израилевыхъ": то почему писатель книгъ Паралипоменонъ, при описаніи нѣкоторыхъ царствованій, указываетъ лишь на эти частныя записи, какъ на отдѣльныя монографіи, а при нѣкоторыхъ на цѣлыя книги царей іудиныхъ и израилевыхъ и еще при нѣкоторыхъ и на частныя пророческія записи—монографіи и вмѣстѣ книги общія царей іудиныхъ и израилевыхъ? Кажется, какъ будто эти частныя записи, монографіи—не то, что общія книги царей іудиныхъ и израилевыхъ, были что-то другое, различное отъ нихъ; иначе писатель указывалъ бы только на общія книги царей іудиныхъ и израилевыхъ, и для него не было цѣли и повода указывать еще и на монографіи, какъ *отдѣльныя*.—Но это возраженіе представится вовсе не сильнымъ, если обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: а) что пророки и ученики пророческіе, при своихъ занятіяхъ, могли не только преемственно писать лѣтописи, но и составлять частныя монографіи—въ томъ же духѣ, но подробнѣе объ извѣстныхъ царяхъ, болѣе замѣчательныхъ, и, такимъ образомъ, наряду съ преемственною лѣтописью могли являться и частныя монографіи тѣхъ же лицъ и написанныя тѣми же лицами, только подробнѣе; б) послѣдующіе пророки, кромѣ записей о прежнихъ царяхъ прежнихъ пророковъ, могли составлять особыя монографіи о нихъ; эти предположенія дѣлаютъ вѣроятными указанія на нихъ книгъ Паралипоменонъ; в) что если писатель книгъ Паралипоменонъ указываетъ на частныя монографіи: то при этомъ не всегда нужно понимать именно отдѣльную монографію, не заключающуюся въ общей „книгѣ словесъ дней царей іудиныхъ и израилевыхъ"; нѣтъ препятствій думать, что онъ въ этихъ случаяхъ ссылается на эту же книгу, только не означая ея общаго названія, а означая отдѣленіе, написанное тѣмъ или другимъ пророкомъ или ученикомъ пророческимъ, что совершенно все равно для показанія достовѣрности его книгъ; и наконецъ г) что ссылка на частную монографію на ряду и вмѣстѣ съ указаніемъ на „книгу дней словесъ царей іудиныхъ и израилевыхъ" встрѣчается всего одинъ только разъ, что удобно объясняется существованіемъ особой монографіи о царѣ, наряду съ повременною записью о немъ въ лѣтописи, монографіи, написанной или тѣмъ же лицемъ, которое дѣлало запись о немъ и въ общей лѣтописи, или же другимъ.—Итакъ, во всякомъ случаѣ намъ кажется несравненно болѣе достовѣрнымъ то мнѣніе, что цитуемыя писателемъ книгъ Царствъ книги суть лѣтописи современныхъ описываемымъ событіямъ пророковъ, чѣмъ то,

будто это—оффиціальныя государственныя записи, ведшіяся у Евреевъ, по обычаю восточныхъ народовъ, или то, будто эти книги суть извлеченія изъ этихъ лѣтописей, сдѣланныя кѣмъ-либо изъ позднѣйшихъ пророковъ или не однимъ еще и—потомъ послужившія источникомъ для писателя книгъ Царствъ и—руководствомъ къ подробному изученію исторіи для Евреевъ, жившихъ около времени плѣна Вавилонскаго. На вопросъ, куда дѣвались эти лѣтописи, веденныя пророками, отвѣтъ кратокъ: неизвѣстно. Они могли затеряться въ смутныя и тяжелыя времена плѣна Вавилонскаго и—затерялись,—какъ и многое изъ святыни іудейской.

Если и при томъ представленіи о цитуемыхъ писателемъ книгъ Царствъ писаніяхъ, что они были извлеченныя изъ государственныхъ записей лѣтописи царствъ Іудейскаго и Израильскаго, достовѣрность историческая всего, что описано въ нашихъ книгахъ Царствъ, не можетъ подлежать сомнѣнію: то при принимаемомъ нами мнѣніи, что то были лѣтописи, веденныя пророками—очевидцами описываемыхъ ими событій, эта несомнѣнность въ достовѣрности еще болѣе крѣпка.—Если вели эти лѣтописи пророки современники--очевидцы: то нѣтъ сомнѣнія, что событія ими поняты истинно и представлены вѣрно такъ, какъ они были на самомъ дѣлѣ; ихъ достовѣрность обезпечивается совершенно тѣмъ положеніемъ, какое занимали пророки въ теократическомъ Еврейскомъ царствѣ,—какъ посланники невидимаго, но единаго истиннаго и дѣйствительнаго теократическаго царя—Іеговы, какъ органы Его воли, какъ олицетвореніе Его закона въ дѣйствительной жизни.—Если писатель книгъ Царствъ имѣлъ ихъ подъ руками, какъ и его первые читатели: то, значитъ, онъ записалъ событія вѣрно понятыя и вѣрно представленныя.—Достовѣрность его собственныхъ сказаній и выводовъ обезпечивается вполнѣ его ссылками прямыми на эти лѣтописи, которыя у читателей были подъ руками, и—по которымъ, слѣдовательно, можно было повѣрить истинность его сказаній, иначе онъ такъ довѣрчиво не ссылался бы на нихъ.—Какую вѣру въ истинность его сказаній питали его современники и какъ высоко они смотрѣли на его книги,—видно уже весьма ясно изъ того, что лѣтописямъ тѣмъ, на которыя онъ ссылается, допустили мало по малу затеряться. Видно, что одни его книги считали достаточными вполнѣ для уразумѣнія и познанія своей прошедшей исторіи, одного изъ важнѣйшихъ періодовъ въ ея развитіи.—Эта достовѣрность вполнѣ видна изъ

самаго содержанія и способа описанія событій въ этихъ книгахъ.—Съ совершеннымъ безпристрастіемъ и прямотою изображается въ нихъ жизнь, стремленія и поступки царей, съ точки зрѣнія отношеній ихъ къ истинно—теократическому царству и закону Іеговы. Такъ, напримѣръ, объ отпаденіи отъ Бога въ слѣдъ боговъ чужихъ одного изъ величайшихъ и славныхъ царей, Соломона,—о его неблагочестивыхъ наклонностяхъ, стремленіяхъ и дѣлахъ точно такъ же не умолчано, какъ не умолчано и о великихъ, пріятныхъ Богу, дѣлахъ его. Точно также и о прочихъ царяхъ.—О временномъ малодушіи одного изъ величайшихъ пророковъ того времени—Иліи и его боязни угрозъ Іезавели такъ же мало умолчано,—какъ и о его великихъ дѣлахъ, совершенныхъ съ энергіею и силою Божественною, какъ дѣлахъ великаго посланника Божія.—Всюду дышетъ въ этихъ книгахъ духъ чистѣйшей истины, чистѣйшей нравственности,—духъ, который исключаетъ даже возможность подозрѣнія въ недостовѣрности какихъ—либо частныхъ фактовъ.—Войдемъ въ нѣкоторыя подробности, чтобы видѣть, какъ общій характеръ изображенія политическаго и религіознаго состоянія Еврейскаго царства вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, чего можно было ожидать, судя по предыдущему и послѣдующему состоянію Еврейскаго царства, какъ оно изображено въ другихъ книгахъ, описывающихъ предыдущій и послѣдующій періодъ жизни Еврейскаго народа.

При великомъ царѣ Давидѣ, который представляется какъ идеалъ теократическаго царя, который своимъ благочестіемъ соединялъ требованія монархіи и теократіи, былъ вмѣстѣ царемъ—монархомъ и пророкомъ, которому непосредственно открывалась воля Божія (хотя и не всегда), при Давидѣ царство Еврейское вошло въ такія границы, что могло считаться однимъ изъ великихъ государствъ восточныхъ; оно обнимало пространство отъ Средиземнаго моря до Евфрата, отъ Ливана до сѣверной Аравіи,—границы, назначенныя этому царству Іеговою еще чрезъ Моисея и Навина, но до которыхъ оно не простиралось еще до временъ Давида.—Кромѣ того, нѣкоторые народы Аравіи и Сиріи были въ подданствѣ царству Еврейскому; его торговля простиралась далеко.—Соломонъ мудрый въ началѣ своего царствованія сдѣлалъ очень много очень естественно потому, что получилъ царство богатое благоустроенное и ходилъ по пути отца своего Давида; въ его время царство Еврейское было такъ сильно, могуче и

славно, при немъ столько совершено дѣлъ, что неудивительно, если писатель книгъ Царствъ часто повторяетъ, что онъ самъ и его царство стали предметомъ вниманія и удивленія всѣхъ окрестныхъ народовъ. Но непомѣрная роскошь самого царя мало по малу естественно породила въ немъ худыя стремленія и наклонности, которымъ онъ и предался, не обуздывая ихъ и—тѣмъ всталъ въ противорѣчіе съ закономъ и волею Іеговы; на народъ, по скольку до него доходило богатство и роскошь, они имѣли подобное же вліяніе, хотя въ меньшихъ размѣрахъ.—Достовѣрность этого переворота въ жизни царя и царства подтверждается послѣдовавшимъ послѣ смерти этого царя распаденіемъ царства и междоусобной войной.—Большая часть народа—10 колѣнъ—отдѣлилась отъ преемника Соломонова, Ровоама, и поставила себѣ другаго царя, что повлекло за собою, какъ всегда бываетъ при внутреннемъ раздѣленіи одного народа на два царства, кровавыя междоусобныя войны одного царства съ другимъ.—Несравненно меньшее царство Іудино, потому что въ немъ былъ священный городъ, законное левитское служеніе и одна царственная династія изъ дому Давидова, должно было имѣть преимущество предъ царствомъ Израилевымъ, именно большую нравственную крѣпость, единодушіе и преданность своему государю.—Послѣднее не имѣло этихъ преимуществъ и соединенныхъ съ ними выгодъ и было театромъ постоянныхъ войнъ, частію междоусобныхъ необходимыхъ во время и по случаю перемѣнъ царствующихъ династій, что тамъ случалось,—частію со врагами внѣшними, которые пользуются неустройствами государства,—войнъ, которыя естественно препятствовали твердому устройству государственному, можетъ быть, даже не позволяли думать о немъ и держали постоянно государство въ страхѣ и политическомъ разслабленіи.—Оживленная, энергическая дѣятельность пророковъ даже не могла спасти этого, довольно обширнаго царства,—когда оно оторвано было отъ богослужебнаго мѣста, ввело у себя свое богослуженіе, своихъ левитовъ, потомъ—чужое идолопоклонство, порчу нравовъ, когда цари подавали почти всѣ примѣръ идолослуженія и нечестія. Очень естественно, что это царство, хотя и больше и, слѣдовательно, сильнѣе должно было быть царства Іудина, пало раньше его и уничтожилось ассирійскимъ плѣномъ. Но и царство Іудино, не смотря на свои преимущества предъ Израилемъ, уже потому, что оно было мало, должно было испытать много, частію со стороны Ефрем-

лянъ, частію отъ сосѣднихъ народовъ.—И вотъ мы видимъ въ исторіи его, что тѣ самые народы, которые были постоянными врагами его со временъ Моисея, но усмирены въ могучее царствованіе Давида и Соломона, снова подняли свои головы. Идумеи, Моавитяне, Аммонитяне и Филистимляне силятся возстановить свою независимость, даже прежнее вліяніе на Еврейскій народъ. Но не съ этой стороны грозитъ Іудѣ опасность. Ему угрожаютъ болѣе сильные внѣшніе враги—Египтяне и Ассиріане; но и не здѣсь его бѣда.—Все это были бы лишь головни дымящіяся, которыя сами по себѣ не сильны были сожечь царство Іудино, могучее непосредственными дѣйствіями Іеговы, Бога своего.—Но нравственная порча до такой степени вошла въ народъ мало по малу, отступленіе отъ Іеговы и идолопоклонство приняли такіе грозные и страшные размѣры, не смотря на дѣятельность пророковъ, что и Іуду нужно было очистить въ горнилѣ страшныхъ испытаній,—лишить его всего что дорого было сердцу, показать надъ нимъ страшную мышцу Іеговы,—отдать его идолопоклонникамъ, чтобы онъ научился не идолопоклонствовать, и—вотъ является рабъ Іеговы, Навуходоносоръ и—на время прекращается политическая самостоятельность возлюбленнаго Іеговою, но неблагодарнаго и развращеннаго народа Еврейскаго.

Такъ мы встрѣчаемъ оба царства именно въ такихъ политическихъ обстоятельствахъ, какихъ слѣдовало ожидать, въ случаѣ большей или меньшей невѣрности ихъ Іеговѣ своему.—То же должно сказать и о религіозномъ состояніи его въ этотъ періодъ.—Давидово правленіе прекратило почти идолослуженіе и возстановило почтеніе единаго истиннаго Бога; богослужебныя реформы много помогли этому—устроеніемъ храма, котораго потребность живо чувствовалась народомъ; богослуженіе получило болѣе внѣшняго величія и блеска, что необходимо должно было имѣть важное вліяніе на улучшеніе религіознаго состоянія народа;—оно утвердилось и—могло быть потрясено лишь неосторожнымъ обращеніемъ съ идолопоклонническими народами; примѣръ царей самихъ особенно былъ опасенъ въ этомъ случаѣ для народа, и этотъ примѣръ подалъ Соломонъ, устроившій капища для своихъ чужестранокъ—женъ, въ которыхъ былъ и Хамосъ и Молохъ (3 Ц. 11, 3—8).—Съ распаденіемъ царствъ идолопоклонство еще болѣе и сильнѣе начало развиваться въ обоихъ царствахъ, особенно въ Израильскомъ,—до того, наконецъ, развилось, что были примѣры гнуснаго принесенія людей въ жертву (4 Ц. 16, 3), что очень

естественно, когда оно насильно было оторвано отъ Іерусалима и храма. Іегова вразумлялъ народъ свой и бѣдствіями и пророками; но служеніе Молоху, Ваалу, Астартѣ усиливалось,— при внутреннемъ ослабленіи обоихъ царствъ, содѣйствуя, въ свою очередь, этому ослабленію.—Народъ *хромалъ на обѣ плеснѣ и глезнѣ*, какъ выразился великій пророкъ Илія.—И только страшнымъ плѣномъ онъ могъ излѣчиться отъ этой болѣзни,—какъ то и видимъ изъ сказаній въ книгахъ, явившихся послѣ плѣна Вавилонскаго.—Такъ, политическое и религіозное состояніе Евреевъ вводятъ именно въ тѣ времена, которыя изображаются въ книгахъ Царствъ и это совпаденіе обстоятельствъ съ характеромъ того времени ручается за достовѣрность сказаній книгъ Царствъ.

Истина сказаній книгъ Царствъ весьма ясно подтверждается сходствомъ изображеній политическаго и религіознаго состоянія Евреевъ въ этотъ періодъ въ этихъ книгахъ съ изображеніемъ его въ нашихъ пророческихъ книгахъ.—Что пророки Амосъ, Осія, Исаія, Іоиль и Михей говорили о царствахъ Іудейскомъ и Израильскомъ во времена Осіи, Іоаѳама, Ахаза, Езекіи и Манассіи—іудейскихъ и Іеровоама, Захаріи, Менахима, Факея и Озіи израильскихъ,—подтвержденіе тому можно находить въ нашихъ книгахъ Царствъ. Что, далѣе, Наумъ говорилъ объ Ассиріи во времена Езекіи, Софонія объ ней же и объ Іудѣ во времена Іосіи, Аввакумъ—о Халдеяхъ и Авдій объ Идумеянахъ, Іеремія—объ обстоятельствахъ правленія Іосіи, Іоакима, Іоахима и Седекіи,—все это подтверждается или совпадаетъ съ показаніями книгъ Царствъ.—Даже есть почти буквальное сходство многихъ отдѣленій (4 Цар. 18, 13, 17—20, 19; ср. Ис. 36—39).—Въ подробности считаемъ излишнимъ входить здѣсь, тѣмъ болѣе, что противъ достовѣрности и истинности всего содержанія книгъ Царствъ дѣлаютъ мало возраженій, и тѣ основываются не на критическихъ началахъ, а предзанятыхъ ложныхъ мысляхъ о невозможности, напримѣръ, чудесъ, и пр.

Текстъ книгъ Царствъ, сохранившійся до насъ, чистъ и отступленій въ переводѣ LXX-ти немного и не важныя.

VI. О книгахъ Паралипоменонъ.

Двѣ книги, извѣстныя въ нашемъ канонѣ подъ именемъ 1-й и 2-й Паралипоменонъ, составляли у Евреевъ, по свидѣтельствамъ Оригена, Евсевія и Іеронима, одну книгу подъ названіемъ Dibberej hajomim, т. е., словеса дней—дневникъ или лѣтопись. У LXX, а за ними и въ другихъ переводахъ, эта книга является раздѣленною на двѣ и носитъ названіе Паралипоменонъ, поелику онѣ составляютъ какъ бы дополненіе или прибавленіе къ книгамъ Ветхаго Завѣта, особенно историческимъ и нѣчто опущенное въ нихъ онѣ восполняютъ. Названіе этихъ книгъ—„хроники" дано имъ блаженнымъ Іеронимомъ и, какъ удачное, взошло во многія изданія библіи и очень часто употребляется, особенно у нѣмцевъ.— Первыя девять главъ первой книги содержатъ въ себѣ родословныя таблицы праотцевъ, начиная отъ Адама, патріарховъ Еврейскаго народа, потомъ всѣхъ 12 колѣнъ Еврейскихъ, особенно царскаго и священническаго родовъ,—причемъ о нѣкоторыхъ лицахъ и даже цѣлыхъ колѣнахъ есть частныя болѣе или менѣе характеристическія замѣтки; отъ 10-й гл. 1 книги до 10 гл. 2-й книги содержатся подробныя повѣствованія изъ временъ царствованія Давида и Соломона; въ послѣднихъ 27 главахъ писатель описываетъ исторію царства Іудейскаго со включеніемъ немногихъ повѣствованій о царствѣ Израильскомъ; въ концѣ книги у LXX и въ переводахъ, сдѣланныхъ по ихъ переводу, помѣщена „молитва Манассіи, царя іудейскаго, егда плѣненъ держашеся въ Вавилонѣ", каковой молитвы въ еврейскихъ изданіяхъ Библіи не имѣется.

Книги, о которыхъ идетъ рѣчь, по изслѣдованіямъ ученыхъ написаны, отъ начала до конца, однимъ лицомъ: потому что всюду данныя для опредѣленія времени происхожденія этихъ книгъ одинаковы,—все содержаніе ихъ проникается одною цѣлью,—написаны онѣ по одному опредѣленному плану, одинаковымъ языкомъ, всюду одинаковъ способъ описанія событій и веденія родословныхъ таблицъ. О лицѣ самого писателя въ книгахъ этихъ не находится никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, по которымъ бы безпрекословно можно было указать на лице писавшее: изъ самаго характера книги, поскольку въ немъ выражается лице писателя, можно только заключить, что то былъ священникъ или левитъ. Древнее пре-

ланіе называетъ писателемъ Эздру, и это очень можетъ быть, какъ это увидимъ изъ разсмотрѣнія данныхъ, опредѣляющихъ время жизни писателя, и отношеній этихъ книгъ къ книгамъ Эздры.

На время жизни писателя и, слѣдовательно, на время написанія этихъ книгъ есть такія ясныя указанія въ самыхъ книгахъ, которыя не допускаютъ никакого различія въ мнѣніяхъ объ этомъ, развѣ—что при произвольныхъ и натянутыхъ предположеніяхъ. Вторая книга, безъ присоединенной къ ней молитвы Манассіи, заключается повѣствованіемъ о томъ, что персидскій царь Киръ, въ первое лѣто своего царствованія, издалъ указъ о возвращеніи плѣнныхъ Евреевъ въ свою отечественную землю, и возстановленіи Іерусалима вмѣстѣ съ храмомъ. Этотъ заключительный стихъ нельзя считать позднѣйшей прибавкой, потому что онъ тѣсно соединенъ съ предшествующими стихами 20 мъ и 21-мъ; а эти имѣютъ тѣснѣйшее отношеніе ко всему предшествующему повѣствованію. Если же такъ: то въ словахъ: *и пресели оставшихся въ Вавилонъ,* т. е., Навуходоносоръ, *и быша ему и сыномъ его въ рабы даже до царства Мидскаго* (съ подл.—„до тѣхъ поръ, пока настало царство Персидское“) и—потомъ въ послѣдующихъ словахъ: *въ лѣто первое Кира царя персидскаго.... воздвиже Господь духъ Кира* и пр.—содержится ясное указаніе, что писатель разсматриваемыхъ книгъ жилъ и писалъ въ то время, когда великій Корешъ или Киръ, на развалинахъ побѣжденныхъ имъ государствъ, основалъ обширную, и сильную вначалѣ, Персидскую монархію, и когда Евреи подпали подъ власть этой монархіи,—и когда оканчивался тяжелый для Евреевъ плѣнъ Вавилонскій. На это-же время указываютъ и нѣкоторыя частности въ книгахъ. Такъ, напримѣръ, писатель напоминаетъ читателямъ о древнихъ мѣрахъ, чтобы быть понятнымъ: описывая храмъ Соломоновъ и упомянувъ, что долгота его была въ 60 локтей, онъ прибавляетъ—„по древнему размѣру“ (2 П. 3, 3). Это замѣчаніе показываетъ, что древняя мѣра локтя могла придти въ забвеніе или, по крайней мѣрѣ, что была другая мѣра локтя—новая въ употребленіи; вѣроятно, что въ плѣнѣ Вавилонскомъ древняя, отечественная мѣра локтя у Евреевъ замѣнялась другою, Вавилонскою или царскимъ локтемъ, о которомъ упоминаетъ Геродотъ. До плѣна Вавилонскаго у Евреевъ этой мѣры локтя не было, какъ видно и изъ сказаній книги Царствъ, и послѣ, по совершенномъ водвореніи Евре-

евъ въ странѣ своей послѣ плѣна, они опять держались одной прежней мѣры локтя, какъ можно заключать объ этомъ изъ того, что въ книгахъ, написанныхъ въ это время, не упоминается ни о какомъ различіи въ мѣрѣ локтя. Значитъ, эти книги могли быть написаны лишь вскорѣ по возвращеніи Евреевъ изъ плѣна. Еще: писатель упоминаетъ о древнихъ персидскихъ монетахъ и упоминаетъ такъ, что изъ его словъ слѣдуетъ заключить, что его читателямъ первымъ хорошо была извѣстна цѣнность этихъ монетъ, по крайней мѣрѣ такъ же, какъ цѣнность еврейскихъ монетъ. Описывая, сколько собрано было Соломономъ драгоцѣнностей для украшенія храма, онъ, между прочимъ, говоритъ, что адарконовъ или даркемоновъ было 10000 (1 П. 29, 7). Адарконъ—древняя персидская монета, которая не была въ обращеніи у Евреевъ до плѣна вавилонскаго, и о ней не упоминается въ книгахъ Царствъ, не была въ обращеніи и по совершенномъ водвореніи Евреевъ въ своей землѣ послѣ плѣна: ибо объ ней не упоминается нигдѣ еще, кромѣ книгъ Ездры и Нееміи, и, вѣроятно, она замѣнена была вскорѣ еврейскою, потомъ греческою, потомъ римскою монетою. Значитъ, это упоминаніе о персидской монетѣ показываетъ, что книга писана около времени плѣна вавилонскаго, или, лучше, вскорѣ по окончаніи его, когда персидскія монеты были еще въ ходу или, по крайней мѣрѣ, евреи знали ихъ. На это же время указываетъ характеръ языка, какимъ написаны обѣ книги Паралипоменонъ. На чисто Еврейскій языкъ здѣсь замѣтно очень сильное вліяніе Арамейскаго языка, что очень естественно, когда во время плѣна этотъ Арамейскій языкъ измѣнилъ чистоту древняго языка Еврейскаго, мало-по-малу внѣдряясь въ народную рѣчь. Впрочемъ, замѣтно, что писатель силится востановить чистоту древняго Еврейскаго языка, что даетъ поводъ думать, что онъ писалъ свои книги тогда, когда уже окончился плѣнъ и—была настоятельная потребность возстановить все прошедшее, дорогое и славное, въ возможной чистотѣ.—Замѣчаютъ всюду стремленіе писателя—писать полнымъ еврейскимъ діалектомъ, какъ то было въ древности и измѣнялось мало по малу предъ плѣномъ Вавилонскимъ въ сокращенный и пр. и пр.—Далѣе, на это же время указывается въ книгахъ, когда говорится о первыхъ Евреяхъ, возвратившихся изъ плѣна въ Іерусалимъ (17—84).—Если здѣсь повѣствуется, что нѣкоторые Левиты—привратники, которыхъ глава былъ Селлумъ, были даже доселѣ во вратѣхъ царскихъ къ востоку, т. е., содержали

стражу у восточныхъ вратъ храма; если далѣе говорится, что уже на служеніе при храмѣ и при жертвахъ назначены были нѣкоторыя лица: то можно думать, что книга писана тогда, когда при первомъ возвращеніи Евреевъ изъ плѣна сдѣланы были уже нѣкоторыя распоряженія относительно храма и служенія при храмѣ, но—еще малыя распоряженія, такъ какъ мало лицъ служебныхъ упоминается и—не видно еще полнаго устройства чина служенія при храмѣ,—какъ объ этомъ повѣствуется въ книгахъ Ездры и Неемiи.— О Селлумѣ, Акубѣ и Телмонѣ упоминается въ книгахъ Ездры и Неемiи,—у послѣдняго съ прибавленіемъ, что они были во дни Неемiи и Ездры священника и книгочія (12, 26), и если писатель книгъ Паралипоменонъ говоритъ, что они были даже доселѣ: то значитъ, они были современники писателю книгъ, а сей послѣдній—современникъ Неемiи и Ездрѣ (если и не считать его пока писателемъ этихъ книгъ),— слѣдовательно, жилъ при первомъ возвращеніи Евреевъ изъ плѣна.—Къ тому же заключенію приводитъ родословная таблица царствующаго въ Іудеѣ дома Давидова по нисходящей линіи, которую чрезъ Соломона писатель доводитъ до своего времени.—По Еврейскому чтенію, послѣ Іехоніи,—послѣдняго плѣннаго царя, насчитывается только три рода,— именно Федаія съ двумя сыновьями, Зоровавелемъ и Семеемъ, потомъ Зоровавель съ семью сыновьями и дочерью и, наконецъ, Анассія—сынъ Зоровавелевъ съ двумя сыновьями.—Затѣмъ перечисляются имена другихъ потомковъ Давида, между которыми—Хаттъ (3, 16—21 и дал.). Если несомнѣнно, что Хаттъ—тотъ самый, который возратился съ Ездрою изъ плѣна около 450 г. до Р. Хр. (Езд. 8, 2), то послѣдній потомокъ Сеханіи Еліонай долженъ жить не многимъ позже этого времени и—отнюдь не удаляетъ время жизни писателя надолго по возвращеніи изъ плѣна и съ другой стороны не показываетъ, чтобы этотъ конецъ родословной писанъ другою рукою и послѣ уже прибавленъ къ книгѣ.— По этимъ показаніямъ вообще выходитъ, что книги написаны въ первое время по возвращеніи Евреевъ изъ плѣна Вавилонскаго;—но не послѣ,—не около временъ Маккавеевъ, какъ стараются доказать нѣкоторые историки, потому что въ такомъ случаѣ не было бы опущено совсѣмъ изъ вниманія дѣло Маккавеевъ,—по крайней мѣрѣ, было бы упомянуто о нихъ, и съ другой стороны упомянутыя древнія мѣры и монеты не были бы упомянуты въ книгѣ, какъ пришедшія одни въ забвеніе, другія въ полное употребленіе.—Наконецъ,

важную опору для высказаннаго мнѣнія о времени написанія книгъ Паралипоменонъ составляютъ книги Ездры и Неемiи, сравненіе съ которыми указываетъ именно на то же время написанія книгъ Паралипоменонъ, какъ и этихъ послѣднихъ книгъ.—Онѣ написаны совершенно въ томъ же духѣ, съ тою же цѣлію и одинаковымъ языкомъ, указывающимъ на одно время происхожденія ихъ съ книгами Паралипоменонъ, и относятся точно такъ же къ этимъ послѣднимъ, какъ книги Царствъ, послѣднія къ первымъ въ отношеніи къ цѣли и плану.—Если же такъ,—если книги Паралипоменонъ явились въ первое время по возвращеніи Евреевъ изъ плѣна,—въ то время, когда подвизались Ездра и Неемія и были главными участниками въ возстановленіи Іерусалима и храма и вообще всей древности Еврейской: то нѣтъ препятствій считать вѣрнымъ то преданіе, что писателемъ ихъ былъ Ездра.

Намѣренія и побужденія, какія имѣлъ въ виду писатель книгъ Паралипоменонъ, видны изъ самыхъ фактовъ, которые онъ изъ всей исторіи избираетъ и повѣствуетъ, и изъ самаго способа повѣствованій ихъ.—Писатель начинаетъ, по обычаю восточному писать лѣтописи, генеалогіею патріарховъ, прежде и послѣ потопа жившихъ. Потомъ въ частности излагаетъ родословную таблицу колѣна іудина и въ особенности царскаго дома Давидова, которую онъ, по потребностямъ своего времени, именно усилившимся въ плѣнѣ мессіанскимъ ожиданіямъ, доводитъ до своего времени, отыскивая потомковъ ихъ, жившихъ въ разсѣяніи наравнѣ съ другими Евреями. Затѣмъ о колѣнахъ Симеоновомъ, Рувимовомъ, Гадовомъ и Манассiиномъ помѣщено лишь нѣсколько генеалогическихъ замѣтокъ, болѣе подробныя о Левитахъ, еще болѣе подробныя—о колѣнѣ Веніаминовомъ, не многія о колѣнахъ Израильскаго царства; совершенно ничего не говорится только о колѣнахъ Завулоновомъ и Дановомъ.—Эти родословныя доводятся до лицъ, бывшихъ въ плѣнѣ и долженствовавшихъ возвратиться въ свою землю, и вѣроятно, что частію для нихъ и составлены эти таблицы.—Извѣстно, что земля Еврейская была раздѣлена на участки по колѣнамъ, и эти участки были строго разграничены, и колѣна въ этомъ отношеніи обособлены одно отъ другаго.—Теперь, когда вслѣдствіе возвращенія Евреевъ, приступлено было къ возсозданію всего по возможности въ древнемъ видѣ, хотѣли удержать и древнее разграниченіе по колѣнамъ и земли по участкамъ, и эти родословныя таблицы должны были служить, какъ для оста-

вавшихся въ землѣ Іудейской, такъ и для возвратившихся и имѣющихъ еще возвратиться правилами для поселенія въ своей прежней странѣ въ прежнемъ видѣ.—Для этого-то и исчисленъ весь Израиль, какъ выражается писатель книги Паралипоменонъ, т. е., всѣ возвратившіеся изъ плѣна Израильтяне, по родамъ ихъ и по племенамъ ихъ,—чтобы исполнить по возможности постановленія Моисея и Навина о наслѣдіи извѣстными колѣнами Израиля извѣстныхъ земель.—Впрочемъ, эта цѣль едва ли могла быть единственною цѣлью помѣщенія въ книгахъ всѣхъ этихъ родословныхъ таблицъ; можетъ быть, при этомъ была и общая цѣль возстановить чистоту родословій и дать имъ оффиціальный характеръ, такъ какъ при разрушеніи земли Іудейской могли затеряться общественныя родословныя таблицы,—потомъ въ трудныя времена плѣна нѣкоторыя роды могли прекратиться, нѣкоторые смѣшаться,—нѣкоторые имѣть какія-либо притязанія; а извѣстно, что восточные народы вообще и въ частности Евреи тщательно старались соблюдать въ чистотѣ свои родословныя таблицы.—Теперь эти таблицы книги Паралипоменонъ, собранныя, особенно касательно предпослѣднихъ родовъ, изъ книгъ царей Іудиныхъ и Израилевыхъ, и были оффиціальными родословными таблицами, по которымъ каждый могъ повѣрять родъ и свой, и другихъ.—(1 П. 9, 1.).—За родословіями слѣдуютъ сказанія о происшествіяхъ, случившихся въ царствѣ Еврейскомъ со времени смерти перваго Еврейскаго царя Саула. При этомъ писатель обращаетъ вниманіе лишь на болѣе важныя, поелику они болѣе соотвѣтствовали его дидактической цѣли.-Онъ съ любовію останавливается на царяхъ благочестивыхъ, на Давидѣ и Соломонѣ, при которыхъ Израильтяне прожили свои лучшія времена, потомъ на Іосафатѣ, Асѣ, Езекіи и Іосіи.—И здѣсь онъ останавливается по большей части на церковныхъ учрежденіяхъ и обрядахъ, на Давидовскихъ преобразованіяхъ богослужебныхъ обрядовъ и нововведеніяхъ, служащихъ дополненіемъ Моисеевыхъ постановленій и придававшихъ богослуженію особенное благолѣпіе, торжественность и величіе, на Соломоновомъ устроеніи храма и произведенныхъ имъ украшеніяхъ въ богослуженіи и потомъ на преобразованіяхъ церковныхъ введенныхъ другими благочестивыми царями, и вообще онъ болѣе занимается церковными дѣлами, чѣмъ политичаскими и внѣшними, касающимися отношенія къ другимъ народамъ, и даже внутренними государственными.—Потому-то изъ исторіи Давида,

напримѣръ, онъ умалчиваетъ о поступкахъ Давида съ Уріею, кратко упоминаетъ о вѣроломствѣ Авессалома, умалчиваетъ о нѣкоторыхъ войнахъ Давида, мало говоритъ о его послѣднихъ распоряженіяхъ и пр. и пр., кратко о всемъ, что не касается внутреннихъ распоряженій относительно храма, служенія и левитовъ со священниками.—Точно также изъ исторіи царствованія Соломона онъ умалчиваетъ о замыслахъ Адоніи, объ *опалѣ Адоніи*, *Авіаѳара* и Іоава, о новыхъ безпокойствахъ, причиненныхъ Семеемъ, о неблагочестивыхъ стремленіяхъ и дѣлахъ Соломона и о многомъ другомъ, что довольно подробно передается въ книгахъ Царствъ,—но за то подробно описываетъ устройство храма, распоряженія касательно богослуженія.—О беззаконіяхъ царей и царства Іудина отъ Соломона до плѣна онъ также или вовсе не говоритъ, или говоритъ кратко:—идолопоклонства при Ровоамѣ онъ чуть касается; объ идолопоклонствѣ при Авіи и Іоасѣ вовсе умалчиваетъ; на беззаконія Амасіи дѣлаетъ лишь намеки, на развратъ при Іоаѳамѣ указываетъ слегка, а объ Озіи и состояніи при немъ народа не говоритъ нигдѣ ни разу; только подробно описываетъ идолослуженіе при Ахазѣ, но, кажется, для того, чтобы съ большей силой выставить дѣла Езекіи и особенно Іосіи. О царяхъ и царствѣ Израильскомъ онъ почти ничего не говоритъ, потому что здѣсь представляется лишь длинный рядъ царей беззаконныхъ и потому, что это царство, было насильно оторвано отъ Іерусалима и храма, съ его святынею, съ его богослуженіемъ, вообще со всѣмъ, что особенно дорого было и священно для Еврея, выстрадавшаго въ плѣнѣ сознаніе всей святости своихъ религіозныхъ учрежденій, всей важности и силы ихъ. Судя по всему этому, кажется, что писатель, при написаніи книгъ Паралипоменонъ, имѣлъ въ виду представить своимъ современникамъ, возвращавшимся изъ плѣна Вавилонскаго древнія постановленія и предписанія касательно раздѣленія земли и распредѣленія ея участковъ по колѣнамъ и касательно храмовыхъ особенно учрежденій, чтобы возстановить царство Еврейское въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало древле, но съ тѣми нововведеніями, какія были сдѣланы касательно богослуженія и храма послѣдующими благочестивыми царями, при чемъ также нужно было представить оффиціальныя родословныя таблицы, поколику по нимъ многое распредѣлялось въ Еврейскомъ царствѣ.—Особенное вниманіе обращено писателемъ на религіозно-богослужебныя учрежденія,

безъ сомнѣнія, по требованію обстоятельствъ народа при возвращеніи изъ плѣна, для удовлетворенія тѣхъ потребностей, которыя сильно развились въ сознаніи народномъ въ бѣдственныя времена плѣна.—Живя въ своей родной землѣ, народъ какъ будто присмотрѣлся къ религіознымъ учрежденіямъ своимъ, какъ будто заглохло въ немъ чувство къ великой святынѣ своей, не смотря на великолѣпіе и пышность, введенныя въ богослуженіе особенно Давидомъ и Соломономъ; онъ смотритъ на идоловъ и—идолопоклонство ему нравится; начинаетъ онъ хромать на обѣ плеснѣ и глезнѣ, стоя между Іеговою и Вааломъ, но мало по малу склоняется на сторону послѣдняго—идолопоклонство постоянно усиливается, и народъ равнодушно смотритъ на Іерусалимъ и храмъ, съ его святынею и богослуженіемъ. Но совершенно другое происходило въ его сознаніи въ плѣнѣ.—Когда Іерусалимъ былъ взятъ и разрушенъ,—храмъ сожженъ и ограбленъ, по всей землѣ прошли войска съ огнемъ и мечемъ; большая часть народа выселена изъ своей земли, которую самъ Богъ далъ ему въ наслѣдіе и лишилъ ея разгнѣванный нечестіемъ народа,—это должно было произвести страшное впечатлѣніе на сознаніе народное.—Казалось, теперь настал простор его идолопоклонническимъ наклонностямъ и возможность къ полному удовлетворенію ихъ; но не такъ вышло на дѣлѣ: народъ понялъ, что онъ лишился всего, что было свято и дорого его сердцу, и града Сіона, и храма съ его святынею, и даже своей земли,—понялъ, что десница Іеговы высока, что Онъ можетъ наказывать возлюбленный народъ такъ, что у каждаго позвиждетъ во обоихъ ушесѣхъ, и что отъ этой мощной десницы не можетъ спасти его ни Ваалъ, ни Молохъ, что все его благосостояніе зависитъ единственно отъ его вѣрности Іеговѣ, отъ его привязанности къ своей религіи, средоточіе и внѣшнее выраженіе которой было въ Іерусалимѣ съ его великолѣпнымъ храмомъ, благолѣпнымъ богослуженіемъ и торжественными жертвами, и—онъ съ ужасомъ отворотился отъ идоловъ.—Въ его волѣ теперь было предаться всему сладострастію культа Астарты, всему чувственному обаянію идолослуженія, которымъ онъ такъ раздражалъ Іегову въ землѣ своей,—а онъ, сидя при рѣкахъ Вавилонскихъ, плачетъ, вспоминая о Сіонѣ; его просятъ спѣть отечественные гимны на органахъ, музыкою которыхъ сопровождалось Іерусалимское богослуженіе, и онъ считаетъ святотатствомъ пѣть эти священные гимны на чужой землѣ, клянется, что никогда не

забудетъ Іерусалима и, вспоминая о разрушеніи Іерусалима, клянетъ своихъ побѣдителей и поработителей; въ сознаніи его видимо произошелъ крутой поворотъ отъ чужаго, которымъ такъ прельщался, когда былъ на своей землѣ, къ своему родному, съ которымъ такъ равнодушно обращался въ Іерусалимѣ и Іудеѣ.—Этотъ поворотъ, безъ всякаго сомнѣнія, сопровождался единодушіемъ или, лучше, внутреннимъ взаимнымъ окрѣпленіемъ народнаго духа, которое въ свою очередь взаимодѣйствовало на укрѣпленіе его религіознаго возбужденія и развитіе религіозныхъ потребностей.—Теперь можно было ожидать, къ чему прямо обратится народъ, когда блеснетъ ему лучъ надежды на возвращеніе, когда, наконецъ, будетъ изданъ указъ о возвращеніи. Первымъ дѣломъ его было устроить нѣсколько Іерусалимъ и храмъ, и онъ строитъ его, не смотря на всѣ препятствія; потомъ—возстановить богослуженіе по закону Моисееву, по возможности, съ великолѣпіемъ Давидовскихъ и Соломоновскихъ временъ и съ улучшеніями, введенными нѣкоторыми изъ послѣдующихъ царей, и изъ книгъ Ездры и Нееміи мы дѣйствительно видимъ, что то было одною изъ насущныхъ заботъ народа; потомъ уже нужно было позаботиться и о разселеніи возвратившихся изъ плѣна по установленіямъ Моисея и Навина, по колѣнамъ. Писатель книгъ Паралипоменонъ, жившій въ это самое время и удовлетворяетъ этимъ потребностямъ народа, генеалогическими таблицами возвратившихся и подробнымъ описаніемъ дѣлъ царей, начиная съ Давида, относительно Іерусалима, храма и богослуженія, съ краткими изображеніями судебъ Еврейскаго народа, и въ то время, когда онъ не противился Іеговѣ, и —когда онъ разгнѣвлялъ Іегову. Какъ восполненіе этихъ повѣствованій, въ удовлервореніе тѣхъ же потребностей, но съ показаніемъ новыхъ событій по мѣстамъ, въ то же время являются книги Ездры и Нееміи.

Объ источникахъ, которыми пользовался писатель книгъ Паралипоменонъ и къ которымъ онъ часто отсылаетъ читателя, желающаго короче ознакомиться съ Еврейскою исторіею періода царей, мы говорили уже, когда разсматривали и сравнивали указанія на подобные источники въ послѣднихъ двухъ книгахъ Царствъ. Мы сказали, что „книги словесъ дней Соломоновыхъ“ и „книга словесъ дней царей Іудейскихъ и Израильсвихъ“—по вѣроятнѣйшимъ соображеніямъ, не что иное, какъ записи пророковъ или учениковъ пророческихъ, состоявшихъ подъ вліяніемъ пророковъ, записи, веденныя этими

посланниками Божіими, повременно и преемственно въ продолженіе всего періода царей, отъ Соломона до плѣна, и составившія подробную лѣтопись царствъ Іудейскаго и Израильскаго, веденную въ хронологическомъ порядкѣ; частныя же писанія объ извѣстныхъ царяхъ, на которыя указывается въ книгахъ, суть или извлеченія изъ тѣхъ же книгъ царей Іудиныхъ и Израилевыхъ подъ частнымъ заглавіемъ и съ именемъ пророка, вписавшаго ихъ въ книгу царей Іудиныхъ и Израилевыхъ, или же отдѣльныя монографіи царей, написанныя пророками и содержавшія подробнѣйшую исторію извѣстныхъ царей, монографіи, написанныя или тѣми же лицами, которыя записывали событія въ общую лѣтопись, или же другими, жившими послѣ. Вопросъ, пользовался ли писатель, или, по крайней мѣрѣ, имѣлъ подъ рукою наши книги Царствъ, ничто не препятствуетъ рѣшить положительно. На первыя двѣ книги Царствъ ясно указано, когда говорится, что *прочая словеса царя Давида первая и послѣдняя написана суть въ словесѣхъ Самуила видящаго, Наѳана пророка и Гада провидящаго*: ибо, какъ мы сказали прежде, подъ этими словесами не только можно, но даже нужно разумѣть наши первыя двѣ книги Царствъ.—Можно думать, что онъ имѣлъ подъ руками и послѣднія двѣ; по крайней мѣрѣ, нѣтъ препятствій принять эту мысль; между сказаніями книгъ Паралипоменонъ и двухъ послѣднихъ Царствъ есть очень много буквально сходныхъ повѣствованій, и можно думать, что они заимствованы изъ книгъ Царствъ.—Конечно, это сходство можно объяснять и тѣмъ, что писатели тѣхъ и другихъ книгъ пользовались большею частію одними источниками; это можетъ быть и правда; но съ такимъ же правомъ можно утверждать, что писатель послѣднихъ книгъ имѣлъ подъ руками и первыя.—Не напрасны ли бы были эти повторенія изъ книгъ Царствъ?—Но писатель, какъ мы видѣли, имѣетъ въ виду свою цѣль, пишетъ по своему плану, а потому весьма могъ повторять факты извѣстные, даже буквально, если они нужны для его цѣли и если того требуетъ планъ его книги.—Этимъ же можно объяснить и то обстоятельство, что онъ не всегда такъ излагаетъ событія, какъ въ книгахъ Царствъ; иное дополняетъ свѣдѣніями, нужными для его цѣли, иное вовсе опускаетъ, какъ для него излишнее; иного лишь чуть касается или дѣлаетъ намекъ, чтобы напомнить читателямъ.—Посему вѣроятно, что онъ зналъ всѣ наши книги Царствъ и всѣми ими пользовался, сколько было нужно; впрочемъ, прямыми, положи-

тельными, не терпящими возраженій данными этого подтвердить нельзя; мы говоримъ лишь о болѣе вѣроятномъ.

Достовѣрность сказаній книгъ Паралипоменонъ точно такъ же не подлежитъ сомнѣнію, какъ и достовѣрность книгъ Царствъ, и на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, съ прибавленіемъ, что и эти послѣдніе, по сходству многихъ сказаній съ сказаніями книгъ Паралипоменонъ, служатъ подтвержденіемъ достовѣрности ихъ.—Писатель этихъ книгъ еще чаще, чѣмъ писатель книгъ Царствъ, ссылается на источники свои и еще большее число ихъ, чѣмъ дастъ своимъ читателямъ возможность и право повѣрять истинность его сказаній; даже въ родословныхъ таблицахъ ссылается онъ на древнія исторіи.—Значитъ, вымысла сказаній здѣсь быть не можетъ; современники имѣли подъ руками возможность повѣрить все.—За достовѣрность же сказаній самихъ источниковъ ручается опять происхожденіе ихъ отъ современниковъ—очевидцевъ описываемыхъ ими событій и притомъ пророковъ, которые, какъ посланники Божіи, могли вѣрно понимать окружающія ихъ событія и вѣрно записать и вѣрно оцѣнить.—Кромѣ того, изображеніе религіознаго и политическаго состоянія Евреевъ въ періодъ царей именно таково, какого слѣдовало ожидать по ходу исторіи въ этотъ періодъ царей, судя по предыдущему и последующему состоянію Еврейскаго царства, какъ оно изображено въ книгахъ, описывающихъ предыдущій и послѣдующій періоды, и—это изображеніе совершенно сходно съ изображеніемъ этихъ состояній въ книгахъ Царствъ.—Географическія и топографическія замѣтки въ соединеніи съ политическими обстоятельствами Палестины, тѣ же, что и въ книгахъ Царствъ.—И наконецъ, сходство изображеній политическаго и религіознаго состоянія Евреевъ по книгамъ Паралипоменонъ съ изображеніями тѣхъ состояній въ пророческихъ книгахъ такъ же ручается за истину сказаній книгъ Паралипоменонъ, какъ и книгъ Царствъ.—Въ пророческихъ же книгахъ можно найти подтвержденіе и частныхъ фактовъ, о которыхъ повѣствуется лишь въ книгахъ Паралипоменонъ и нѣтъ въ книгахъ Царствъ. Такъ, напр., о нападеніи на Іерусалимъ Арабовъ, при чемъ взяты въ плѣнъ жены и дѣти Іорама (2 П. 21, 16—17), упоминаетъ Іоиль; на укрѣпленія, которыя сдѣлалъ Озія въ Іерусалимѣ и въ пустынѣ, есть указанія у Осіи, который упоминаетъ объ умноженіи укрѣпленій во Іудѣ въ это время (2 П. 26, 9—10. Осіи 8, 14), и пр. и пр.—Но обратимся отъ этихъ общихъ доказательствъ досто-

вѣрности книгъ Паралипоменонъ къ частностямъ, которыя представляютъ нѣкоторое затрудненіе для толкователя, какъ будто противорѣчащія одни другимъ и тѣмъ указывающія на несовершенную достовѣрность всѣхъ сказаній этихъ книгъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь встрѣчается довольно много возраженій, изъ которыхъ мы выберемъ, впрочемъ, лишь важнѣйшія, обходя или мимоходомъ лишь разрѣшая менѣе важныя.

Родословныя таблицы, о которыхъ писатель говоритъ, что онѣ находятся въ древнихъ исторіяхъ,—дѣйствительно ведутся по прежнимъ историческимъ книгамъ Ветхаго Завѣта, по книгамъ Моисея, Навина, Судей, Руѳи и книгамъ Царствъ и—ведутся вѣрно, какъ это можно видѣть изъ сравненія этихъ родословій съ родословіями помянутыхъ книгъ въ главныхъ линіяхъ и съ родословіями по Евангелистамъ: Матѳею и Лукѣ. Затрудненія начинаются лишь съ родословной Іосіи іудейскаго. О сынахъ Іосіи, Іогананѣ и Саллумѣ говорится только въ книгахъ Паралипоменонъ и нигдѣ болѣе въ родословныхъ, тогда какъ объ Іоахазѣ вовсе не упоминается, хотя по книгамъ Царствъ послѣ Іосіи воцарился сынъ его Іоахазъ, который отведенъ былъ въ плѣнъ Фараономъ (1.П. 3. 15. съ подл.— 4 Цар. 23, 30 дал.). Славянскіе переводчики или исправители текста поставили Іоахазъ вмѣсто Іогананъ.—Но это мнимое разнорѣчіе, подавшее поводъ подозрѣвать невѣрность въ родословныхъ таблицахъ книгъ Паралипоменонъ, падаетъ, какъ скоро представимъ, что Іоахазъ назывался и Саллумомъ; а что это дѣйствительно такъ, подтвержденіе находимъ въ книгѣ пророка Іереміи, который говоритъ, что Саллумъ царствовалъ послѣ Іосіи, отца своего, и царствовалъ несчастно за то, что ходилъ неправо предъ Богомъ (22, 11). Очевидно, что рѣчь идетъ объ Іоахазѣ, отведенномъ въ плѣнъ фараономъ и названномъ здѣсь Саллумомъ, какъ и въ нашей книгѣ Паралипоменонъ.— Онъ, младшій изъ сыновъ Іосіи, поставленъ царемъ волею народа прежде старшихъ братьевъ, какъ это видно изъ обозначенія его лѣтъ при восшествіи на престолъ и времени царствованія и обозначенія лѣтъ при восшествіи на престолъ его преемника,—втораго сына Іосіи—Іоакима (о первенцѣ Іогананѣ ничего не извѣстно): 4 Цар. 23, 31, 36.— Далѣе: въ родословіи Іехоніи представляются слѣдующія затрудненія: Іехонія представляется въ книгѣ Паралипоменонъ отцемъ 8 сынамъ, въ числѣ коихъ и Салафіиль (1 П. 3, 17—18); между тѣмъ, когда говорится объ отведеніи его въ плѣнъ, не упоминается о его сыновьяхъ, а говорится лишь о его

матери, женахъ и скопцахъ (4 Цар. 24, 15), въ темницѣ онъ заключенъ былъ крѣпко, а по освобожденіи изъ нея былъ уже старъ для того, чтобы рождать дѣтей, такъ что надъ нимъ, повидимому, вполнѣ исполнилось слово Іеговы, сказанное чрезъ посредство Іереміи пророка, что *не будетъ отъ сѣмене его мужъ, иже сядетъ на престолѣ Давидовѣ и власть имѣяй ктому во Іудѣ* (Іер. 22, 30).—Но если и дѣйствительно у Іехоніи не было родныхъ дѣтей: то могли быть дѣти по усыновленію или по праву ужичества, и что дѣйствительно были таковы и въ числѣ ихъ Салафіиль,—это можно видѣть изъ того, что и Евангелисты Матөей и Лука Салафіиля называютъ сыномъ Іехоніи и—нѣтъ никакого права отвергать достовѣрность этихъ всѣхъ сказаній. Точно также Зоровавель называется сыномъ Салафіиля (Ездр. 3, 2), хотя онъ былъ по плоти сынъ Фадаіи (1 Пар. 3, 19 съ подл.); Салафіиль былъ бездѣтенъ и усыновилъ себѣ Зоровавеля; потому этотъ послѣдній и называется сыномъ то Фадаіи, то Салафіиля.

Для показанія вѣрности родословныхъ таблицъ всѣхъ возвратившихся изъ плѣна Евреевъ нѣтъ въ библейскихъ книгахъ параллельныхъ мѣстъ, съ которыми бы можно было сравнить ихъ; но за истинность ихъ ручается современность возвратившихся лицъ написанію книгъ Паралипоменонъ; современники, безъ всякаго сомнѣнія, могли повѣрять истинность родословныхъ таблицъ, каждый своего рода.—Но вообще, говоримъ, родословія представлены вѣрно съ прочими книгами, гдѣ таковыя есть, и если встрѣчаются различія не многія: то они удобно примиряются примѣненіемъ къ нимъ закона объ ужичествѣ.—

Въ послѣдующей исторической части книги Паралипоменонъ возражаютъ противъ достовѣрности слѣдующихъ сказаній писателя. Въ исторіи Давидова царствованія писатель книгъ Паралипоменонъ повѣствуетъ и не одинъ разъ о раздѣленіи колѣна Левіина на священниковъ, Левитовъ, пѣвцевъ и привратниковъ (1. 23, 3—32. 24, 1 - 31. 25, 26 и пр.), о раздѣленіи священниковъ на 24 чреды, на столько же чередъ Левитовъ изъ коихъ 24000 назначены для служенія при храмѣ, 6000 опредѣлены быть писцами и судьями по всей землѣ, 4000—привратниками для очереднаго бдѣнія при храмѣ, 4000—пѣвцами и музыкантами при храмѣ. Объ этомъ важномъ распоряженіи, говорятъ, писатели книгъ Царствъ не говорятъ ни слова, что не возможно было бы, если бы въ самомъ дѣлѣ было такое важное распоряженіе и—это притомъ

измѣненіе Моисеевыхъ постановленій, слѣдовательно, достовѣрность сказаній объ этомъ книгъ Паралипоменонъ можетъ подлежать сомнѣнію.—Но изъ умолчанія писателемъ книгъ Царствъ объ этихъ важныхъ распоряженіяхъ ничего нельзя заключить противъ сказаній книгъ Паралипоменонъ потому, что писатели, при написаніи своихъ книгъ, имѣли частныя цѣли и свои планы,—и насколько писателю Паралипоменонъ нужно было подробно расказать объ этихъ важныхъ распоряженіяхъ для его цѣли, о которой мы говорили, настолько же писатель книгъ Царствъ могъ опустить ихъ изъ виду, потому что они мало соотвѣтствовали его цѣли; молчаніе вообще не составляетъ само доказательства; оно важно лишь при другихъ прямыхъ, сильныхъ. Моисеевы постановленія о богослуженіи, въ существѣ своемъ, нисколько не были нарушены такими распоряженіями Давида и оставались въ полной своей силѣ; только ихъ исполненіе было расположено цѣлесообразнѣе и опредѣлительнѣе, по требованію обстоятельствъ; обязанности лицъ были полнѣе и точнѣе опредѣлены, что́ было нужно въ то время: народъ при Давидѣ сталъ народомъ могучимъ, занялъ одно изъ *видныхъ мѣстъ и крѣпче* организовался; Давидъ обращалъ вниманіе на внутреннее благоустройство *государства и* не *могъ оставить безъ вниманія* дома Господня, благолѣпіемъ котораго онъ такъ восхищался, и вотъ онъ вводитъ разныя преобразованія, не противныя Моисевымъ учрежденіямъ, а только восполняющія ихъ.—Дѣйствительность этихъ распоряженій подтверждается многими частными указаніями самихъ священныхъ книгъ. Уже часто упоминаемые князи или начальники святилища свидѣтельствуютъ объ этомъ распоряженіи (И. 43, 28. Іер. 35, 4. 1 Пар. 24, 5); 22 изъ этихъ начальниковъ возвратились съ Іисусомъ и Зоровавелемъ въ Іерусалимъ; еще болѣе это видно изъ книгъ Ездры и Нееміи (Ездр. 2, 36—43. Неем. 7, 39—46. Ездр. 7, 7. 24. 10, 18. 23. 24. Неем. 10, 25. 38. 39 и пр.) Во вновь устроенномъ храмѣ они исполняли служеніе по чредамъ, какъ исполнялось то въ древнемъ храмѣ по раздѣленію, введенному Давидомъ (Неем. 12, 24. 11, 22. 23).—Упоминаніе объ этомъ находимъ и въ позднѣйшія времена. Захарія, отецъ Крестителя, былъ изъ чреды Авіевой. Гасмонеи считали себя потомками Іоарава, Іосифъ Флавій также причислялъ себя къ священникамъ одной изъ 24 чередъ, на которыя раздѣлилъ ихъ Давидъ.—Все это показываетъ, что Давидъ дѣйствительно сдѣлалъ и привелъ въ исполненіе

это распоряженіе, иначе неоткуда было взяться въ позднѣйшихъ книгахъ такимъ сказаніямъ; и это вполнѣ подтверждаетъ истинность сказаній книгъ Паралипоменонъ объ этихъ событіяхъ.

Говоря о преобразованіяхъ Давидовыхъ въ храмовомъ богослуженіи, писатель дважды упоминаетъ о введеніи имъ храмовой музыки, вслѣдствіе Божественнаго повелѣнія, при содѣйствіи пророковъ Наѳана и Гада (1 П. 15, 16. 25, 2 Пар. 29, 25 сл. 31, 2) хотя въ книгахъ Царствъ опять нѣтъ сказаній объ этомъ. Но несомнѣнно извѣстно, что эта церковная музыка была при храмѣ, покуда стоялъ онъ: ибо всюду въ позднѣйшихъ сказаніяхъ встрѣчаются слѣды учрежденія этой музыки.—При Езекіи она была въ большомъ употребленіи, точно также при Іосіи (2 Пар. 29, 25—30). По построеніи втораго храма священники трубили и Левиты, сыны Асафа, хвалили Господа по уставу Давида, царя Израилева (Ездр. 3. 10). Упоминаніе о тѣхъ же пѣвцахъ, по распоряженію Давида и Соломона, сына его, находимъ въ книгѣ Неемiи (12, 45—47). Эти и подобныя мѣста (Неем. 12, 24. 36. Ездр. 3, 10. 8, 20), при сравненіи ихъ съ надписями нѣкоторыхъ псалмовъ, вполнѣ свидѣтельствуютъ, что Давидъ дѣйствительно былъ учредителемъ церковной музыки и, слѣдовательно, подтверждаютъ истину сказаній объ этомъ книгъ Паралипоменонъ.—Древность этой музыки видна и изъ того, что при богослуженіи въ Веѳилѣ и Данѣ, въ царствѣ Израильскомъ, пѣніе и инструментальная музыка были въ употребленіи, какъ видно изъ словъ Божіихъ, сказанныхъ чрезъ пророка Амоса Ефремлянами: *отстави отъ Мене гласъ пѣсней твоихъ и пѣсни органовъ твоихъ не послушаю* (5, 23).—Это показываетъ, что музыка явилась еще прежде раздѣленія царствъ и богослуженія. Такимъ образомъ, всѣ мѣста въ книгахъ Паралипоменонъ, гдѣ говорится о введеніи музыки при Дивидѣ и употребленіи ея при послѣдующихъ царяхъ, никакъ не могутъ быть подозрѣваемы въ недостовѣрности исторической.—Другія кажущіяся несообразности и основанныя на нихъ возраженія примиряются такъ же легко,—при внимательномъ и безпристрастномъ сличеніи ихъ съ другими историческими и пророческими книгами Ветхаго Завѣта, такъ что мы считаемъ излишнимъ пересматривать ихъ. Текстъ книгъ Паралипоменонъ, дошедшій до насъ, во многихъ мѣстахъ очень неисправенъ и вводитъ толкователей въ величайшія затрудненія, которыя разрѣшить правильно и ясно иногда

нѣтъ никакой возможности.—Эта неисправность текста никакъ не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы эти книги потерпѣли существенную порчу; они касаются исключительно числъ и собственныхъ именъ; и такъ какъ тѣхъ и другихъ въ книгахъ Паралипоменонъ очень много,—несравненно болѣе, чѣмъ во всякой другой книгѣ Ветхозавѣтной, то и неисправностей вкралось со временемъ болѣе, чѣмъ въ какую либо другую изъ Ветхозавѣтныхъ книгъ.

Числа въ книгахъ Паралипоменонъ иногда показаны меньшія, чѣмъ въ другихъ книгахъ, повѣствующихъ о тѣхъ же предметахъ. Такъ какъ, напр., по книгамъ Паралипоменонъ, у судіи Іаира съ дѣтьми было 23 города въ землѣ Галаадской, а по показанію книги Судей—32 (1 Пар. 2, 22. Суд. 10, 4); по сказанію Паралипоменонъ, одинъ изъ героевъ Давидовыхъ однимъ разомъ поразилъ 300 враговъ, а по свидѣтельству 2-й книги Царствъ—800 (1 Пар. 11, 11. 2 Цар. 23, 8); по показаніямъ книги Паралипоменонъ, Богъ чрезъ пророка Гада въ наказаніе Давиду грозилъ трехлѣтнимъ голодомъ, а по книгамъ Царствъ—7-лѣтнимъ (1 Пар. 21, 12. 2 Цар. 24, 13 съ подл.); по словамъ книги Паралипоменонъ, число способныхъ носить оружіе по ревизіи Іоава изъ колѣна Іудова простиралось до 470 тысячь; а по книгѣ Царствъ ихъ было 500 тысячь (1 Пар. 21, 5. 2 Цар. 24, 9); по показаніямъ книгъ Паралипоменонъ, у Соломона было 400 кобылицъ, для колесницъ, а въ книгахъ Царствъ насчитывается ихъ 4000 (2 Пар. съ подл. 9, 25. 3 Цар. 4, 26); по указаніямъ книгъ Паралипоменонъ, Іоахимъ 8 лѣтъ сдѣлался царемъ іудейскимъ, а по словамъ книги Царствъ 18. (2 Пар. съ под. 36, 9. 4 Цар. 24, 8).—Часто также случается, что въ книгахъ Паралипоменонъ числа увеличены сравнительно съ показаніями другихъ книгъ. Такъ, по сказанію книгъ Паралипоменонъ, Давидъ, послѣ одного сраженія съ Сиріянами, отнялъ у нихъ 70000 колесницъ, а по сказаніямъ книгъ Царствъ—всего 7000 (1 Пар. 19, 18. 2 Цар. 10, 18); въ книгахъ Паралипоменонъ говорится, что по ревизіи Іоава способныхъ носить оружіе во всемъ еврейскомъ царствѣ оказалось 1,000,000; а по книгамъ Царствъ—всего 800,000 (1 Пар. 21, 5. 2 Цар. 24, 9); по словамъ книги Паралипоменонъ, Давидъ купилъ у Орны гумно для жертвенника за 600 сиклей золота, а по словамъ книги Царствъ за 50 только сиклей серебра (1 П. 21, 25. 2 Цар. 24, 24); по показаніямъ книгъ Паралипоменонъ, Соломонъ поставилъ надсматривать за рабочими 3600, а по

книгамъ Царствъ 3,300 (2 Пар. 2, 2. 3 Цар. 5, 15. 16 съ подл.); море стеклянное, сдѣланное при храмѣ Соломоновомъ, вмѣщало въ себѣ, по показаніямъ книгъ Паралипоменонъ, 3000 баттовъ или мѣръ, а по показаніямъ книги Царствъ 2000 (2 Пар. 4, 5. 3 Цар. 7, 26 съ подл.). Охозія, когда началъ царствовать, былъ, по сказанію книгъ Паралипоменонъ, 42 л. (съ подл.), а по сказаніямъ книгъ Царствъ— только 22 (2 Пар. 22, 2. 4 Цар. 8, 26); по сказанію книги Паралипоменонъ, изъ Офира привезли Соломону 450 талантовъ золота, а по сказаніямъ книгъ Царствъ только 420 (2 Пар. 8, 18. 3 Цар. 9, 28).—Въ этихъ и подобныхъ мѣстахъ намѣренное уменьшеніе или увеличеніе чиселъ невѣроятно, потому что нельзя придумать никакого основанія для этого.—Различіемъ показаній источниковъ, которыми пользовался писатель книгъ Паралипоменонъ, этого также объяснять нельзя, потому что у него и могли быть и дѣйствительно были, какъ мы замѣчали, подъ руками наши каноническія библейскія книги, съ которыми онъ могъ свѣрять показанія источниковъ и—не вставать съ ними въ такое ясное противорѣчіе. Остается принять, что послѣ различные переписчики могли измѣнить числа, которыхъ такъ много встрѣчается въ книгахъ Паралипоменонъ и оттого явилась неисправность текста книгъ Паралипоменонъ.

Точно такая же неисправность въ обозначеніи собственныхъ именъ въ книгахъ Паралипоменонъ сравнительно съ другими библейскими книгами, особенно въ генеалогическихъ таблицахъ.—Ниратъ, напр., называется Дифатомъ, Доданимъ—Роданимомъ, Гиманъ—Гоманомъ, Алонъ—Аліаномъ, Хилеавъ Даніиломъ и пр. и пр. Моверсъ насчитываетъ болѣе сотни неправильныхъ или, по крайней мѣрѣ, не согласныхъ съ другими книгами названій собственныхъ именъ.—Впрочемъ, касательно этого нужно замѣтить, что у Евреевъ одно и тоже лицо часто называлось двумя именами и иногда сходными одно съ другимъ и разнящимися лишь въ нѣсколькихъ буквахъ, гласныхъ или согласныхъ. Однако же нельзя не замѣтить и того, что въ книгахъ Паралипоменонъ много неисправныхъ, т. е., неправильныхъ названій, которыя объясняются неисправностію переписчиковъ, замѣнявшихъ одни буквы другими и произведшихъ тѣмъ разныя названія собственныхъ именъ.—Возстановить истинное чтеніе по мѣстамъ нѣтъ возможности; древніе переводы не помогаютъ. По свидѣтельству блаженнаго Іеронима, въ греческихъ и латинскихъ древнихъ

рукописяхъ собственныя имена были такъ различны, что не было возможности привесть ихъ къ единству; то же и въ еврейскихъ рукописяхъ.--Во всѣхъ прочихъ частяхъ книгъ Паралипоменонъ, текстъ чистъ.

Переводъ LXX сдѣланъ довольно вѣрно; впрочемъ, есть отступленія, пропуски, прибавки и неправильности,—немного, впрочемъ.—Замѣтно стремленіе LXX привесть въ единство съ показаніями другихъ библейскихъ книгъ показанія книгъ Паралипоменонъ о числахъ и названія собственныхъ именъ, но—не вездѣ; многое еще осталось въ различномъ видѣ.— Само собою разумѣется, что это различіе не важно и на немъ нельзя основывать рѣшительно ничего противъ каноническаго достоинства или исторической достовѣрности сказаній книгъ Паралипоменонъ. Самые факты описаны согласно съ прочими книгами; различіе лишь въ числахъ и именахъ.—Сначала, когда критика обратила вниманіе на эти различія, она произнесла было надъ ними строгій судъ и заключила изъ этого очень много; но потомъ болѣе безпристрастное вниманіе смягчило эту строгость и—теперь, даже по суду самыхъ строгихъ, эти различія не имѣютъ важности для какихъ—либо серьезныхъ возраженій противъ этихъ книгъ,—что совершенно справедливо.

VII. О первой книгѣ Ездры.

Книга Ездры (первая—каноническая) составляла нѣкогда одно цѣлое съ книгою Неемiи, какъ свидѣтельствуютъ о томъ Оригенъ, Iеронимъ и Талмудъ, а потомъ, по раздѣленіи ихъ на двѣ книги, они назывались первою и второю книгами Ездры. LXX назвали ихъ: одну книгою Ездры, другую—книгою Неемiи. Впослѣдствіи, когда въ составъ библейскихъ книгъ взошли еще двѣ неканоническія книги подъ именемъ Ездры, тогда эта книга получила названіе первой книги Ездры.— Имя свое получила она отъ того, что въ ней описываются по большей части обстоятельства Еврейскаго народа, бывшія при Ездрѣ, который въ нихъ принималъ самое дѣятельное участіе; а также и отъ того, что писателемъ ея былъ этотъ самый Ездра.

Въ книгѣ Ездры повѣствуется прежде всего о первомъ возвращеніи Евреевъ изъ плѣна Вавилонскаго въ свою отечественную землю подъ предводительствомъ Зоровавеля и первосвященника Iисуса, сына Iоседекова, а именно: объ указѣ Кира, которымъ дозволяется Евреямъ возвратиться въ отечество и отдаются священные сосуды, принадлежавшие храму

и взятые Навуходоносоромъ при разграбленіи Іерусалима и храма (гл. 1); счисленіе перваго отдѣленія возвратившихся Евреевъ (2); обновленіе храма, при чемъ а) самое основаніе его, б) препятствія къ возобновленію храма со стороны Самаританъ, остановка строенія и новый доносъ на мнимое самоволіе Евреевъ (3—5), Даріево позволеніе созидать храмъ, освященіе храма и празднованіе Пасхи (6). Этимъ оканчивается первая часть книги. Во второй—до конца книги содержится повѣствованіе о второмъ выходѣ Евреевъ изъ плѣна Вавилонскаго, при Артаксерксѣ, подъ предводительствомъ Ездры, и именно—объ Артаксерксовомъ указѣ, данномъ на имя Ездры съ позволеніемъ Евреямъ, кто хочетъ изъ нихъ, возвратиться въ землю свою, и—возвращеніи, въ слѣдствіе этого указа, втораго отдѣленія плѣнныхъ Евреевъ подъ предводительствомъ Ездры; за тѣмъ содержится исчисленіе этихъ вновь возвратившихся и распоряженія Ездры (7—8); негодованіе и сѣтованіе Ездры о смѣшеніи Іудеевъ съ иноплеменницами и—покаяніе народа (9—10).

Время, въ продолженіе котораго случились описываемыя въ книгѣ Ездры событія, можно опредѣлить съ довольною точностію.—Въ самомъ началѣ книги означается точно годъ, въ который послѣдовалъ указъ Кира о возвращеніи Евреевъ на родину; это—первый годъ царствованія Кира, царя Персидскаго; по сличенію съ свидѣтельствами Ксенофонта, лѣтосчисленіе котораго, по изслѣдованіямъ ученыхъ, имѣетъ болѣе вѣроятности, чѣмъ лѣтосчисленія Ктезія и Геродота,—этотъ первый годъ царствованія Кира падаетъ на 536 г. до Р. Хр. Значитъ, событія, описываемыя въ книгѣ Ездры, начинаются съ этого года; первое изъ нихъ—возвращеніе перваго отдѣленія плѣнныхъ подъ начальствомъ Зоровавеля. Во второй годъ Кирова царствованія начинается созданіе храма; но завистники останавливаютъ это дѣло и въ продолженіе царствованія двухъ послѣдующихъ царей, Агасфероса или Асуира, по нашему переводу, т. е., Камбиза (а не Артаксеркса,—какъ прибавили LXX Ездр. 4, 6. 7), и Арѳасафана или Арѳаксада, т. е., Смердиса,—постройка храма была остановлена; эта остановка продолжалась лѣтъ 12-ть—до втораго года Дарія, который снова издалъ указъ о построеніи храма, постройка продолжалась и окончена на шестомъ году, т. е., около 515 года до Р. Хр.—Нѣкоторые подъ именемъ Дарія, давшаго новое позволеніе возстановить храмъ, разумѣютъ не Дарія Истаспа, преемника Смердиса, а Дарія Нота, правившаго около 420-го года до Р. Хр. и, такимъ образомъ, думаютъ, что

постройка храма замедлилась далѣе указаннаго нами времени почти на столѣтіе; но что здѣсь нужно разумѣть Дарія Истаспа, на это указываютъ слѣдующія соображенія: а) писатель довольно подробно описываетъ препятствія къ возстановленію храма и замедленіе по сему случаю построекъ,—какъ оно началось и сколько времени продолжалось,—какіе цари въ это время были въ Персіи, и упоминаетъ только о двухъ, именно объ Ассуирѣ—Камбизѣ и Арѳасафанѣ—Арѳаксадѣ или Смердисѣ до царствованія Дарія. Теперь, если бы писатель говорилъ о Даріѣ Нотѣ, а не Истаспѣ; то упомянулъ бы и о другихъ царяхъ, способствовавшихъ или препятствовавшихъ построенію храма, царяхъ, бывшихъ послѣ Арѳаксада или Смердиса до Дарія Нота. Притомъ же извѣстно, что Артаксерксъ Лонгиманъ давалъ два раза позволеніе созидать Іерусалимъ и храмъ,—разъ Ездрѣ и потомъ Неемія. Значитъ, еще задолго до Дарія Нота Неемія исполнилъ свое дѣло и, значитъ, подъ именемъ Дарія нужно разумѣть перваго по Арѳаксадѣ Дарія, а это—Дарій Истаспъ. б) Во время возстановленія храма при Даріѣ пророчествовали Аггей и Захарія. Но эти пророки были во времена Истаспа, а не Нота; это видно изъ словъ Захаріи пророка: онъ въ лѣто второе Дарія слышалъ Ангела Господня, который такъ говорилъ Іеговѣ: *Господи Вседержителю! доколѣ не имаши помиловати Іерусалима и грады Іудовы, якоже презрѣлъ еси сіе седмидесятое лѣто* (1, 12), т. е., отъ разоренія храма и Іерусалима,—это время 70 лѣтняго плѣна Вавилонскаго. Но отъ времени разрушенія храма при Седекіи прошло 70 лѣтъ до 2 года царствованія не Нота, а Дарія Истаспа: ибо до Дарія Нота прошло 170 лѣтъ отъ начала плѣна Вавилонскаго. в) Если бы Дарія Нота нужно было здѣсь разумѣть: то одинъ Іисусъ отправлялъ бы первосвященство около 140 лѣтъ, а прочіе 5, о которыхъ упоминается въ книгѣ Нееміи (12, 10 13), были первосвященниками 103 года, что крайне невѣроятно. Притомъ, нѣкоторымъ изъ Іудеевъ, возвратившимся изъ плѣна и дожившимъ до Дарія Нота, было бы болѣе 200 лѣтъ, что также невѣроятно; а что нѣкоторые, отведенные въ плѣнъ при Навуходоносорѣ, дожили до возвращенія и видѣли второй храмъ, видно изъ самой книги Ездры: 3, 12. Наконецъ, Флавій и Іеронимъ свидѣтельствуютъ, что храмъ Іерусалимскій сооруженъ въ царствованіе Дарія Истаспа. Итакъ, въ этой первой половинѣ книги Ездры описанныя событія случились въ продолженіе времени отъ 536 до 515 г.

до Р. Хр. Возвращеніе втораго отдѣленія плѣнныхъ Евреевъ, описаніе котораго составляетъ вторую часть книги Ездры, совершилось подъ предводительствомъ этого самаго Ездры, въ 7-й годъ царствованія Артаксеркса царя, котораго прозываютъ Лонгиманомъ, который правилъ отъ 464 по 424 г. до Р. Хр. 7-й годъ его царствованія падаетъ, значитъ, на 457-й годъ до Р. Хр. Значитъ, вся книга Ездры описываетъ важнѣйшія событія изъ жизни еврейскаго народа въ продолженіе времени отъ 536 до 515 и потомъ отъ 457 года по 455 годъ, если предположить, что нѣкоторыя распоряженія Ездры, описанныя въ концѣ книги, продолжались два года, - болѣе времени для совершенія этого не слѣдуетъ полагать.

Изъ содержанія и опредѣленія времени событій, описанныхъ въ книгѣ Ездры, весьма ясно видно отношеніе ея къ книгамъ Паралипоменонъ: она составляетъ прямое продолженіе этихъ книгъ.—Въ книгахъ Паралипоменонъ описываются, сообразно извѣстной цѣли, важнѣйшія событія изъ исторіи Еврейскаго царства до плѣна Вавилонскаго; въ книгѣ Ездры — событія дальнѣйшаго времени, обстоятельства возвращенія Евреевъ изъ плѣна и распоряженія касательно возсозданія храма и возстановленія богослуженія.—На это отношеніе указываетъ и единство первыхъ стиховъ книги Ездры съ послѣдними стихами книгъ Паралипоменонъ, и какъ въ этихъ послѣднихъ книгахъ эти стихи стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ предшествующими, такъ и въ книгѣ Ездры они стоятъ въ неразрывной связи со всѣмъ ея содержаніемъ.—Если это заставляетъ догадываться, что писатель этихъ книгъ одинъ и тотъ же: то эта догадка достигаетъ степени достовѣрности отъ единства плана, цѣли и способа повѣствованія въ книгѣ Ездры съ книгами Паралипоменонъ.—Писатель книги Ездры особенно любитъ нѣкоторыя выраженія и обороты, какіе часто употребляются и въ книгахъ Паралипоменонъ (Ездр. 3, 2, 6. 1 Пар. 16, 40. 2 Пар. 29, 27 и пр.); съ такою же любовію, какъ писатель книги Паралипоменонъ, и съ тою же цѣлію и намѣреніемъ останавливается онъ на всемъ, что касается храма, богослуженія, принесенія жертвъ, церковной музыки, священниковъ и левитовъ и вообще культа.—Писатель книгъ Паралипоменонъ подробно описываетъ устройство храма Соломономъ и торжественное, великолѣпное освященіе его; а равно преобразованія, введенныя Давидомъ, Соломономъ, Езекіею и Іосіею; книга Ездры показываетъ, что по возможности тоже было и при освященіи втораго храма, и что по возможности

все, что введено было прежними царями, удержано и при второмъ храмѣ.—Писатель книгъ Паралипоменонъ, въ своихъ родословныхъ таблицахъ, останавливается часто и излагаетъ подробно родословныя таблицы священническаго и левитскаго родовъ; точно также—и писатель книги Ездры (Ездр. 2, 7, 1—15. 10, 1 сл. 2, 36 сл.).—Наконецъ, во всемъ языкѣ видно тоже вліяніе арамейскаго языка на чисто Еврейскій, какой замѣчали мы и въ книгахъ Паралипоменонъ, тоже упоминаніе о персидскихъ монетахъ и вообще, старой рѣчи, по изслѣдованію ученыхъ, ясно указываетъ не только на одно время написанія книги Ездры съ книгами Паралипоменонъ, но даже на единство ихъ писателя.

Если отъ этихъ доказательствъ происхожденія книги Ездры отъ одного писателя съ книгами Паралипоменонъ, т. е., отъ Ездры, доказательствъ, заимствованныхъ изъ сравненія общаго характера книги Ездры съ книгами Паралипоменонъ, обратимся къ частнымъ указаніямъ книги Ездры на своего писателя: то найдемъ несомнѣнное подтвержденіе высказаннаго мнѣнія.—Въ цѣломъ отдѣленіи отъ 27-го ст. 7-й главы до 15 ст. 9 гл. писатель повѣствуетъ объ Ездрѣ въ первомъ лицѣ; значитъ, несомнѣнно онъ писатель всего этого отдѣленія.—Первые стихи этого отдѣленія очевидно указываютъ на царскій указъ, изложенный въ этой же главѣ (7, 12—26); къ изложенію этого указа первые 11 стиховъ той же главы составляютъ вступленіе, а 10-я глава составляетъ заключеніе описанія всего происшествія, такъ что глл. 7—10 образуютъ одно стройное цѣлое; и какъ и въ этомъ отдѣленіи по мѣстамъ писатель говоритъ объ Ездрѣ въ 1-мъ лицѣ; то значитъ писатель всего отдѣленія—самъ Ездра.—Противъ этого заключенія возражаютъ, что, во первыхъ, 11-й ст. этого цѣлаго отдѣленія и во всей заключительной главѣ (10) писатель говоритъ объ Ездрѣ въ третьемъ лицѣ, и, слѣдовательно, не Ездра, а Ездра писатель только того небольшаго отдѣленія, гдѣ онъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ. Но это возраженіе, очевидно, слабое. Странно представить, что изъ цѣлаго большаго отдѣленія, имѣющаго строгое единство, какъ одно стройное цѣлое, середина писана однимъ лицемъ Ездрою, а начало и конецъ - другимъ, неизвѣстнымъ.—Причина, подавшая поводъ къ такому заключенію, именно, что въ началѣ и концѣ писатель говоритъ объ Ездрѣ въ третьемъ лицѣ,—сама по себѣ вовсе не требуетъ такого ошибочнаго заключенія.—Употребленіе самимъ писателемъ формы третьяго лица,

когда онъ говоритъ о себѣ самомъ, точно также ничего не доказываетъ противъ мнѣнія объ Ездрѣ, какъ писателѣ всего этого отдѣленія,—какъ употребленіе и втораго лица, когда это нужно по ходу рѣчи,—и какъ это есть въ разсматриваемомъ отдѣленіи (7, 12—26).—Это обычная манера у священныхъ повѣствователей говорить о себѣ и въ первомъ, и во второмъ, и въ третьемъ лицѣ, когда того требуетъ ходъ рѣчи и—наглядность, непосредственность, такъ сказать, изображенія извѣстныхъ событій. Посмотрите, напр., въ книгахъ Моисея; тамъ часто писатель говоритъ о себѣ и въ первомъ, и во второмъ, и въ третьемъ лицѣ, и, однакоже, изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы Моисей не былъ писателемъ всего Пятокнижія, или, чтобы оно было интерполировано позднѣйшею рукою. У пророковъ это встрѣчается еще чаще, и кто же сталъ бы утверждать, что эти пророчества пополнены позднѣйшимъ писателемъ?— Если, далѣе, возражаютъ противъ утверждаемаго нами мнѣнія, что писатель въ первыхъ 11 ст. разсматриваемаго отдѣленія сообщаетъ родословную Ездры (7, 1—5) и восхваляетъ его, называя искуснымъ въ законѣ Моисеевомъ, который Богъ даровалъ Израилю, —*да взыщетъ закона Господня и да творитъ и учитъ во Израили повелѣніемъ Господнимъ и судбамъ* (6. 10) и пр., каковыя похвалы себѣ не умѣстны, если бы Ездра былъ писателемъ этого мѣста, что и показываетъ, будто, что онъ писатель не всего этого отдѣленія: то и это возраженіе, очевидно, не имѣетъ силы. Генеалогія Ездры здѣсь, когда повѣствуется о немъ, какъ главномъ дѣйствующемъ лицѣ, такъ естественна и сообразна съ обычаями восточныхъ писателей, что странно было бы, если бы ея не было тутъ и при томъ предположеніи, что писатель всего этого отдѣленія Ездра; это объясняется просто обыкновеніемъ сообщать родословную таблицу замѣчательнаго лица въ началѣ изображенія дѣлъ его, хотя бы писателемъ ея и было это самое лицо, сознававшее свое назначеніе и важное призваніе.—Названіе „искуснаго въ писаніи" или въ законѣ—простое титло, вовсе не выражающее похвалы себѣ и—не необыкновенное у Іудеевъ и, притомъ, какъ видно, усвоенное Ездрѣ: ибо и въ царскомъ указѣ онъ называется также и въ книгѣ Неемiи часто называется онъ этимъ именемъ (8, 1. 2. 9). Значитъ, и самъ Ездра могъ употреблять о себѣ это выраженіе,—вовсе не изъ похвалы себѣ, а потому, что оно же было употреблено и въ указѣ царскомъ.—Точно тоже должно сказать и о другихъ мнимыхъ похвалахъ себѣ,—онъ говоритъ

о себѣ лишь такъ, какъ сознаетъ, и какъ понимаетъ свое назначеніе, и эти похвалы—совершенная правда и вполнѣ сообразны съ восточными обычаями. Такимъ образомъ, возраженія противъ мнѣнія о происхожденіи всего разсматриваемаго отдѣленія отъ Ездры, на самомъ дѣлѣ лишь болѣе говорятъ въ пользу этого мнѣнія.- А такъ какъ и слогъ, и способъ повѣствованія, и цѣль, и планъ этого отдѣленія совершенно одинаковы съ первымъ отдѣленіемъ: то и это должно быть написано имъ же; по крайней мѣрѣ, противнаго рѣшительно нельзя доказать. Такимъ образомъ, намъ кажется совершенно вѣрнымъ то древнее преданіе, что Ездра написалъ какъ книги Паралипоменонъ, такъ и книгу, извѣстную подъ его именемъ: въ тѣхъ онъ писалъ замѣчательныя происшествія изъ жизни народа еврейскаго до плѣна или собственно до возвращенія изъ плѣна и возстановленія политической самостоятельной жизни еврейскаго народа; а въ этой происшествія изъ времени этого самого возстановленія.

Достовѣрность сказаній книги Ездры не можетъ подлежать сомнѣнію, какъ бы ни старались заподозрить ее.—Непонятною находятъ чрезвычайную благосклонность Кира къ Евреямъ, выраженную въ его указѣ, и представляютъ, что дѣло было какъ либо иначе и—въ самомъ указѣ находятъ выраженія подозрительныя, которыя едва ли могъ употреблять Киръ.—Но что таковой указъ, съ дозволеніемъ Евреямъ возвратиться, дѣйствительно состоялся, объ этомъ свидѣтельствуетъ непререкаемо самое возвращеніе Евреевъ.—Этотъ указъ послѣ найденъ былъ при Даріи Истаспѣ (6, 2—6). И благосклонность Кирова къ Евреямъ вовсе не необъяснима.—Стоитъ только представить, что Персы питали къ Вавилонскому идолослуженію тоже отвращеніе, какъ и Евреи, и, слѣдовательно, первые нашли въ этомъ отношеніи полное сочувствіе въ послѣднихъ, что̀ ихъ очень естественно сблизило между собою и внушило Персамъ расположеніе, а можетъ быть, и уваженіе къ Евреямъ, хотя причины, породившія это сочувствіе, т. е. причины ненависти къ Вавилонскому культу, и были различныя у Евреевъ съ Персами.—Это сочувствіе, далѣе, укрѣплялось тѣмъ, что и Персы, и Евреи считали Вавилонянъ общими врагами, при чемъ естественно первые находили опору своимъ завоеваніямъ въ послѣднихъ, а эти послѣдніе съ охотою служили первымъ, при чемъ—очень естественно вліяніе на царя великихъ людей Израильскихъ, изъ коихъ нѣкоторые занимали высокія мѣста, какъ это видно

изъ книги пророка Даніила.—Прибавимъ къ этому древнее преданіе, что причиною, почему Киръ дозволилъ Евреямъ возвратиться въ родную землю, было, между прочимъ, объясненное ему и изумившее его пророчество Исаіи, который за 200 л. до рожденія этого государя и за 140 л. до разрушенія перваго Іерусалимскаго храма, предсказалъ, что Богъ воздвигнетъ нѣкогда „помазанника Кира“ и что этотъ „помазанникъ“, по внушенію Божію, *созиждетъ снова градъ Іерусалимъ и плѣненіе людей Божіихъ возвратитъ* (Иса. 45, 1—14). Этому преданію не вѣрить нѣтъ достаточныхъ причинъ, а при этомъ вполнѣ понятно благоволеніе Кира къ Евреямъ. Начало указа: *вся царстви земная даде мнѣ Господь Богъ небесный и той повелѣ ми, да созижду Ему домъ въ Іерусалимѣ, иже во Іудеи*—указываютъ, съ одной стороны, на восточный обычай подданныхъ считать царей своихъ обладателями всего свѣта (что и нынѣ еще сохраняется) и обычай царей въ титулахъ своихъ именовать себя властителями міра, что также еще до нынѣ сохраняется,—съ другой, что онъ почиталъ Бога Еврейскаго, Іегову. Это почтеніе нисколько не удивительно въ языческомъ царѣ—побѣдителѣ и вовсе не указываетъ на то, чтобы Киръ сдѣлался по религіи Евреемъ (—что, дѣйствительно, трудно предположить). Нѣтъ, это почтеніе было у него, какъ у политеиста, на него такъ должно и смотрѣть: извѣстно, что политеизмъ, на ряду съ своими богами, признавалъ и чужестранныхъ боговъ и воздавалъ имъ почтеніе; это не было противорѣчіемъ въ сознаніи политеиста и совершенно мирилось съ его религіознымъ воззрѣніемъ. Обстоятельства, вызвавшія благосклонность Персовъ и Кира къ Евреямъ, также могли расположить язычника къ Богу еврейскому и онъ въ указѣ считаетъ его своимъ Богомъ, давшимъ ему царства земныя. Не говоримъ уже о томъ, что, по словамъ книги, Самъ Іегова воздвигъ духъ Кира и—давалъ ему знать о Себѣ и чудесами, которыя не могли не быть извѣстны Киру, какъ совершившіяся не очень за долго до него. Итакъ, понятія, выраженныя въ началѣ указа Кирова, совершенно понятны въ Кирѣ, при его отношеніяхъ къ народу Еврейскому. Заключеніе указа: *и всякъ оставшійся отъ всѣхъ мѣстъ, идѣже той обитаетъ, какъ чужестранецъ* (въ подл. у LXX эти два слова опущены), *и да помогутъ ему мужи отъ мѣста сего сребромъ и златомъ и сосуды и скоты и съ добровольными обѣщаніи* (дарами) *въ Церковь Божію, яже въ Іерусалимѣ* (—4), вполнѣ согласно съ обстоятель-

ствами того времени. Евреи тогда могли назваться „остаткомъ“: ибо много ихъ погибло, какъ можно заключить изъ числа всѣхъ возвратившихся, сравнительно съ прежнимъ—густымъ народонаселеніемъ Іудеи предъ плѣномъ Вавилонскимъ. Они были, очевидно, чужестранцы, выселенные изъ своей родной земли. Большая часть изъ нихъ были рабы, слѣдовательно, безъ имущества; да и свободные-то врядъ-ли имѣли много стяжаній; потому очень естественъ приказъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, неимущимъ дано было нѣкоторое вспомоществованіе для возвращенія въ свою родную землю. Повелѣніе давать добровольные дары для храма Іерусалимскаго вполнѣ соотвѣтствуетъ древнему всеобщему обычаю—жертвоприношеніями во храмѣ снискивать благоволеніе боговъ или Бога, въ честь котораго воздвигнутъ храмъ,—хотя бы то были боги или богъ чужестранній. То же дѣлаетъ и самъ царь (1, 7—12). Послѣ точно такъ же поступаютъ Дарій Истаспъ и Артаксерксъ Лонгиманъ (6, 6—12. 7, 15—24). Достовѣрность этого указа, посему, не можетъ возбуждать сомнѣнія. Слѣдствія этого указа—возвращеніе многихъ Евреевъ, подъ водительствомъ Зоровавеля и Іисуса,—и первыя распоряженія ихъ въ Іерусалимѣ касательно храма и богослуженія не могутъ возбуждать сомнѣнія въ ихъ достовѣрности.

Постройка храма замедляется на довольно долгое время, вслѣдствіе жалобы враговъ іудейскаго царства, Самарянъ, которыхъ Зоровавель, Іисусъ и старѣйшины іудейскіе не допустили участвовать въ построеніи храма, потому что Самаряне не исповѣдывали во всей чистотѣ религіи Еврейской, а, содержа законъ Моисеевъ, содержали многое изъ языческихъ обычаевъ. Эта жалоба представляетъ такія характеристическія частности, которыя вполнѣ ручаются за достовѣрность всего этого происшествія, полагая на него печать истинности. Жалоба начинается такъ: *вѣдомо да будетъ царю, яко Іудеи, иже взыдоша отъ тебѣ къ намъ, пріидоша во Іерусалимъ, градъ отступный и лукавый, его же созидаютъ* (4, 12). Съ досады, что имъ не позволяютъ участвовать въ постройкѣ храма, они клевещутъ на столицу Іудейскую, представляя возсозданіе ея опаснымъ для Персовъ, потому что этотъ городъ отступный и лукавый, измѣнитъ, не будетъ покоренъ, отложится. Они говорятъ лишь о созиданіи города и городскихъ стѣнъ: ибо только это, а не возстановленіе храма, что было первымъ дѣломъ возвратившихся Евреевъ, можно было представить персидскимъ царямъ дѣломъ опаснымъ; какъ

скоро стѣны возстановятся, Іудеи, по словамъ клеветниковъ, не будутъ покорны персамъ (4, 13—16). Если совѣтуютъ царю изъ памятныхъ книгъ убѣдиться, что этотъ народъ (Іудеи) непокорный и строптивый: то, конечно, они указываютъ на государственныя записи Ассирійскихъ и Вавилонскихъ царей — около временъ Навуходоносора, когда Евреи, еще составляя государство самостоятельное, упорно защищались, отстаивая свою политическую самостоятельность; и успѣхъ этой жалобы, хотя недавно еще Евреи пользовались расположеніемъ Персидскихъ царей, не страненъ, если обратить вниманіе на политическія обстоятельства Персидскаго царства въ то время. Не имѣя великодушнаго, героическаго характера Кирона, пугливый преемникъ его, Камбизъ, угрожаемый при томъ происками младшаго брата своего Смердиса, могъ дѣйствительно повѣрить доносу на Евреевъ, могъ считать опаснымъ возстановленіе Іерусалима и пріостановить дѣло Евреевъ. Тѣмъ болѣе этого слѣдовало ожидать отъ преемника его, Смердиса, которому бунтъ жрецовъ помогъ, наконецъ, свергнуть съ престола Камбиза, и который самъ едва продержался на престолѣ немного времени, и вотъ, постройки въ Іерусалимѣ замедляются. Въ слѣдствіе новой просьбы Іудеевъ, въ которой они ссылаются на указъ Кировъ, Дарій Истаспъ, занятый войнами внѣшними и нуждавшійся въ поддержкѣ всѣхъ своихъ подданныхъ, снова дозволяетъ продолжать остановленное дѣло Евреевъ, чтобы показать свое благоволеніе къ нимъ и привязать къ себѣ всѣхъ своихъ подданныхъ. Такъ всѣ обстоятельства, описанныя въ этомъ отдѣленіи книги Ездры, вполнѣ совпадаютъ съ обстоятельствами того времени Самарянъ, Іудеевъ и Персидскихъ царей, и это совпаденіе подтверждаетъ исторически достовѣрность сказаній этого отдѣленія книги Ездры. Тоже должно сказать и о повѣствованіяхъ, составляющихъ вторую часть ея. Здѣсь уже главнымъ дѣйствующимъ лицемъ—самъ Ездра, и достовѣрность его сказаній не требуетъ разсмотрѣнія.

Достовѣрность сказаній книги Ездры подтверждается, наконецъ, книгами пророковъ Аггея и Захаріи, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ это время. Эти пророки и въ своихъ рѣчахъ являются точно таковыми же, каковыми изображаются они въ книгѣ Ездры, какъ великіе ревнители возстановленія втораго храма (Ездр. 5, 1. 2, 2. 14. Аг. 1, 2. Зах. 1, 8—17 сл.). Іисусъ, сынъ Іоседековъ, бывшій тогда первосвященникомъ, и Зоровавель являются таковыми же и въ этихъ книгахъ,

какъ и въ книгѣ Ездры, равно какъ Киръ и Дарій—покровители Евреевъ (Ездр. 3, 2. 8. 1, 8. 11. 5, 2. 4, 2. 3. Агг. 1, 1. 12. 14. 2, 2). Повѣствованія ихъ согласны и въ томъ, что этотъ второй храмъ далеко уступалъ въ величіи и пышности первому Соломонову храму, и что возстановленіе его задержано было завистію враговъ (Ездра 3, 12. Агг. 2, 3. Ездр. 4, 4 сл. Аг. 1, 2 сл.). Самаряне, кромѣ того, всегда послѣ были врагами Іудеевъ, что подтверждаетъ сказанія Ездры о враждебныхъ ихъ расположеніяхъ. Построенный ими на горѣ Гаризинъ храмъ свидѣтельствуетъ объ истинности сказаній Ездры, что они дѣйствительно просились у Евреевъ участвовать въ построеніи Іерусалимскаго храма. Такимъ образомъ, заключаемъ, историческая достовѣрность сказаній книги Ездры не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Текстъ книги Ездры, дошедшій до насъ, чистъ. Только въ обозначеніяхъ именъ и въ числахъ есть опять различіе съ показаніями книгъ Паралипоменонъ и Неемін. Это объясняется такъ же, какъ и въ книгахъ Паралипоменонъ, неисправностію переписчиковъ и не кладетъ никакой тѣни подозрѣнія на книгу.

Тула. Печатать позволяется. 1899 г. Августа 30-го.
Цензоръ Протоіерей *Георгій Пановъ*.

Тула Типографія И. Д. Фортунатова.